

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

**Криминологическая характеристика и профилактика
преступности коренных малочисленных народов Севера**

Монография

Тюмень
2017

УДК 343.85
ББК 69.99(2)82
К 82

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России

Рецензенты:

заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного
юридического университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор **И.Я. Козаченко**;
начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент **М.В. Бавсун**;
профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент **А.П. Фильченко**

Авторы:

А.В. Сумачев, доктор юридических наук, профессор;
Д.А. Трубицын, кандидат юридических наук

Сумачев А.В., Трубицын Д.А.

К 82 Криминологическая характеристика и профилактика преступности
коренных малочисленных народов Севера: монография. Тюмень: Тюмен-
ский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2017.
142 с.

ISBN 978-5-93160-244-8

В монографии формулируется понятие преступности коренных малочисленных народов Севера, определяется ее общественная опасность. Выявляются детерминанты преступности коренных малочисленных народов Севера и на этой основе определены социально-правовые и прикладные аспекты ее профилактики на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях; раскрываются недостатки в организации работы по профилактике преступности коренных малочисленных народов Севера, предлагаются рекомендации по их минимизации и устранению

Монография адресована слушателям, обучающимся по дополнительным профессиональным программам, основным программам профессионального обучения сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания, образовательным программам высшего образования, преподавателям, адъюнктам, курсантам образовательных организаций системы МВД России

УДК 343.85
ББК 69.99(2)82

ISBN 978-5-93160-244-8

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА	7
§ 1. Понятие и общественная опасность преступности коренных малочисленных народов Севера	7
§ 2. Криминологическая характеристика лиц из числа коренных малочисленных народов Севера, совершающих преступления	19
§ 3. Понятие и виды детерминант преступности коренных малочисленных народов Севера	34
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА	54
§ 1. Понятие, виды, уровни и субъекты профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера	54
§ 2. Социально-правовые основы профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера	64
§ 3. Перспективы и возможности использования преимущественности социального опыта при организации профилактики на региональном уровне.	73
ГЛАВА 3. ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА.....	80
§ 1. Профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера на общесоциальном уровне	80
§ 2. Профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера на специально-криминологическом уровне	91
§ 3. Профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера на индивидуальном уровне.....	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126
Приложение. Видовая структура преступности коренных малочисленных народов Севера в сравнении с показателями преступности по автономному округу и Российской Федерации.....	128
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	129

ВВЕДЕНИЕ

Прошедший год характеризуется незначительным снижением количества совершенных противоправных деяний¹ [196]. Однако анализ динамики преступности за более продолжительный период времени свидетельствует, что эта тенденция не имеет постоянного характера, поэтому преступность и ее отдельные этнические проявления по-прежнему являются социально значимой проблемой современной России. В этой связи необходимо отметить, что постулированная еще Э. Дюркгеймом атрибутивность преступности любому здоровому обществу² [62, с. 42], не отменяет задач выявления ее детерминант и реализации мер профилактики, так как в обратной взаимосвязи динамика и уголовно-правовая характеристика преступности говорят о социальном неблагополучии как общества в целом, так и его отдельных национальных сегментов.

Кроме этого, акцентуация научного интереса к проблематике преступности коренных малочисленных народов Севера дополнительно обусловлена и более характерными для национальных групп населения аспектами, которые не могут быть проигнорированы в дискурсе современной криминологической науки.

Во-первых, коренные малочисленные народы Севера проживают на значительной территории в 28 субъектах Российской Федерации, для них характерно ведение традиционного образа жизни, занятие национальными промыслами. Возрастающая инклюзия аборигенного населения в изменяющийся социальный ландшафт, переход от кочевого образа жизни к самоидентификации в полиэтнических поселениях, обуславливают повышение их криминальной активности, что диктует необходимость изучения атрибутивных этой преступности признаков, так как в историческом развитии она выходит из национальных стойбищ на улицы городов.

Во-вторых, представители коренных национальностей, несмотря на гарантированное статьей 69 Конституции РФ [3] равенство, находятся в социально уязвимом положении, обусловленном их национальной идентичностью. Дальнейшее развитие этих народов, которое снимет для них «заявку на выживание» в преобладающем и стремительно меняющемся социуме, лежит в плоскости совершенствования механизмов правового регулирования их жизнедеятельности, в том числе в сфере уголовно-правовых отношений, что даст возможность компенсировать энтропийные потери от ассимиляции в современном обществе.

В-третьих, предельная степень актуальности изучения преступности коренных малочисленных народов проявляется в ходе анализа ее статистических показателей. Обобщение данных о динамике преступности в 2011 – 2016 годах показывает, что при снижении в Ямало-Ненецком авто-

¹ По данным сайта МВД РФ, в 2016 году в России зарегистрировано 2 160 063 преступления, что на 9,6 % меньше, чем в 2015 году.

² «Не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности».

номном округе количества зарегистрированных преступлений (с 9 395 до 8 000), криминальная активность представителей автохтонных народностей не снизилась, а количество совершенных ими преступлений, напротив, возросло (с 764 до 812).

Анализ работ по проблемам аборигенного населения Севера показывает, что основной массив научных изысканий, имеющих отношение к коренным малочисленным народам, сконцентрирован в области конституционного права, социологии и антропологии, при их явном дефиците в пространстве криминологии. Безусловно, вопросы изучения этнической преступности неоднократно поднимались в работах многих авторов, но обобщение проведенных исследований свидетельствует, что вектор научного познания преимущественно был направлен на разработку проблем этнической преступности выходцев Северного Кавказа и Средней Азии, что связано с повышением степени их криминальной активности при трудовой миграции. Для коренных малочисленных народов Севера миграционные процессы не свойственны, в силу традиционного образа жизни и специфики безальтернативных национальных промыслов, они исторически привязаны к Северу. В местах исконного проживания коренным населением совершается значительное количество преступлений, что инициирует социальный запрос к принятию мер по профилактике, который современными криминологическими исследованиями пока не удовлетворен.

Ретроспективный анализ правового статуса коренных малочисленных народов Севера, с момента первого покорения полярных рубежей до современного промышленного освоения Арктической зоны, показывает, что продолжительное время представители коренных национальностей Севера были подвержены люстрации, обусловленной отсутствием образования, навыков широкого социального общения и дисперсным расселением в национальных общинах. Иными словами, вовлеченность этих народов в социальную действительность преобладающего общества была незначительной. По этой причине преступность коренных малочисленных народов Севера носила преимущественно внутриобщинный характер, практически не выходя за границы примитивных бытовых потребностей.

На современном этапе развития, усилиями федеральных и региональных властей, направленными на комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны, преодоление очагового характера промышленно-хозяйственного освоения полярных территорий, коренное население Севера получило ряд преференций, став заметным участником общественных отношений в местах исконного проживания. Но интенсивное включение в преобладающую индустриальную цивилизацию, отягощенное влиянием массовой культуры, повлекло трансформацию количественных и качественных показателей преступности аборигенного населения Севера. В своем развитии преступность перешагнула внутриобщинный и бытовой порог, на сегодняшний день ее определяет широкий спектр противоправных деяний: от посягательств в сфере экологии до преступлений

против порядка управления. Несмотря на расширение видового состава, преступность коренных малочисленных народов Севера до настоящего времени сохраняет свои территориальные и национальные признаки. Поэтому в ее перспективном изучении одинаково недопустимы как тенденция абсолютизации региональной специфики, так и релятивизация ее особенностей, что подразумевает комплексный, в некоторой степени, междисциплинарный подход к ее изучению.

Необходимость стереоскопического взгляда на преступность аборигенного населения Ямала обусловила анализ и обобщение значительной теоретической и эмпирической базы: международных документов в области защиты прав и свобод коренных малочисленных народов; нормативно-правовых актов Российской Федерации и Ямало-Ненецкого автономного округа, определяющих аскриптивный статус аборигенных народов Севера; статистических данных о преступности в Российской Федерации, в Ямало-Ненецком автономном округе; материалов следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях, совершенных представителями коренных национальностей и в отношении них.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в определении криминологической характеристики преступности коренных малочисленных народов Севера, признаков ее субъектов, комплекса специфических детерминант, а также в стремлении авторов выработать и обосновать практические меры, призванные оптимизировать процесс профилактики преступности аборигенного населения Севера. Сформулированные по результатам исследования теоретические и практические выводы могут быть использованы не только при совершенствовании механизмов профилактики в Ямало-Ненецком автономном округе, но применены в организации предупредительной деятельности как минимум в 27 субъектах Российской Федерации, на территории которых проживают коренные малочисленные народы Севера.

ГЛАВА 1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

§ 1. Понятие и общественная опасность преступности коренных малочисленных народов Севера

Проблема преступности характерна не только для современной России в целом, но и для незначительных этнических сообществ, к числу которых относятся коренные малочисленные народы Севера. Национальный характер такой преступности обуславливает ее самобытные черты, связанные с криминологической характеристикой субъекта, спецификой детерминант, особенностями социального взаимодействия с преобладающим обществом. Как отмечает С.И. Курганов: «преступность относится к тем социальным явлениям, которые касаются непосредственно каждого человека, оказывают влияние на все стороны жизни общества. Причем исторически значимость феномена преступности возрастает как субъективно - в общественном сознании, так и объективно - в реальных социальных процессах» [149, с. 116].

Еще в начале тысячелетия В.В. Лунеев указывал: «доминирующей криминологической тенденцией остаются продолжающийся рост преступности в мире, увеличение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей мобильной и мимикрирующей криминализации общественных отношений» [102, с. 2-3].

Происходящий на современном этапе процесс социальной интеграции коренного малочисленного населения Севера в доминирующее общество, переход от кочевого образа жизни к оседлости в условиях урбанизации, обуславливают необходимость выявления не только специфических черт преступности аборигенных народов, но и вариативных подходов к ее предупреждению. Эффективная деятельность по профилактике этой преступности, наряду с иными социальными инструментами, должна способствовать сохранению и устойчивому развитию автохтонных народов арктических территорий России. Как указывает С.Х. Хакназаров: «устойчивое, с общенациональной точки зрения, развитие – это управляемое развитие человеческого общества с целью сохранения его жизнедеятельности. Оно предполагает наблюдение за системой показателей развития жизни в следующих аспектах: географическом, экономическом, культурном и правовом» [121, с. 100]. Аналогичное мнение высказывает Ю.В. Черновицкая, которая пишет, что «для гармоничного развития требуются свои гигантские «скрепы», гасящие цивилизационные разломы и противоречия на базе симбиоза техногенных и этнонациональных систем и воспроизводства в их рамках не только товарной массы, но и качества жизни» [127, с. 166]. По-

этому вопросы обеспечения такого развития лежат, в том числе, в плоскости изучения преступности коренных малочисленных народов Севера, ориентированного не только на достижение специально криминологических целей ее предупреждения, но, в общесоциальном смысле, направленного на преодоление препятствий на пути оптимального включения народов Севера в жизнь современного поликультурного общества.

С учетом того, что тема исследования связана, в первую очередь, со спецификой субъекта преступления, необходимо определить ряд признаков, которые позволят выделить представителей коренных малочисленных народов Севера из общей совокупности лиц, нарушивших уголовно-правовые запреты. Российское законодательство трактует термин коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего востока как «народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего востока, на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [11]. Данное толкование учитывает ряд характерных факторов, но, по нашему мнению, все равно, носит суженный характер. Это связано с тем, что оно не включает в малочисленные народы тех представителей коренного населения, которые не осуществляют традиционной хозяйственной деятельности, проживают в населенных пунктах со смешанным составом населения, однако, в полной мере сохраняют этническую самобытность, специфический менталитет и архетипические формы поведения. Региональное законодательство субъектов Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов в этом аспекте дополняет федеральное, потому что в качестве критерия отнесения тех или иных лиц к числу коренных народов севера, кроме указанных выше, относит и национальную принадлежность лиц, которые не заняты традиционным промыслом. Данная позиция является более социально справедливой, так как в большей мере соответствует современной действительности. В свою очередь, включение в состав субъектов преступности коренных малочисленных народов ЯНАО представителей именно трех национальной, обусловлено пунктом 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». В соответствии с указанным документом, на территории Ямало-Ненецкого автономного округа проживают коренные малочисленные народы, представленные национальностями ненцы, ханты и селькупы [25].

Историческая и научная достоверность требует отметить, что этнонимы ямальских автохтонов в прошлом претерпевали изменения. В официальных документах царской России [117] именовались ясашными кочевыми или бродячими самоедами, остяками и сюсекупамы [192]. Впоследствии, как указывает Ю. Слезкин, «когда в 1920-е годы понятие «малые народы Севера» получило официальный статус, «национальная принад-

лежность» вновь выделенных малых народов определялась правительственными органами на основе традиции, политической целесообразности и этнографических данных. Ни один из этих критериев не был отчетливо сформулирован и не применялся последовательно, но сама практика выделения заполярных охотников и собирателей в особую категории никогда не подвергалась сомнению» [109, с. 18]. Указанные трансформации понятий, определяющих коренное население Севера, а так же особенности их политико-правового статуса в России, необходимо иметь в виду при изучении преступности указанной группы, так как они имеют важное значение для постижения ее исторической изменчивости и формирования государственных механизмов профилактики.

Кроме самого определения коренных малочисленных народов Севера немаловажную объяснительную и дескриптивную роль играет такой их собирательно-обобщающий признак как самобытность, который неоднократно будет использован в данном исследовании в значении критерия, качественно отличающего аборигенных жителей Севера от представителей других социальных общностей. В науке, тем более юридической, нормативного закрепления понятия самобытности не существует. Вместе с тем, законодатель и многие авторы оперируют понятием самобытности, не раскрывая, однако, его подлинного содержания. Поэтому практически значимой в данном контексте является точка зрения, высказанная П.В. Гоголевым: «самобытность коренных народов приобретает значение первичной правовой ценности. Она выступает в качестве юридической категории, обобщающей важнейшие и потому охватываемые правом свойства этнических сообществ. Отсюда происходит закрепление и гарантирование специальных прав как следствие особого статуса. Именно самобытность находит свое выражение в традиционном образе жизни» [54, с. 4-5]. Вопросы национальной идентичности, особенностей менталитета аборигенных народов, которые суммарно можно определить как самобытность, принимались во внимание законодателем с давних пор и имели значение для регулирования правоотношений с участием коренных малочисленных народов Севера. Например, в пункте 170 «Устава об управлении инородцев», принятого в 1822 году, особенно отмечалось, что «состояние инородцев, кочующих и бродячих, отличается: 1) непостоянством их жительства. 2) степенью гражданского образования. 3) простотою нравов. 4) особыми обычаями. 5) образом пропитания. 6) трудностию взаимных сообщений. 7) недостатком монеты в обращении. 8) недостатком способов к сбыванию на месте лова и произведений. Отсюда происходят главные правила в образе их управления» [117]. За прошедшие два века указанные отличительные признаки существенного изменения не претерпели.

Для того чтобы сформулировать понятие преступности коренных малочисленных народов Севера, необходимо рассмотреть слагающие общее понятие преступности свойства (признаки), экстраполировать их от

общих, присущих преступности в целом, до частных, характерных противоправному поведению аборигенного населения Севера.

Понятие преступности в юридической науке является устоявшимся, различающимся лишь в смещении авторами тех или иных акцентов. Вместе с тем, «из-за своей общеупотребимости, на самом деле оно весьма многозначно и трудно для научного анализа. Несмотря на сложности, практически каждый криминолог пытается дать определение этому понятию из которого можно будет уяснить его понимание феномена преступности» [149, с. 117].

Так, Н.Ф. Кузнецова писала, что «преступность – это относительно массовое, исторически изменчивое социальное, имеющее уголовно-правовой характер, явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени» [85, с. 173]. В свою очередь А.А. Конев указывает, что «преступность как антисоциальное явление – это запрещенный уголовным законом определенный тип социально-психологического поведения отдельных граждан, принявший размер относительной массовости и вид изменяющегося состояния под воздействием исторических трансформаций развития самого общества» [145, с. 64]. А.И. Алексеев понятие преступности дает через совокупность присущих ей признаков, указывая, что «для понимания преступности, как объекта профилактического воздействия чрезвычайно важны такие ее существенные характеристики, как масштабность, многоликость, устойчивая тенденция к росту и увеличению суммарной общественной опасности» [82, с. 49]. Признавая социальную природу преступности, Я.И. Гилинский среди присущих ей свойств указывает: «массовость; относительную статистическую устойчивость; историческую изменчивость; иррегулярность» [51, с. 53].

Несмотря на вариативность существующих интерпретаций понятия преступности, определение, сформулированное Н.Ф. Кузнецовой, в настоящее время не утратило актуальности и отличается ясностью, отражая все характерные признаки.

Как многофакторное явление преступность имеет ряд признаков.

Во-первых, «преступность – явление, прежде всего, социальное, «поскольку ее порождает социальная жизнь людей. Вне социальной жизни ее существование невозможно» [42, с. 53]. Под этим признаком традиционно понимается обусловленность преступности не биологическими особенностями человека, хотя существуют и такие теории, а природой и содержанием общественных отношений и присущей им суммой противоречий. Например, Г.Ф. Хамитова указывает на то, что «общество само воспроизводит причины и условия преступности, полностью искоренить ее вряд ли возможно» [161, с. 12]. Также по этому поводу А.М. Яковлев отмечал: «...если преступность в отличие от отдельного преступления не есть акт «свободной воли», то, следовательно, ее существование вызывается также какими-то стабильными, независимо от воли людей действующими сила-

ми. Признание преступности в качестве социального явления неизбежно ведет к признанию ее обусловленности социальными условиями, способствующими или препятствующими существованию преступности» [131, с. 40] Другими словами, конкретные социальные условия предопределяют уровень развития преступности в данном социальном образовании. Данный признак преступности выделял также С.М. Шапиев, указавший, что «общество включает в себе зароды всех преступлений. Всякое социальное состояние предполагает известное число проступков, которые являются необходимым следствием его организации» [165, с. 60]. Указанное соотносимо с преступностью коренных малочисленных народов Севера, которые обладают этнической самобытностью, отличным от общепринятого социальным укладом, национальным менталитетом и обусловленными этими факторами сложностями социальной самоидентификации в современном обществе. В определенной степени катализатором противоправного поведения выступают возникающие противоречия между нормами социального общежития. Граница социального антагонизма представителей коренных национальностей и доминирующего индустриального общества проходит через плоскость традиций, обычаев, менталитета, которые на протяжении длительного исторического развития северных народов не имели нормативного закрепления и необходимостью императивного соблюдения установленных современными нормами права ограничений и запретов. Типичным в данном контексте является уголовное дело в отношении С., который неоднократно осуждался к уголовным наказаниям, не связанным с реальным лишением свободы. При совершении очередного преступления, С., осознав, что с учетом не снятых судимостей он будет осужден к реальному лишению свободы, по мотивам мести сотрудникам правоохранительных органов за их работу, в ночное время облил бензином здание опорного пункта полиции и поджог его [174]. Характерным в данном контексте является то, что С., полагая допустимым свое противоправное поведение, не правильной считал деятельность сотрудников правоохранительных органов по ее пресечению, что послужило мотивом к совершению указанного преступления.

Во-вторых, «преступление есть явление государственно-правовое, вне государства и права возможны действия безнравственные, но не преступные» [129, с. 656]. Иными словами, для преступлений, и их совокупности, обязательным является предусмотренность уголовным законодательством, как обязательный юридический критерий, позволяющий не только инициировать привлечение к уголовной ответственности, но и разграничить преступное уголовно-наказуемое поведение от других его менее социально-опасных девиантных форм.

В-третьих, преступность есть исторически изменчивое явление. В связи с изменениями общества, его этических, политико-идеологических, научно-технических и иных условий качественно и количественно меняется преступность. Отмечая историческую изменчивость в качестве атрибута

преступности, С.М. Шапиев указывает: «в истории развития мировой цивилизации нетрудно заметить два парадокса. С одной стороны, при всем многообразии форм организации власти центральное место в функционировании большинства государств и на заре цивилизации, и сейчас занимает выполнение задач по противодействию преступности. С другой стороны, преступность не только не исчезает, но и успешно противостоит любым попыткам пресечь это социальное зло» [165, с. 58].

Если проследивать развитие преступности коренных малочисленных народов Севера, то ее историческая изменчивость наглядна. Это обусловлено политикой государства в отношении северных этнических общностей, которая в своем развитии прошла путь от жесткого патернализма до зарождающихся отношений партнерства. На протяжении длительного времени, с момента покорения северных регионов страны, последующего освоения нефтегазовых промыслов, коренное малочисленное население Севера, в определенной степени, было подвержено ограничительному развитию. Это было связано с отсутствием образования, навыков широкого социального взаимодействия, консервацией в условиях закрытого образа жизни в родовых общинах. Иными словами, вовлеченность в общественную жизнь представителей рассматриваемой категории лиц была незначительной. Об этом свидетельствуют положения «Устава об управлении инородцами», который вплоть до 1917 года служил основным нормативным документов, регулирующим не только особенности правового статуса коренных малочисленных народов Севера, но и правоотношения с их участием в сфере уголовного судопроизводства. Так, в соответствии с пунктом 37 «Устава об управлении инородцами» определялись пределы уголовной ответственности представителей аборигенных народов: «уголовными делами относительно инородцев почитать: 1) возмущение, 2) намеренное убийство, 3) грабеж и насилие, 4) делание ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества. Все же прочие дела, не выключая и кражу, пока нравы их образованием не умягчатся, считать исковыми» [117]. Как отмечает В.А. Забирев, «по архивным данным, у кочевников преобладали уголовные дела, большую часть которых составляли кражи оленей» [70, с. 118].

В связи с этим, преступность коренных малочисленных народов Севера в основной массе носила латентный и насильственный характер, имела однородную и примитивную уголовно-правовую характеристику, практически не распространяясь за границы этнических общностей.

В последнее время, благодаря усилиям федеральной и региональной властей, коренное малочисленное население Севера получило ряд гарантированных преференций и социальных льгот, в связи с чем, стало заметным участником общественных отношений, что позволило существенно расширить границы социального взаимодействия за пределы национальных поселений. Трансформация социального ландшафта и характера общественных отношений повлекла изменение количественных и качественных

показателей преступности коренного малочисленного населения Севера, которая в своем развитии преодолела внутриобщинный характер. В последние десятилетия специфическими ее особенностями стали корыстная направленность, насильственные посягательства, экологические посягательства, преступления против порядка управления, которые ранее в структуре преступности КМНС практически не встречались и по «Уставу об управлении инородцами» относились деяниям небольшой тяжести, рассматриваемым в исковом порядке. Исходя из данных по учету преступлений, свидетельствующих о расширении видового состава совершаемых коренными малочисленными народами Севера преступлений, можно сделать вывод об атрибутивности исторической изменчивости преступности народов Севера, что отражено в приложении.

Преступность – это всегда множество индивидуальных противоправных действий, которые в своей массе образуют негативное социальное явление, имеющее статистические показатели и закономерности, характерные для всей их совокупности, которых лишено единичное противоправное поведение. Отмечая массовость как один из обязательных признаков преступности, А.А. Конев указывает: «поскольку преступность – это не единичное явление, а состоит из определенной совокупности отдельных преступных деяний, то отсюда напрашивается и соответствующий вывод. Раз она характеризует какое-то множество, значит антисоциальное явление приобретает вид, соответствующий своей распространенности – массовость» [145, с. 67].

«Массовость» при характеристике преступности предполагает, что ее аддитивные свойства проявляются лишь тогда, когда наблюдением охватывается достаточно большое число случаев, независимо от того, подвержен ли анализу какой-то конкретный срез преступных проявлений или вся совокупность совершенных на отдельной территории преступлений, взятый в качестве единицы измерения временной промежуток.

О массовости преступности свидетельствуют данные официальной статистики по ее учету. В соответствие со статьей 4 Федерального закона от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации», основными принципами официального статистического учета являются полнота, достоверность и своевременность [15]. В свою очередь статистические данные о преступности, в том числе, отражающие ее массовый характер, в соответствие с п. 1 Инструкции о порядке заполнения и представления учетных документов, утвержденной межведомственным приказом № 39/1070/1021/253/780/353/399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений», формируются путем составления и обработки учетных документов, к которым относятся статистические карточки, служащие для сбора и систематизации сведений об объектах учета, подлежащих отражению в статистической отчетности [26]. Поэтому именно данные официальных субъектов статистического учета, уполномоченных законом на сбор и системати-

зацию сведений о каждом преступлении и их совокупности, наиболее достоверно отражают реальную информацию о состоянии преступности и, в связи с этим, неоднократно будут использованы в рамках настоящего исследования.

Так, в 2016 году на территории Ямало-Ненецкого автономного округа зарегистрировано 8 000 преступлений, из которых 812 совершено представителями коренных малочисленных народов, что составляет 10,1 % от всей совокупности зафиксированных в округе. Это позволяет сделать вывод о массовости как характерном признаке преступности коренного населения.

Кроме этого, преступности присущ и такой признак как иррегуляторность (хаотичность, непредсказуемость, неопределенность), которая, по мнению В.Н. Кудрявцева, складывается из следующих составляющих: «на территориальном уровне иррегуляторность проявляется в том, что состоянию преступности в одном регионе необязательно соответствует, в частности, такое же состояние преступности в другом регионе, и, в общем, в целом по стране; преступность носит глубоко личностный индивидуальный характер, то есть не подчиняется законам и предписаниям, не укладывается в какие-то рамки» [84, с. 13-14].

Свойство иррегуляторности проявляется и в преступности коренных малочисленных народов Севера. Анализ видового состава преступлений (указанный в приложении), совершенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа в 2010 – 2016 годах, показывает, что преступность коренных жителей Севера может существенно отличаться, как от среднероссийской, так и среднеокружной. Так же она находится в зависимости от места жительства, рода занятий представителей аборигенного населения, особенности деятельности территориальных субъектов профилактики и органов местного самоуправления и т.д. Следовательно, проявление иррегуляторности преступности коренных малочисленных народов Севера, в аспекте ее территориального акцента, является типичным.

Преступность – явление негативное, ее «стоимостной эквивалент» для общества затратен, так как силы и средства, направляемые на борьбу с ней, требуют значительного вложения со стороны общества и государства. Как указывает А.В. Шеслер, «общественная опасность преступления состоит в его способности порождать негативные для общества последствия (приспособительные и преобразовательные), а также в его прецедентности, несущей угрозу наступления негативных последствий в результате совершения новых преступлений» [130, с. 7]. Приспособительный аспект общественной опасности, как отмечает А.В. Шеслер, выражается в том, что преступник адаптируется к социуму через свою преступную деятельность, приспособляя свойства социальной среды для этой деятельности. Преобразовательный аспект, в свою очередь, состоит в негативных изменениях основных сфер человеческого бытия и выражается в различных видах вре-

да (физическом, личном неимущественном, экономическом и т.д.) [130, с. 11].

Это типично и для преступности лиц, относящихся к коренным малочисленными народами Севера. Лица из числа тундрового населения, которые попадают в «не удобные» для них условия городского образа жизни, либо учебного заведения интернатного типа. В непривычной, и поэтому агрессивной среде, представители КМНС принимают попытки приспособиться к участию в разносторонних общественных отношениях нового для них формата. В поисках эффективных форм социализации они совершают преступления либо в силу правового инфантилизма, либо в стремлении завоевать, пусть и отрицательно ориентированный, но авторитет и доверие в новой среде.

Преобразовательный аспект преступности коренных малочисленных народов Севера, также не вызывает сомнений, поскольку любое совершенное преступление причиняет вред: физический, имущественный, экономический и т.д.

Кроме этого, в самом понятии преступности рассматриваемой социальной группы заложена такая отличительная черта как территориальность или географичность, то есть локальное распространение в границах определенного региона. Это связано с дисперсным расселением, промыслами и другими условиями. Территориальность проявляется, в том числе, в видовой характеристике преступности. Например, незаконные добыча, перевозка, и продажа особо ценных водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, к которым относится сибирский осетр подвид Обской, в силу ареала его распространения возможна исключительно на территории Ямало-Ненецкого автономного округа.

Более того, обращая внимание на необходимость учета признака территориальности, нужно отметить, что коренным народам Севера, в отличие от других национальных меньшинств, например, Средней Азии и Северного Кавказа, не свойственны процессы активной трудовой миграции по территории страны, они исторически «привязаны» к Северу.

Таким образом, определяя понятие преступности коренных малочисленных народов Севера, как одной из разновидностей преступности, следует отметить, что она:

- 1) имеет особых субъектов – лиц национальностей ненцы, ханты, селькупы, отнесенных законодательством к числу коренных малочисленных народов Севера;
- 2) территориально-обособлена местами проживания в границах субъектов РФ, отнесенных к территориям Крайнего Севера;
- 3) социально обусловлена, что связано с недостатками социальной интеграции КМНС в доминирующее общество, продуцируемой культурной и этнической самобытностью;

4) имеет устойчивые количественные показатели, позволяющие говорить о ее относительно массовом характере.

В рамках характеристики преступности лиц из числа коренных малочисленных народов Севера, также необходимо коснуться ее свойств, выражающихся в качественных и количественных показателях. Каждый из них играет свою роль в оценке преступности, но, взятый в отдельности, не может дать объективного представления о ней. На значение указанных свойств преступности акцентирует внимание А.А. Конев: «содержание преступности складывается из состояния, уровня, динамики и структуры преступных деяний. В них она проявляется и через них отражается сущность антисоциального явления. Изменения преступности, как правило, происходит за счет процессов, происходящих в ее количественно-качественной стороне» [145, с. 77].

В юридической литературе нет единообразного понимания в части объема содержания качественных и количественных характеристик преступности.

И.С. Чуб относит к количественным показателям «состояние, уровень и динамику. К качественным показателям структуру и характер деяний» [128, с. 153]. Ю.М. Антонян считает, что «качественный показатель преступности – это ее сущность, то есть то, из каких частей она состоит» [42, с. 56]. В эту же категорию некоторые авторы относят латентность и территориальное распределение [47, с. 38]. Ю.В. Загайнов указывает: «криминологическая характеристика количественных и качественных показателей преступности в Российской Федерации складывается из показателей состояния, структуры и динамики преступности тех регионов, из которых состоит государство» [68, с. 33]. Количественные показатели – это состояние, уровень. В криминологии не существует единого мнения об отнесении к количественным или качественным показателям динамики преступности [113, с. 225-227]. По мнению авторов, при анализе преступности коренных малочисленных народов Севера целесообразно к количественным показателям относить – состояние и динамику, к качественным – структуру и характер, так как такой подход позволит дать более точную криминологическую характеристику этой преступности.

Состояние преступности определяется общим количеством совершенных преступлений, а также числом лиц, их совершивших, на определенной территории за конкретный период времени [128, с. 154]. В соответствии с данными информационного центра УМВД России по ЯНАО в 2016 году на территории Ямало-Ненецкого автономного округа зарегистрировано 8 000 преступлений, из которых представителями аборигенного населения совершено 812 (2010 год 764 преступления из 9 628 зарегистрированных; 2011 год 760 из 9 395; 2012 год 764 из 9 121; 2013 год 763 из 9 150, 2014 год 824 из 9 008, 2015 год 945 из 9 608) [193].

Кроме того, нельзя говорить о состоянии реальной преступности коренных малочисленных народов Севера без учета латентной составляю-

щей. Причины латентности преступлений имеют многофакторную природу. В данном контексте основным условием латентной преступности коренных народов Севера являются особенности формирования статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений и лицах их совершивших. Это связано с тем, что отнести зарегистрированное преступление в массив преступности коренных малочисленных народов Севера объективно возможно лишь после того, как правоохранительными органами будет установлено лицо его совершившее, и его национальность. Только при соблюдении этого условия можно говорить о том, что преступление раскрыто. Раскрываемость преступлений в 2016 году на территории округа составила 55,2 %, в связи с чем, можно предположить, что реальный объем преступности коренного населения выше официально зарегистрированного и потенциал ее роста сокрыт в массиве нераскрытых преступлений.

Также в вопросе реального состояния преступности нельзя игнорировать обстоятельства, связанные с укрытием от статистического учета сотрудниками правоохранительных органов совершенных преступлений. В этой связи необходимо отметить, что только в 2016 году прокуратурой Ямало-Ненецкого автономного округа в ходе осуществления надзора за деятельностью правоохранительных органов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях выявлено и восстановлено на статистический учет 904 укрытых преступления или 11,3 % от общего числа зарегистрированных на территории округа преступлений [172].

На латентность преступности коренного населения кроме правовых и организационных причин влияют и этнопсихологические факторы. Укоренившаяся в среде коренных народов Ямала традиция обособленного национального проживания, с ограничением круга социального общения, способствовала внутрисемейной локализации насилия, что подтверждают данные о потерпевших от преступлений насильственного характера, которыми, как правило, являются члены семьи, близкие знакомые. В силу родственной привязанности, внутрисемейной подчиненности распространенные факты бытового насилия в семьях не получают надлежащего отражения в уголовно-правовой статистике регистрируемых преступлений. Отмечая особенности национального воспитания, С.Н. Харючи указывает, что «у ненцев существует табу на обсуждение с посторонними внутрисемейных межличностных отношений. Нельзя сильно радоваться удаче, так же как и жаловаться на свою участь» [125, с. 47].

Давая оценку структуре преступности коренного малочисленного населения Севера, можно говорить о том, что ее видовой состав относительно константный, что отличает ее от «подвижной» структуры общей преступности, обогащение новыми составами происходит медленно. Более подробно структура преступности коренных народов Севера будет рассмотрена в соответствующем параграфе данной работы, а также указана в таблице приложения.

О характере общественной опасности преступности коренных малочисленных народов Севера могут свидетельствовать статистические данные о доле совершенных ими особо опасных преступлений, например, убийств и преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, которые в 2010 – 2016 годах составляют от 28 % до 32 % зарегистрированных преступлений данного вида. Тогда как преобладающая в структуре преступности КМНС корыстная составляющая в большинстве случаев представлена не квалифицированными видами хищений небольшой тяжести.

Также для преступности коренных народов ЯНАО характерно постепенное возрастание индекса жестокости и степени тяжести совершаемых преступлений, значительный удельный вес в структуре преступности повторных преступлений, как аналогичных по степени общественной опасности, так и с тенденцией к возрастанию.

Кроме этого, учитывая историческую изменчивость преступности, которая проявляется в отношении КМНС на современном этапе и связана, в первую очередь, с усилением процессов интеграции в преобладающее общество, необходимо указать, что среди коренного населения в последнее время стали регистрироваться факты, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступлений (ст. 150 УК РФ); злым уклонением от уплаты средств на содержание детей (ст. 157 УК РФ); дачей взятки (ст. 291 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) и ряд других.

Завершая характеристику преступности коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа можно сформулировать следующие выводы:

1. Преступность коренных малочисленных народов Севера ЯНАО – это разновидность преступности, которая представляет собой социальное, уголовно-правовое, общественно-опасное, исторически изменчивое, относительно массовое явление, складывающееся из совокупности преступлений, совершаемых ненцами, ханты и селькупам на территории исторического расселения своих предков.

2. Состояние реальной преступности КМНС выше числа выявленных преступлений, что обусловлено консервативными чертами национального образа жизни, а также связано с недостатками организации работы правоохранительных органов по их учету и раскрытию.

3. Структура преступности народов Севера не является статичной, ее состав пополняется новыми видами преступлений, что связано с усилением социальной интеграции в преобладающее общество. Вместе с тем, темпы видового расширения преступности КМНС ниже общероссийских.

4. С учетом насильственного характера преступности коренного населения ЯНАО, она имеет повышенную общественную опасность, что также находит свое отражение в увеличении доли особо тяжких преступлений против личности в сравнении с общими данными по округу.

5. Для преступности КМНС характерен повышенный порог повторности противоправных деяний с возрастанием степени их общественной опасности.

§ 2. Криминологическая характеристика лиц из числа коренных малочисленных народов Севера, совершающих преступления

Прежде чем акцентировать вопросы криминологической характеристики лиц из числа коренных малочисленных народов Севера, необходимо отметить, что, в целом и в контексте настоящей работы в частности, коренные малочисленные народы Севера не ассоциируются с каким-то «маргинальным меньшинством» отдельной территории. Стигматизировать данную этническую группу по критерию совершенных преступлений недопустимо, потому что статистические данные о развитии преступности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа свидетельствуют, что криминальная активность свойственна как другим парциальным национальным группам, так и титульной нации. Поэтому необходимо исходить из того, что криминология как наука изучает не личность в ее вариативном многообразии, а, в первую очередь, личность преступника и связанные с ней особенности, которые, как правило, носят социально порицаемый характер.

Изучение личности преступника, ее специфических черт имеет важное, в том числе, практическое значение. На это указывает обязанность органов предварительного расследования по установлению в ходе производства по уголовному делу данных о личности преступника, которая закреплена в пункте 3 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [13]. Кроме этого, пунктом 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» предусмотрено, что судам, разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица, а также данные о его личности» [170]. Несколько раньше Ю.М. Антонян отмечал: «успешное предупреждение преступлений возможно лишь в случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин их совершения» [42, с. 74].

Личность категория социальная, поэтому является объектом изучения многих научных дисциплин, в том числе юридических, ставящих перед собой различные цели, использующие для изучения личности разнообразные средства. Как отметил Н.Н. Магомедов: «современная криминологическая наука уделяет явно недостаточное внимание изучению личности преступника, рассматривает личность преступника через призму теоретических, абстрактных понятий, без связи с экономической, демографиче-

ской и социальной реальностью» [151, с. 9]. Вместе с тем учет факторов социальной действительности, в которой находится личность, дает ключ к более глубокому пониманию процесса детерминации преступности.

В первую очередь нас интересует понимание личности в плоскости юридических наук. Так, К.Б. Лобзов дает общеправовое понятие личности, указывая при этом: «личность – это системное (социальное) качество человеческого индивида, выступающее его активной отражающей системой, определяющей своеобразие мышления и результаты его деятельности, формирующейся и проявляющейся в конкретной деятельности» [88, с. 3]. Вместе с тем, в криминологии личность преступника – это не констатация конкретного преступника, а собирательное понятие, которое включает в себя главные черты и характеристики, свойственные тем, кто совершил уголовно наказуемые деяния. Такой подход обусловлен взаимосвязью социальной и правовой специфики личности, действием комплекса причин и условий с фактом совершения преступления. Поэтому криминологическое изучение личности преступника осуществляется с целью выявления и оценки тех ее индивидуальных свойств и характеристик, которые провоцируют противоправное поведение и могут быть повергнуты профилактическому воздействию.

Понятия личности преступника, которые формулируют ученые, неодинаковы. Так, Г.Н. Чахов отмечает, что «под личностью преступника понимает совокупность социально детерминированных криминально-негативных свойств и качеств лица, избравшего во взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией способ совершения преступления, как элемент мотивации, так и инструмент (способ) достижения преступного результата» [164, с. 27]. В свою очередь, М.А. Мокосеева расширяет криминологическое понимание личности преступника, акцентируя внимание на том, что «личность преступника не только уголовно-правовое явление, но и, одновременно, криминологическое, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное. Личность виновного должна определяться как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему криминогенных качеств, психологических особенностей, антиобщественных взглядов и их реализацией в конкретной жизненной ситуации» [154, с. 19]. Ю.М. Антонян указывает, что «личность преступника выступает в качестве совокупности социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми. И в научных, и в практических целях понятие личности преступника должно объединять лиц, виновных в преступном поведении» [42, с. 75].

Аккумулируя мнения различных авторов и учитывая социально-психологические особенности личности КМНС, можно сформулировать синкретическое понятие личности преступника из числа коренных малочисленных народов Севера, которое складывается из совокупности психологических особенностей, связанных с национальным менталитетом, анти-

общественных взглядов, сформировавшихся на основе индивидуального жизненного опыта, находящихся во взаимосвязи с внешней средой.

Личность преступника имеет свою структуру, при определении которой нужно иметь в виду, что она представляет собой совокупность ее социально значимых свойств, сформировавшихся в результате различных социальных коммуникаций с другими людьми, социальной средой, что делает ее участником многих видов деятельности, в том числе, противоправных. Мнения ученых о структуре личности преступника также разнятся.

Давая понятие личности преступника, Ю.В. Голик указывает на три основные группы, входящие в ее структуру признаков: «1) социально-демографические признаки, 2) уголовно-правовые признаки, 3) социально-нравственные и социально-психологические признаки» [56, с. 39]. Аналогичную позицию высказывает Э.П. Абовян, который в структуру включает «социально-демографические, уголовно-правовые признаки, нравственные и психологические особенности» [132, с. 16]. В структуре личности преступника

А.Б. Сахаров выделял четыре группы признаков: социально-демографические, уголовно-правовые, социально-ролевые и нравственно-психологические [106, с. 11]. Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев и В.Е. Эминов к указанным группам добавляют физиологические и иные значимые с точки зрения криминологии свойства личности [43, с. 6-11].

Вместе с тем, структура, предложенная Ю.В. Голиком, представляется более приемлемой, так как объединяет ряд обособленно выделяемых другими авторами, но близких по содержанию критериев в один, что облегчает процесс их практического изучения и дифференциации.

В рамках настоящего исследования объектом изучения является конкретно определенная группа лиц, а не совокупность всех преступников в целом, что затрудняет сбор и систематизацию сведений о представителях данной социальной группы. Вместе с тем, проблема репрезентативности выборки сведений, входящих в структуру личности преступника из числа КМНС, может быть решена путем использования и анализа сведений информационных центров органов внутренних дел, а также результатов полученных при изучении уголовных дел. В соответствии с пп. 40-41 совместного приказа Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Министерства экономического развития и торговли РФ № 39/1070/1021/253/780/353/399 от 29 декабря 2005 года «О едином учете преступлений» – «учету подлежат все лица, в отношении которых вынесено постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, уголовное дело направлено прокурором в суд с обвинительным заключением (актом) либо вынесен обвинительный приговор по уголовному делу частного обвинения» [26]. Данным приказом в действие введена статистическая карточка формы 2.0 на лицо, совершившее преступление, в которой отражаются криминологически значимые сведения о лице, нарушившем уголовно-правовые запреты. Поэтому для целей изуче-

ния личности преступника из числа КМНС были использованы статистические данные ИЦ УМВД России по ЯНАО о совершенных в 2010 – 2016 годах преступлениях и лицах их совершивших.

Вместе с тем, перед началом анализа личности преступника КМНС необходимо все же отметить, что любая типизация преступников всегда достаточно условна. Это связано с тем, что «отдельные люди являются носителями в более или менее выраженной степени типичных качеств и свойств, которые при этом никогда не исчерпывают всего богатства и разнообразия личностных черт. Скорее речь идет о некоторых, достаточно часто встречающихся на индивидуальном уровне сходных особенностях поведения, мышления, образа жизни» [120].

Первая группа признаков – социально демографические признаки личности преступников из числа КМНС, которые включают в себя данные о половой принадлежности, возрасте, образовании, роде занятий. Изучение этих признаков имеет значение для формирования общей картины личности преступника из числа автохтонных народов Ямала, так как они в определенной степени указывают на место человека в социальной иерархии общества, свидетельствуют о направленности его поведения. Кроме этого, в связи со спецификой коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории ЯНАО, в перечень социально-демографических признаков необходимо включить сведения о национальной принадлежности преступников, так как изучением охватывается трехсоставная социальная группа, состоящая из представителей ненцев, ханты, селькупов.

Статистические данные о преступности КМНС свидетельствуют, о доминировании в противоправной деятельности лиц ненецкой национальности. Однако указанная пропорция не говорит о повышенной криминальной активности ненцев по сравнению с ханты и селькупами, а является следствием количественного преобладания ненцев в округе над другими коренными национальностями (в автономном округе проживает 29 772 ненцев, 9 489 хантов, 1 988 селькупов) [194].

Половая принадлежность преступников – значимый криминологический признак. Т.П. Луговенко оценивая распространенность женской преступности, указывает, что «соотношение мужской и женской преступности подвергается со временем незначительным колебаниям, так как уровень преступности женщин традиционно остается ниже уровня мужской преступности в 5-7 раз» [91, с. 184]. Однако для преступников из числа КМНС такие параметры количественного соотношения мужчин и женщин, совершивших преступления не характерны.

На основании данных статистического наблюдения в период 2010 – 2016 гг. доля женщин от общего количества лиц, совершивших преступления в России, составляла от 10,9 % до 15,7 %. Показатели женской преступности по Ямало-Ненецкому автономному округу отличаются от общероссийских тенденций и в указанный период были зафиксированы в границах 14,2 %-16,3 %. В свою очередь, женская преступность коренных ма-

лочисленных народов автономного округа по объему отлична не только от среднеокружного показателя, но и от данных по России в целом. Так, доля женщин среди КМНС, вступивших в 2010 – 2016 годах в конфликт с законом, составляла от 17,9 % до 21,9 %.

Количественное соотношение мужчин и женщин из числа КМНС, совершивших преступления, свидетельствует о повышенной криминальной активности женщин-преступниц, в связи с чем, этой проблематики необходимо коснуться более подробно. Относительно различий в динамике женской преступности О.Ю. Ильченко отмечает, что «наиболее неблагоприятными регионами по уровню преступности женщин являются Дальневосточный, Сибирский и Уральский федеральные округа. Данная ситуация является результатом взаимодействия нескольких факторов, основной из которых – удаленность территорий от центра, что, в свою очередь, отражается на социально-экономической ситуации в регионах и обуславливает территориальную специфику женской преступности» [72, с. 67]. С этим выводом следует согласиться, так как преступность, являясь негативным видом поведения, не может быть не связана с природными, экономическими и культурными условиями жизни людей.

Женская преступность КМНС связана с национальными традициями и условиями быта, которые отличаются от привычных штампов и обусловлены условиями жизни, сформированными ею стандартами отношений между женщиной и мужчиной, женщиной и средой. О влиянии указанных условий на противоправное поведение лиц женского пола также указывает Е.Б. Кузьмина, которая говорит, что «в большинстве случаев женская преступность является следствием нарушения межличностных, внутрисемейных отношений, при чем социальная структура и культура общества оказывают доминирующее влияние на поведение женщин, их правосознание, формирование криминальной агрессии» [147, с. 14]. Не преследуя цели анализа этнокультурных особенностей народов Севера, следует заметить, что во внутрисемейных и внутриобщинных отношениях женщины всегда имели жестко подчиненное по отношению к мужчине положение, при этом, помимо выполнения сугубо женских хозяйственно-бытовых обязанностей, они принимают активное участие в традиционных формах хозяйственной деятельности вместе с мужчинами. Для женщин коренного населения Севера характерны такие виды трудовой занятости как чум-работница, весельщица и ряд иных, которые у представителей других национальностей не встречаются. Очевидно именно эти различия в семейно-бытовых отношениях и сфере занятости, обязывающие женщину отвечать более жестким этнически-обусловленным социальным требованиям, влияют на механизмы детерминации и совершения преступлений, а также обуславливают уголовно-правовую окраску преступности женщин из числа коренных народов.

Особенностью женской преступности КМНС является доминирование преступлений с элементами физической агрессии. Например, 2014 го-

ду на территории округа было зарегистрировано 59 убийств, из них 19 совершены представителями коренных малочисленных народов, четвертая часть из которых (5 преступлений), совершены женщинами. Значительная роль женщин прослеживается в совершении иных преступлений против здоровья, не связанных с лишением жизни потерпевшего, которые для этой категории лиц также являются распространенными.

Следующим элементом социально-демографической характеристики личности преступника является возраст на момент совершения преступления, который также имеет важное для криминологической характеристики личности преступника значение. Как указывает Ю.В. Голик: «возраст интересует как свойство, связанное с проявлением многих социальных функций. Возрастная характеристика позволяет судить о криминальной активности различных возрастных групп и о специфике возрастного состава преступников» [56, с. 40].

Анализ статистических данных и изучение материалов уголовных дел в разрезе возрастного состава преступников выявляют несколько характерных особенностей, присущих преступности КМНС.

Во-первых, в отличие от общероссийского и среднеевропейского показателя среди преступников КМНС преобладают лица в активном трудоспособном возрасте 18 - 24 лет, что указывает на их дезадаптацию в социальной среде, диктует необходимость осуществления профилактических мероприятий в данной возрастной группе. Их доля от общего числа лиц, совершивших преступления в 2010 – 2016 годах, составляет 35,4 % – 42,2 %, тогда как в округе эта доля отмечена в пределах от 20,9 % до 23,4 %, а среднероссийский показатель зафиксирован в границах 16,5 % – 22,0 %. В этой связи, практически обусловленной является позиция Ю.М. Антоняна, который о возрасте лица и его связи с криминальной активностью указывал: «возраст во многом определяет потребности, жизненные цели людей, круг их интересов, образ жизни, что не может не отражаться на противоправных действиях» [42, с. 80]. В отношении КМНС данная точка зрения не является случайной. Возраст 18 - 24 лет характеризуется вертикальным и горизонтальным расширением как эмоциональных, так и материальных потребностей. В случае миграции из мест традиционного проживания в крупные населенные пункты, социальное и материальное расслоение для представителей КМНС становятся более очевидным, потребности приобретают тенденцию к росту. Однако, спектр «легальных» способов их удовлетворения, по-прежнему, остается ограниченным, так как не расширяется соразмерно росту потребностей, что толкает на путь их противоправного удовлетворения.

Во-вторых, возрастная структура преступников из числа КМНС свидетельствует о повышенном, в сравнении с данными о динамике преступности по автономному округу в целом, удельном весе лиц, криминальный дебют которых приходится на 14-17 лет. Доля несовершеннолетних преступников из числа КМНС в период 2010 – 2016 гг. составляет от 6,5 % до

13,7 %, тогда как общая преступность несовершеннолетних по округу в указанный период времени отмечалась на уровне 2,4 % - 3,9 %. Кроме этого, привлечение несовершеннолетних представителей аборигенного населения к уголовной ответственности в возрасте 14-17 лет, при достижении ими совершеннолетия, более чем в 50 % случаев провоцирует повторность совершения преступлений, с тенденцией к росту тяжести совершенных деяний.

Типичным примером в этом отношении является уголовное дело в отношении С., который в возрасте 17 лет совершил преступления, предусмотренные ст. 119 УК РФ. Постановлением суда, на основании ст. 427 УПК РФ, в отношении С. были применены меры воспитательного воздействия, которые профилактического влияния на него не оказали. Через 11 месяцев после освобождения от уголовной ответственности, достигнув совершеннолетия, С. вновь совершил преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ [187].

Образовательный уровень преступников из числа КМНС также не лишен регионального и этнического своеобразия. Уровень образования у коренных народов до настоящего времени во многом связан с национальным менталитетом, отсутствием общесоциальной распространенности престижа образования, в том числе, как гарантии дальнейшего социального благополучия. Несмотря на то, что статьей 43 Конституции РФ, частью 2 статьи 5 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [19] установлена обязательность основного общего образования, а право на образование в Российской Федерации гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, а также других обстоятельств, среди преступников КМНС в 2010 – 2016 годах отмечались факты совершения преступлений лицами, не имеющими никакого образования. Эти лица составляли 1,2-1,9 % от общего числа привлеченных к уголовной ответственности.

Осознанная обязательность получения образования у коренных народов не развита, а в качестве обязательного атрибута социального статуса начала формироваться лишь в последнее время. Это связано с тем, что на протяжении своего исторического развития народы Севера занимались оленеводством и промыслом, уклад их жизни имел природоцентричный, ортодоксальный характер. Для эффективного осуществления традиционных форм хозяйственной деятельности обязательными являлись специальные трудовые навыки, приобретаемые путем копирования в своей социальной среде, а не наличие образования. Вместе с тем, нельзя не отметить незначительную долю в общей совокупности преступников лиц, имеющих высшее образование, что может свидетельствовать о профилактическом влиянии высшего образования, как значимом элементе личного самоконтроля, связанном с повышением уровня правосознания.

Род занятий преступников из числа коренных малочисленных народов Севера также не лишен особенностей, что связано со сложившимися в

этой социальной среде традициями осуществления хозяйственной деятельности. Многие авторы отмечают, что для преступников не характерно отношение к труду, как к жизненной потребности. Постоянная трудовая занятость на возмездной основе лицами, склонными к девиантному поведению, не рассматривается, как способ удовлетворения своих потребностей и возможность повышения социальной значимости. Применительно к этому, Ю.В. Голик указывал, что «общественно полезная деятельность до совершения преступления свидетельствует, как правило, о том, что человек в нормальных условиях стоит ближе к гражданам, не совершающим преступления даже при неблагоприятных условиях» [56, с. 49].

Данные о социальном положении и роде занятий лиц, совершивших преступления, позволяют сделать вывод о том, в каких социальных слоях и группах, в каких сферах жизнедеятельности наиболее распространены те или иные преступления. В этой связи, обобщение всех преступников из числа КМНС можно дополнительно дифференцировать по критерию место проживания, который тесно связан с родом занятий. «Статистические данные Всероссийской переписи населения 2010 года показали, что в автономном округе проживает 29 772 ненцев, 9 489 ханты, 1 988 селькупов. Доля аборигенного населения в общей численности населения округа составляет семь процентов, кочевой образ жизни ведут более 14 тысяч человек» [194]. Проживание в тундре и осуществление традиционных видов хозяйственной деятельности означает трудовую занятость на постоянной основе, что связано с особенностями, как климатических условий, так и традиционных кочевого оленеводства и рыболовства. Поэтому доминирующая часть лиц, не занятых общественно-полезным трудом, проживает в населенных пунктах, в осуществлении традиционных промыслов не участвует, в связи с чем, активнее проявляет себя в криминальной деятельности. Изучение обстоятельств, связанных с наличием трудовой занятости и постоянного источника дохода, сопряженных с осуществлением квалифицированного труда у коренных народов, выявляет корреляционную связь — чем выше уровень квалификации лиц, тем меньшее число из них подвержено противоправному поведению.

Также необходимо отметить, что в центральных регионах Российской Федерации одной из наиболее криминогенно пораженных групп населения являются лица без определенного места жительства. Для Ямало-Ненецкого автономного округа данная ситуация не характерна, в силу экстремальных температур окружающей среды и не значительного по объему фонда брошенного и аварийного жилья.

Уголовно-правовая характеристика преступности лиц из числа коренных малочисленных народов Севера в определенной степени свидетельствует об их криминальном потенциале, поэтому без ее анализа разработка и реализация мероприятий по предупреждению преступлений не возможна. При изучении лиц, совершивших преступления, анализ социально-демографических и уголовно-правовых признаков является обяза-

тельным, неразрывным, так как только указанный дуализм позволит обеспечить полное понимание личности преступника. Необходимость анализа социально-демографических и уголовно-правовых признаков в ходе изучения личности преступника Ю.В. Голик обосновывает тем, что «человек за свою жизнь совершает бесчисленное множество конкретных поступков и каждый поступок несет в себе частичку личности. Изучая поступки человека, мы изучаем самого человека. Преступление-поступок, имеющий антисоциальную направленность. Поэтому, изучая преступление, мы в большей или меньшей мере изучаем личность преступника» [56, с. 51].

Уголовно-правовая характеристика преступников рассматриваемой категории может быть представлена следующими показателями: квалификация совершенного преступления; наличие судимостей; рецидив преступлений. Указанные уголовно-правовые критерии изучения личности преступника, так же как социально-демографические признаки, имеют теоретическое и практическое значение, потому что позволяют сформировать представление о степени криминальной пораженности и реальной общественной опасности преступника.

1) Квалификация совершенного преступления. Как отмечалось ранее, доля совершенных КМНС преступлений, предусмотренных статьями 105 и частью 4 статьи 111 УК РФ, от общего числа зарегистрированных в округе в 2010 – 2016 гг. составила от 15 % до 32 %, при том, что совокупная численность коренных малочисленных народов Севера составляет около 7 % от всего населения округа. Для преступлений данной категории, совершаемых представителями коренного населения, характерно использование в качестве орудий совершения преступления огнестрельного и холодного оружия, с помощью которого ими совершается до 90 % противоправных деяний указанного вида. Это связано с тем, что постоянное проживание в условиях дикой природы, осуществление охоты и промысла сформировало в данной этнической среде традиции владения огнестрельным и холодным оружием, которое находится при себе, либо в пределах шаговой доступности, что делает его «популярным» при совершении противоправных деяний. Вместе с тем, встречаются факты использования не типичных орудий совершения преступления, внезапно приисканных на месте. Характерным в данном контексте является уголовное дело в отношении Я., выловившего в акватории Тазовской губы двух осетров, занесенных в Красную книгу РФ, которых хранил в амбаре, рядом со своим домом. Впоследствии у Я. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произошла ссора с К. В ходе конфликта Я., взяв замороженную тушу осетра, нанес ей многочисленные удары по голове и телу К., который скончался на месте [173].

Преступления, предусмотренные ст.109, 125 УК РФ, в основном носят эвентуальный характер, связанный с климатическими условиями проживания в районах крайнего Севера и нарушением правил бытовой предосторожности. Наиболее типичными для рассматриваемых видов неосто-

рожных преступлений являются: причинение смерти по неосторожности при перевозке людей по тундровой местности на оленьей упряжке, на буранах и иных транспортных средствах, адаптированных к условиям бездорожья. Также имеют место факты неосторожного обращения с огнестрельным оружием и оставления детей без присмотра в условиях дикой природы, либо в зимний период в чуме на продолжительное время. Ю.М. Антонян относительно неосторожных преступлений указывает: «при совершении неосторожных преступлений мотивация, конечно, имеет место, но охватывает только те действия, общественно опасные последствия которых виновный самонадеянно рассчитывал предотвратить либо по своей небрежности, не предвидел возможности наступления таких последствий» [42, с. 114]. Именно такого рода неосторожные преступления характерны для представителей коренных национальностей округа.

Так, в ходе расследования уголовного дела в отношении С., установлено, что в ноябре 2012 года он в темное время суток, с целью перевозки находящегося в сильном алкогольном опьянении К., привязал его веревкой к металлическим саням, закрепленным к снегоходу. В пути следования С., управляя снегоходом с санями, игнорируя неисправность внешнего освещения снегохода, съехал с зимника и продолжил движение по замерзшему руслу реки. Двигаясь вне зимника, при отсутствии внешнего освещения, С. допустил въезд на полном ходу снегохода с санями, в которых находился К., в полынью, в результате чего смерть К. наступила на месте происшествия от закрытия дыхательных путей водой [175].

Следующей по количеству совершаемых представителями КМНС противоправных деяний группой являются преступления, связанные с причинением побоев и вреда здоровью. Удельный вес данного вида преступлений, от общего числа совершенных рассматриваемой категорией лиц противоправных деяний, до их частичной декриминализации составлял 11-15 %. Изучение данных правоприменительной практики показывает, что КМНС свойственна ситуативность, характеризующаяся примитивностью потребностей, импульсивным стремлением к реализации желаний, не сдерживаемое механизмами самоконтроля, усугубленных ограниченной рациональностью. Совершение большого числа преступлений, связанных с насилием, которые, как правило, совершаются в условиях внезапно возникшей конфликтной ситуации, в форме быстротечного агрессивного нападения, с безразличным в этот момент отношением к любым по степени тяжести последствиям.

Значительное количество в структуре преступности КМНС преступлений, предусмотренных ст.119 УК РФ, обусловлено распространенностью конфликтов в бытовой сфере на фоне совместного распития спиртных напитков с потерпевшими.

Не имеют широкого распространения среди КМНС преступления, связанные с посягательствами на половую свободу и половую неприкосновенность личности. В большинстве случаев фоновым явлением преступле-

ний, предусмотренных ст.ст.131, 132 УК РФ, является совместно с потерпевшим употребление спиртных напитков, а также совершение иных преступлений, предшествующих посягательствам на половую неприкосновенность.

Так, в ходе расследования уголовного дела в отношении Х. установлено, что в декабре 2012 года Х., находясь в состоянии алкогольного опьянения в чуме, расположенном в Яр-Салинской тундре, в ходе ссоры произвел выстрел из ружья в голову С., от чего последний скончался на месте. Затем, увидев в чуме М., вопреки воле и согласия последней, применяя физическое насилие, совершил с ней половой акт [176].

В уголовно-правовой структуре преступности КМНС преобладают преступления корыстной направленности. Однако анализ материалов уголовных дел показывает, что в основной своей массе это не квалифицированные кражи и грабежи, в меньшей степени мошенничества, растрата и разбой, которые составляют от 4 % до 6 % от общего количества совершенных преступлений. Динамика корыстной преступности КМНС в 2010 – 2016 гг. составляла от 37,4 % до 42,4 % от общего количества совершенных ими преступлений, что не превышает порога всей совокупности корыстных преступлений, зарегистрированных в округе за указанный период (от 41,9 % до 46,3 %), однако, ниже общероссийских тенденций (от 52,6 % до 55,4 %).

Для корыстной преступности КМНС характерен примитивизм объектов преступного посягательства, спонтанный способ совершения хищений, при которых стремление к преступному удовлетворению эгоистических потребностей не выходит за рамки внутренней интеллектуальной ограниченности. В правоприменительной практике по уголовным делам в отношении рассматриваемой категории лиц практически не встречаются факты хищения тех объектов, ценность которых выше их утилитарного значения, выше себестоимости. В преобладающем большинстве это продукты питания, недорогие средства мобильной связи и другое имущество, которое виновный сразу после хищения может использовать в своих целях. Также предметом криминального промысла выступает имущество, обладающее определенной степенью ликвидности, которое реализуется сразу после совершения преступления, за цену существенно ниже его номинальной стоимости, что может обеспечить быстрое противоправное обогащение (например, изделия из цветных металлов сдаваемые в пункты приема как лом).

Относительная распространенность угонов транспортных средств, от 3,6 % до 5,4 % от общего числа совершенных преступлений, связана с тем, что основным объектом преступного посягательства являются снегоходы, которые широкого используются КМНС как средство автономного передвижения в тундровой местности, автомобили угоняются лишь в каждом 7 случае.

Преступления, предусмотренные ст.ст. 222, 223 УК РФ, как уже указывалось выше, связаны со сложившимися традициями владения и использования оружия, что обусловлено спецификой проживания в условиях дикой природы, а также продиктовано осуществлением традиционных видов хозяйственной деятельности.

Определенное распространение среди преступников из числа КМНС имеют преступления, связанные с незаконным посягательством на водные биологические ресурсы и незаконной охотой (ст.256, ст.258, ст.258.1 УК РФ). С позиции криминологической характеристики личности преступника наличие указанного вида преступлений в структуре преступности КМНС обусловлено традиционными рыболовством и промысловой охотой, наличием специальных навыков добычи биологических ресурсов, знанием мест миграции, нереста и т.д., а также примитивностью традиционных орудий лова и охоты, не требующих существенных материальных затрат.

Кроме этого, уровень браконьерства среди КМНС связан с трудовой занятостью. По мнению Е.П. Ильиной, уровень браконьерства определяется и таким фактором, как безработица. Значительная часть населения имеет очень низкие доходы и небольшие возможности трудоустроиться. Среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 256 УК РФ, доля безработных довольно высока [144, с. 27]. В автономном округе это связано, в том числе, с нежеланием некоторых представителей коренных национальностей осуществлять трудовую деятельность на постоянной основе, тогда как браконьерство может служить достаточным источником для обеспечения своих потребностей.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не распространены среди коренных народов Севера, факты незаконного хранения и сбыта наркотических веществ, а также совершения преступлений в состоянии наркотического опьянения имеют единичный характер. Это связано с этнопсихологическими особенностями КМНС, в силу которых потребление наркотических средств не получает распространения, в том числе по причине стоимости наркотиков, необходимости их тайного приобретения и хранения, отсутствием возможностей доставки. По этому поводу Н.А. Барыкина, изучавшая вопросы формирования наркозависимости в условиях крайнего Севера, отмечает, что «коренное население имеет самый низкий коэффициент наркотизации, что может объясняться, во-первых, необходимостью наличия знаний о технологии производства и использования наркотиков, которыми местное население не обладает; во-вторых, национальными особенностями и обычаями» [136, с. 19].

2) Наличие судимости – важный криминологический критерий личности преступника, так как он с определенной степенью достоверности свидетельствует об антисоциальной направленности личности. По характеру и тяжести повторно совершенного преступления, длительности временного промежутка между противоправными деяниями можно судить об

устойчивости или лабильности криминального характера поведения лица. О судимости, как уголовно-правовом признаке личности преступника, Ю.В. Голик отмечает, что «отсутствие в биографии лица преступной деятельности указывает, как правило, на отсутствие у виновного хорошо выраженных антиобщественных свойств и качеств. Но механически подходить к наличию у лица судимостей в прошлом нельзя. Нельзя уже потому, что это будет противоречит сущности принципа «нет неисправимых преступников» [56, с. 56].

Проблема неоднократного совершения преступлений характерна для КМНС, особенно при совершении преступлений небольшой тяжести, наказание за которые не связано с реальным лишением свободы и поэтому провоцирует повторное совершение преступлений с ростом степени тяжести общественной опасности содеянного. Можно обоснованно предположить, что у этой проблемы в отношении автохтонного населения имеются свои исторические и социальные корни. Изучение исторических источников, в частности, «Устава об управлении инородцами» [117] показывает, что при допущении в прошлом ненцами, ханты и селькупам преступлений небольшой тяжести, наказания за их совершение практически не следовало. Дела об указанных проступках рассматривались старостами стойбищ и национальных поселений в форме «словесной расправы», итогом которой было возложение на виновного обязанности принести устные извинения потерпевшей стороне. Отсутствие характерной для норм права репрессивной составляющей при разборе незначительных проступков национальной администрацией не способствовало зарождению среди КМНС механизмов внутреннего и социального сдерживания от небольших по степени общественной опасности девиаций.

Наличие судимости в прошлом отмечается у 33,6 % – 63,3 % привлеченных к уголовной ответственности представителей аборигенного населения, что в значительной степени выше окружного показателя 23,8 % – 30,0 %, и в целом по России 23,1 %-31,8 %.

Типичным в данном контексте является уголовное дело в отношении С., который совершил преступление, предусмотренное ч.4 ст.111 УК РФ. В ходе изучения личности С. установлено, что в 2010 году он был осужден к условному лишению свободы за совершение преступления небольшой тяжести. В 2011 и 2013 годах был осужден уже к реальному лишению свободы за совершение преступлений средней тяжести. Освободившись из мест лишения свободы в 2014 году, С. вновь совершил преступление, относящееся к категории особо тяжких [184].

3) Изучение данных о преступности КМНС в 2010 – 2016 годах свидетельствует, что рецидив преступлений отмечается у 12,1 % – 20,4 % лиц, совершивших преступления в указанный период времени, что не может не вызывать озабоченности, потому что «социальная сущность рецидива преступлений, как правило, свидетельствует о большой общественной опасно-

сти личности преступника, устойчивых антисоциальных установках» [48, с. 2].

Так, приговором Приуральского районного суда за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст.105 УК РФ, Л. осужден к 12 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима. Судом при определении размера наказания указано, что в 2003 году Л. также был осужден к лишению свободы за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст.105 УК РФ. После отбытия наказания должных выводов для себя не сделал, на путь исправления не встал, в связи с чем, по истечении шести месяцев после освобождения из мест лишения свободы вновь совершил особо тяжкое преступление против личности [177].

Социально-нравственные и социально-психологические признаки лиц из числа КМНС можно проиллюстрировать на основе нескольких факторов.

Первым из них является совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, доля которых в массиве преступности в 2010 – 2016 годах составляла от 41,2 % до 63 %. Состояние опьянения не всегда прямо связано с характером совершенного преступления, однако, количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, свидетельствует о распространенности данного социального недуга, разрушении сферы семейных отношений, которая составляет нравственную и моральную основу полноценной личности.

Кроме этого, нравственно-психологические признаки личности преступника из числа КМНС характеризуют сведения о количестве бытовых и внутрисемейных преступлений. Результаты изучения уголовных дел о преступлениях с элементами физической агрессии показывают, что преобладающее большинство потерпевших по таким делам являются членами семей преступников, их близкими родственниками, а также лицами, входящими в круг близкого общения виновных. Это связано с тем, что преступники из числа КМНС, в силу сложившегося национального менталитета, в основной массе имеют низкий образовательный ценз, который является достаточным критерием для осуществления своих функциональных обязанностей в сфере быта и при осуществлении традиционных видов хозяйственной деятельности. Уровень и особенности образования сужают сферу возможной профессиональной деятельности вне родовых общин. В условиях города и поселка КМНС осуществляют низко и среднеквалифицированную трудовую деятельность, как правило, младшего и среднего персонала. Это обуславливает недостаточную интеграцию представителей коренных народов в общественные отношения с другими социальными группами. Сужение социальных контактов до внутрисемейных и родственных влечет уменьшение поля криминальной активности до уровня своей микросоциальной среды, что обоснованно позволяет говорить о бытовой насильственной преступности КМНС. Коллектив авторов, изучавших бы-

товую преступность, пришел к выводу, что «бытовое преступление – это предусмотренное уголовным законом деяние, совершаемое в сфере бытовой жизнедеятельности людей по мотивам, возникшим на основе личностно-бытовых взаимоотношений виновного с потерпевшим и наносящее физический, моральный или материальный ущерб» [77, с. 14]. Именно неудовлетворенность в сфере семейно-бытовых отношений является катализатором противоправного поведения, обращая спонтанную агрессию на членов семьи, с редким ее распространением за периметр бытовых отношений, что характеризует морально-волевые и нравственные признаки преступников из числа КМНС.

Так, приговором Надымского городского суда Г. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.111 УК РФ. Рассмотрением дела установлено, что Г. распивала дома спиртные напитки совместно со своим мужем и сыном. В процессе распития спиртного между Г. и ее сыном гр. С. возникла ссора на почве бытовых отношений, в ходе которой Г. ножом нанесла три удара своему сыну, от которых он скончался [179].

Указанная этноспецифика имеет свои исторические корни, продиктованные дисперсным расселением коренных народов на значительной территории. Как отмечают исследователи, «тенденция семейной автономии имела своим результатом минимальную социализацию за пределами стойбища» [109, с. 21], что обусловило формирование характерных национальных традиций и норм внутрисемейного поведения. Например, как указывает С.Н. Харючи: «у ненцев существует табу на обсуждение с посторонними внутрисемейных межличностных отношений» [124, с. 54]. Современное следование таким национальным традициям, в случае эскалации внутрисемейного насилия, препятствует потенциальным потерпевшим прибегнуть к помощи других лиц или представителей служб социальной медиации.

Сказанное относительно криминологической характеристики лиц из числа коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа можно сделать следующие выводы.

1. Коренные малочисленные народы Севера в Ямало-Ненецком автономном округе представлены тремя национальностями – селькупы, ханты и ненцы, с преобладанием в преступной активности последних, что связано с их количественным доминированием над представителями других коренных национальностей.

2. Преступность коренных малочисленных народов Севера в ее сравнении с преступностью в Ямало-Ненецком автономном округе и Российской Федерации имеет существенное гендерное отличие с увеличением доли преступлений, совершенных лицами женского пола.

3. Существующие проблемы социализации коренных малочисленных народов автономного округа, связанные с недостаточной интеграцией в преобладающее общество, обуславливают повышенную криминальную

активность лиц в возрасте 18 - 24 лет, что указывает на необходимость адресно- ориентированной реализации мер профилактического воздействия.

4. Несмотря на региональную специфику получения образования, преступность КМНС имеет корреляционную зависимость между уровнем образования и степенью криминальной активности.

5. Значительная доля лиц, не имеющих постоянного источника дохода, в структуре преступников КМНС указывает на индифферентное отношение к труду как к социальной обязанности.

6. Преобладающее число убийств коренным населением совершается с использованием холодного и огнестрельного оружия, что связано с наличием обусловленных традиционными видами хозяйственной деятельности навыков по его применению.

7. Процент повторной и рецидивной преступности КМНС свидетельствует о сниженном уровне солидарности с уголовным законодательством.

§ 3. Понятие и виды детерминант преступности коренных малочисленных народов Севера

Степень криминальной пораженности аборигенных народов, с позиции социальной природы преступности, свидетельствует о недостаточности мер, принимаемых для ее преодоления. На характер такой взаимосвязи указывает и Т.М. Чапурко, отмечая: «совокупность совершенных преступлений, их состояние и динамика, являются одним из наиболее важных интегральных показателей, которые характеризуют результативность социальных процессов и преобразований, происходящих в обществе на конкретном этапе его развития» [126, с. 88]. В этой связи социальная острота преступности КМНС не требует дополнительной аргументации и обуславливает необходимость реализации комплексного механизма ее предупреждения. Однако решение вопросов противодействия преступности КМНС не должно иметь характера плоского редукционизма, выражаясь, преимущественно, применением репрессивных мер уголовно-правовой ответственности. Поэтому, актуальной является работа по выявлению причин и условий преступности коренных малочисленных народов Севера, в связи с чем, авторы солидарны с позицией В.В. Макарова, который полагает, что «ошибочным было бы рассматривать преступность как простую совокупность преступлений, в которой не учитываются обратные связи между преступностью и обществом» [152, с. 12-13].

Практическая значимость работы по установлению причин и условий совершения преступлений, а также принятие необходимых мер по их нейтрализации, законодателем возложена на правоохранительные органы. В соответствии с частью 1 статьи 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», в ходе осуществления своей деятельности сотрудники полиции обязаны «выявлять причины преступлений и администра-

тивных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению» [17]. В свою очередь (пункт 2 Постановления Пленума Верховного суда от 01.09.1987 г. № 5), когда в материалах дела имеется представление органа дознания, следователя или прокурора об устранении указанных причин и условий, суд должен установить, приняты ли руководителями соответствующих предприятий, учреждений и организаций необходимые меры [169].

Говоря о детерминантах преступности, А.Н. Полубояринова пишет, что «проблема исследования причин и условий преступности выступает одной из центральных в отечественной и зарубежной криминологии» [99, с. 12]. Повышенное внимание к данной проблеме напрямую связано с целями правоохранительной деятельности по борьбе и предупреждению преступности. Достижение этих целей объективно не возможно без выявления и понимания факторов, обуславливающих преступное поведение. Соглашаясь с особой криминологической значимостью диагностики, Е.Г. Сторубленкова отмечает, что «проблемы криминологии, связанные как с изучением сущности и свойств преступности, так и с изучением причин и условий преступности, обобщенно называемых детерминирующими или криминогенными факторами, постоянно сохраняют свою актуальность в науке» [160, с. 3].

Вместе с тем, преступность явление разноплановое и поэтому ей свойственна множественность причин, что предполагает необходимость их классификации. Ведь даже криминальное деформированное сознание отдельных лиц с рецидивом преступлений нельзя абсолютизировать в качестве корневой причины противоправной направленности такого лица, так как это вряд ли объективно может исчерпывать причинное многообразие его противоправного поведения. В этой связи заслуживает внимания позиция тех авторов, которые говорят об отсутствии «основной», «главной» причины, которая бы исчерпывающе обуславливала происхождение и существование преступности во всем многообразии ее проявлений. Поэтому мы разделяем точку зрения Я.И. Гилинского, утверждающего, что «преступность проявляется в деяниях, признаваемых законодателем преступными «здесь и сейчас». Содержательный диапазон таких деяний огромен – от убийства до надругательства над государственным гербом или флагом. Трудно себе представить, что еще может объединять все эти столь разнородные деяния кроме формального признака - нарушение уголовного запрета. Очевидно, не может быть общей причины столь разнородных и качественно не определенных, не имеющих естественных границ явлений» [53, с. 170].

Как отмечалось выше, отсутствие одной «идеальной» причины преступности позволяет сделать вывод о наличии некоего комплекса причин, которые характерны для того или иного вида преступности. Вместе с тем, возможность определение шаблонных вариантов диагностирования при-

чинного комплекса преступности вряд ли объективно возможно. В криминологических исследованиях, как правило, приводятся данные о наиболее распространенных обстоятельствах, функционально способствующих совершению преступлений. Но здесь необходимо иметь в виду, что такие обстоятельства в различных их проявлениях и сочетаниях провоцируют и различные виды преступлений. Поэтому в вопросе диагностики детерминант, особенно регионально обусловленных, всегда необходимо анализировать конкретные условия жизнедеятельности людей и вариативные изменения этих условий.

Актуализируя необходимость изучения детерминант преступности именно регионального уровня Д.В. Бахирев говорит, что «познание закономерностей функционирования территориальных систем регионального уровня можно осуществлять на основе анализа и оценки факторов пространственного развития социально-экономических процессов. Выявление же и последующее использование закономерностей функционирования таких общностей в целях познания механизма детерминации преступности будет представлять собой одно из направлений исследования причинного комплекса преступности посредством изучения закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности» [137, с. 13]. Такой регионально ориентированный подход даст возможность глубже проникать в механизм ее детерминации и изменений, устанавливать закономерности порождения и функционирования преступности в различных по своим социально-экономическим, социально-культурным и иным характеристикам районов автономного округа, выделять в этих закономерностях общее и частное. Без выявления комплекса детерминант эффективная профилактика преступности коренных народов ЯНАО не возможна, так как внутреннее отрицательное содержание этих причин и условий, наряду с личностью преступника, является объектом положительного криминологического воздействия. Обосновывая значимость исследовательской работы в этом направлении, В.В. Лунеев указывает, что «преступность динамична и приспособительна, она постоянно мимикрирует в новые сферы общественных отношений и человеческой деятельности. Именно поэтому, изучение причинного комплекса должно быть постоянным и системным, а его выводы необходимо реализовывать на макро и микроуровнях» [102, с. 864]. Указанное мнение разделяет Д.Р. Мухаметжанов, который также акцентирует внимание на том, что «при воздействии на преступность необходимо, в первую очередь, воздействовать на то, что ее порождает, обуславливает и способствует ее развитию» [95, с. 34].

Причины и условия преступности коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа имеют разноплановый характер. В связи с тем, что детерминанты преступности – это некая специфическая совокупность, возникает необходимость их структурной группировки, для чего нужно определить критерии, по которым такое ранжирование будет целесообразно провести. Соглашаясь с комплексным характером детерми-

нант, И.Ф. Скифский пишет, что «традиционно в криминологии рассмотрение причин, условий и факторов противоправного поведения заключается в их перечислении, ранжировании и обобщающей оценке отдельных криминогенных детерминант» [108, с. 102].

В современной криминологии используется несколько критериев дифференциации детерминант преступности: по механизму действия, по уровню субординации, по природе происхождения, по уровню действия и т.д. Поскольку криминология изучает преступность с различных ракурсов, использование градации детерминант по определенному критерию всегда обусловлено конечными целями изучения того или иного явления. При изучении отдельных видов преступности преимущественной будет структура детерминант, основанная на механизме их действия. В ходе анализа преступности конкретно определенной по субъектному составу группы лиц, предпочтителен вариант рассмотрения детерминант через призму уровня их действия. Так, К.С. Демина, в ходе изучения региональной женской преступности, относительно ее структуры указывала, что «рассмотрение детерминант преступности на философском и социологическом уровне, по существу, означает их рассмотрение на общесоциальном уровне. При таком подходе выпадает важнейшее звено трансформации общесоциальных причин преступности в причины конкретного преступления – малые социальные группы. С учетом изложенного, целесообразно и обоснованно выделять следующие детерминанты преступности: общесоциальные (на уровне всего общества), социально-психологические (процессы, происходящие в малых социальных группах) и психологические (взаимодействие личности преступника с конкретной жизненной ситуацией совершения преступления)» [142, с. 21]. Данная позиция небезупречна, но обоснована, потому что такая структура детерминант, при ее экстраполяции на преступность КМНС, позволяет решить поставленные в ходе исследования задачи: определить степень и глубину влияния общества на эту преступность; выявить механизмы самодетерминации внутри данной социальной общности; определить истоки рассогласования поведения конкретной личности с общими и групповыми нормами поведения на индивидуальном уровне.

Общесоциальный уровень детерминант преступности коренных малочисленных народов Севера не имеет специфических отличий, которые позволили бы выделить те или иные причины общесоциального плана, в качестве превалирующих. Характеризуя детерминанты преступности общесоциального уровня, Е.Г. Сторубленкова говорит о том, что «преступность, ее развитие и предупреждение всегда зависят от социальных и иных факторов. Все эти факторы, так или иначе, обусловлены общественными противоречиями» [160, с. 6]. По этому поводу А.В. Швецов дополняет, что «преступность относится к числу глобальных проблем человечества, затрагивает практически все сферы жизни, представляя непреходящую опасность для личности и общества» [166, с. 3]. При этом, детерминирующими

в общесоциальном плане являются общественные противоречия, характерные для общества в целом, вне зависимости от социальных групп его составляющих.

К числу общесоциальных детерминант преступности, которые оказывают продуцирующее влияние на преступность коренных малочисленных народов Севера, необходимо отнести: несоответствие темпам социального развития преобладающего общества и степени адаптации к ним коренных малочисленных народов Севера; диспропорцию между ростом потребностей и возможностями КМНС по их удовлетворению; определенную степень недоверия к власти; существенные различия в условиях, видах и формах труда различных социально-профессиональных групп населения; диссипацию национальных политических, культурных и нравственных ориентиров.

Социальная действительность современного общества характеризуется ускорением темпов развития, которые сопровождаются изменением социально-культурной платформы. Обращая внимание на зависимость общественных изменений и трансформацию детерминант преступности Г.Г. Смирнов отмечает: «формы и содержание криминологических детерминант в целом претерпели на этапе перехода к новым условиям жизни весьма существенные изменения: некоторые криминогенные факторы исчезли; социально-правовая оценка других, ранее считавшихся криминогенными, явлений сменилась на противоположную; возникли новые, ранее неизвестные криминогенные факторы, которые прежде не действовали или были едва заметны» [159, с. 21].

Характерным в отношении коренных малочисленных народов Севера является несоответствие темпов общего социального развития процессам адаптации к ним. Приспособление коренных народов к новым условиям существования не всегда происходит так, как это предусмотрено государственными программами. Это связано с этнопсихологией и особенностями мировоззрения. Вынужденная миграция, смена сферы трудовой занятости способствовали утрате черт национальной идентичности, сукцессионной атрофии регулятивного значения обычаев и традиций, при непонимании или непринятии императивного содержания новых, привели к постепенной утрате у КМНС иммунитета к криминальной деятельности. Результатом этого стало нивелирование этнокультурной уникальности, рост преступности, особенно у лиц, перешедших к оседлости. Как справедливо указывает О.Г. Бережная, «промышленное освоение нарушило природные механизмы и существующий баланс между интересами человека и природой. Ранее богатые промысловые угодья стали непригодными для осуществления нормальной жизнедеятельности коренных народов» [139, с. 12], что способствовало снижению доходности промыслов, возникновению и развитию экологической преступности ненцев, ханты и селькупов.

Для современного российского общества характерна популяризация в общественном сознании тенденций консюмеризма, гипертрофированно-

го, не обусловленного реальной необходимостью уровня потребления, как социальной нормы. Вместе с тем, в ситуации вертикального и горизонтального расширения потребностей рост возможностей по их легальному удовлетворению всегда ограничен объективными причинами и, как правило, не пропорционален интенсивности их возрастания. В этом контексте заслуживает внимания замечание Я.И. Гилинского, который указывает, что «преступность проявляется через определенные уголовным законом действия, поступки людей. Между тем, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей. Потребности людей распределены относительно равномерно и имеют тенденцию к возрастанию. А возможности удовлетворения потребностей – различны, неравны. И хотя определенная степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей, однако главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит социально-экономическое неравенство, занятие индивидом различных, неоднородных позиций в социальной структуре общества» [53, с. 170].

При этом, говоря о специфике причин и условий преступности аборигенного населения Севера, необходимо отметить, что она обусловлена несовпадением культурной и бытовой модели жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера с общепринятыми нормами, что проецирует неопределенность социального статуса и дисбаланс в удовлетворении возрастающих потребностей. Проблематика социальной самоидентификации коренных народов в современном обществе связана с недостатками государственной политики, которая, существуя в формате жесткого патернализма, фактически сформировала в отношении КМНС необоснованный стереотип людей «второго сорта». О недостатках государственной, в том числе, социальной политики В.П. Гоголев указывает: «патернализм с момента присоединения к Российской империи территорий Севера, огосударствления населявших их народов является главной идеологической основой государственной политики в отношении коренных малочисленных народов на всем протяжении XVII - XX веков. Развитие коренных народов в советский период характеризовали противоречивые процессы: с одной стороны, укрепление связей между русским и коренными народами, с другой – распространение болезней, алкоголизация, утрата некоторых самобытных традиций» [141, с. 57]. По этим причинам, в настоящее время сложилась ситуация конфликта потребностей и возможностей по их удовлетворению. С одной стороны, ненцы, ханты и селькупы, ведущие традиционный кочевой образ жизни, вовлекаются в процесс расширения потребностей, которые в полном объеме результатами традиционных, экономически малоэффективных форм хозяйственной деятельности удовлетворены быть не могут. С другой стороны, представители коренных национальностей, перешедшие к оседлому образу жизни, по причине имеющихся сложностей интеграции в преобладающее общество, в силу национального менталитета и других субъективных особенностей, не обладают всем спектром

тех социальных качеств (уровень образования, знание иностранных языков, развитое правосознание), которые гарантируют наличие равных с другими членами общества возможностей по удовлетворению своих потребностей.

Существующее недоверие аборигенного населения к органам власти и степень его выраженности связаны с потребительским отношением к ним в прошлом, когда представители пришлого населения, фактически эксплуатируя экономическую инфантильность КМНС, навязывали им условия невыгодного обмена результатов их традиционных форм деятельности на, так называемые, «блага цивилизации», имеющие ничтожное стоимостное выражение. Исторические карикатуры обмена североамериканскими индейцами золотых слитков на стеклянные бусы на Севере получили свое выражение при обмене ценных мехов на алкоголь и т.д.

Также на снижение степени доверия КМНС к существующей власти повлияло интенсивное промышленное освоение территорий исконного осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности, приводящее к увеличению антропогенной нагрузки на природную среду, ее истощение, как следствие, сокращение оленьих пастбищ и рыболовных участков, что неминуемо влечет снижение благосостояния коренных народов, занятых в сфере промыслов.

Наличие иных общесоциальных детерминант преступности КМНС при их анализе не выявляет выраженных отличий механизма действия, характер их действия типичен для преступности в целом.

Функционирование детерминант преступности КМНС на социально-психологическом уровне имеет ряд специфических особенностей. Это связано с тем, что детерминанты социально-психологического уровня действуют внутри социальной общности и поэтому приобретают, в той или иной степени, характер идентичности, присущей данной группе в целом, на что обращает внимание А.М. Смирнов, указывая: «социально-психологические детерминанты поведения неразрывно связаны с менталитетом и особенностями (традициями) жизнедеятельности общества» [110, с. 30].

Преступность коренных малочисленных народов Севера связана с конкретными условиями их жизни, с ее этническими и региональными особенностями. На взаимосвязи условий жизни и детерминант преступности настаивает С.А. Попова, отмечая, что «преступное поведение связано не просто с условиями жизни человека, но и с тем, как эти условия воспринимаются и оцениваются им. Преступное поведение порождается глубинными переживаниями. Эти переживания связаны с основами бытия человека, его мироощущениями, его отношением к своему месту в жизни и с условиями жизни» [101, с. 60].

Наличие социально-психологических детерминант обусловлено продолжающимся процессом инклюзии коренных этносов в преобладающее общество. Существующий дисбаланс базируется на имеющемся противо-

речи этнического национального менталитета КМНС и существующих норм в различных сферах общественной жизни преобладающего многонационального социума, сложностей гармонизации сочетания общечеловеческого и национального в процессе формирования личности. На наличие именно социально-психологической проблематики взаимодействия коренных народов Севера с другими этническими общностями обращает внимание О.Г. Бережная, которая отмечает: «эти народы существуют вне исторического времени европейского типа. Их отличает особая консервативная культура и характерный только для нее тип хозяйственной деятельности, образ жизни. Она ориентирована на включение себя в природную среду и выступает как ее продолжение. Пришлые же этносы находят себя по преимуществу вне природы, как носители динамичной технологической и прагматически ориентированной, самообусловленной культуры, противопоставляющей себя природе. Поэтому взаимоотношения коренного и пришлого населения на Ямале отчасти сродни общему взаимоотношению природы и индустриальной культуры. Коренные народы Севера России почти повсеместно испытали на себе воздействие индустриальной культуры, и это воздействие неоднозначно повлияло на них. С одной стороны, материальное благополучие этих народов выросло, особенно в последнее десятилетие. С другой стороны, нельзя не заметить, что общее направление их эволюции ведет к элиминированию, к растворению их специфических культур в общероссийском поликультурном массиве» [139, с. 12].

На социально-психологическом уровне действия детерминант преступности это связано с: активным вовлечением представителей коренных малочисленных народов Севера в общественную жизнь, сопровождающимся миграцией из национальных поселений в города и поселки с различной структурой населения, не соединенной связями родства или религиозного единства; особенностями этнического менталитета и обусловленных им норм социального общежития; перепрофилированием этих лиц от традиционных кочевых способов ведения хозяйственной деятельности в иные сферы занятости; активной поддержкой со стороны государства, что порождает в среде КМНС социальное иждивенчество; сужением сферы социальных контактов до внутрисемейных.

Как отмечает М.Д. Савчина: «ускорение темпов социального развития, трансформация общественных идеалов и ценностей задают новые параметры социально-психологической адаптации и социализации, предъявляя к их субъектам повышенные требования в формировании новых моделей социального поведения» [158, с. 3]. В свою очередь, не соответствие уровня адаптации КМНС к темпам социальных изменений не может не оказывать, в определенной степени, деструктивного влияния на самоидентификацию в современном обществе. Социально-психологические детерминанты преступности КМНС генерируются сформированной на платформе национальных традиций и архетипичных вариантов поведения «жизненной философии», которая выступает конвенциональным критери-

ем выбора формы действий и их мотивации, часто это не совпадает с действующими нормами социально одобряемых форм поведения и, поэтому, провоцирует преступное поведение. Так, на территории автономного округа ежегодно регистрируются неосторожные преступления, связанные с причинением родителями из числа коренного населения вреда здоровью различной степени тяжести или смерти своим детям. Не подвергая анализу обстоятельства каждого конкретного преступления, однозначно можно сделать общий вывод, что наличие такого рода преступлений в общей структуре видовой преступности КМНС обусловлено национальными особенностями воспитания и характером отношений в психологической связке «родитель – ребенок», которая отлична от общепринятой. Сформировавшийся в течение многовековой социальной практики коренных народов Севера стереотип минимальной родительской заботы о ребенке не обусловлен негативным отношением к детям, а продиктован аспектами существования в условиях Крайнего Севера. Когда, в силу климатических и пространственных условий, для обеспечения жизнедеятельности семьи и общины, родителям необходимо длительное время проводить вне места проживания и забота о детях сужена до уровня элементарной необходимости, что обусловлено особенностями традиционных оленеводства и рыболовства на значительной территории.

Влияние национального менталитета и особенностей жизни в экстремальных условиях полярного круга оказывают влияние на преступность на социально-психологическом уровне. Так, в структуре преступности КМНС значительное место занимают преступления, связанные с умышленным лишением жизни другого лица, причинением различной степени тяжести вреда здоровью. С позиции социально-психологических детерминант это не обусловлено повышенной степенью агрессивности северных народов, либо этнических традиций членовредительства, а обусловлено иными факторами.

Во-первых, «обычное право народов Севера различало убийство сородича и убийство иноплеменника. Первое считалось более тяжким, поскольку касалось сохранения рода, за второе наказания вообще могло не последовать» [70, с. 126]. При таком мягком, с точки зрения общественного порицания и социальной нетерпимости подходе к убийству, под иноплеменниками подразумевались лица не только других национальностей, но и других родов в масштабе одной национальной принадлежности.

Во-вторых, отсутствие четкого морального критерия неоспоримой ценности жизни и здоровья другого лица связано с особенностями традиционных форм хозяйственной деятельности. Осуществление коренными народами Севера на протяжении всей своей истории товарного оленеводства и промысловой охоты неминуемо было связано с систематическим и массовым лишением жизни оленей и животных, что происходило и происходит в присутствии детей (в том числе, в целях передачи практических навыков и, в ряде случаев, имеет сакральное значение). Данная особен-

ность национальных традиций, в силу которых лишение жизни животных является обыденной необходимостью, в определенной степени нивелирует значимость жизни и здоровья человека, что, в совокупности с практическими навыками лишения жизни животных, на социально-психологическом уровне существенно снижает степень самоконтроля, детерминируя насильственную преступность КМНС.

Кроме этого, давая оценку факторам продуцирующим преступность КМНС, нельзя не коснуться вопросов осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности и связанных с ней экологических преступлений. Однако, при этом необходимо иметь в виду ряд обстоятельств, без учета которых предупредительное воздействие на преступность коренных народов не возможно. Во-первых, осуществление традиционных форм хозяйственной деятельности по природопользованию сложилось исторически, в связи с чем, одномоментный слом таких видов деятельности, их перепрофилирование и резкое повышение рентабельности не возможно в силу объективных причин. Во-вторых, осуществление таких видов деятельности обуславливает своеобразный кочевой образ жизни и наличие специфических трудовых навыков по их осуществлению. В-третьих, в экстремальных климатических условиях Севера осуществление традиционных оленеводства, промысловых рыбалки и охоты является безальтернативным, так как постоянное проживание в тундре не предоставляет иных возможностей по обеспечению жизнедеятельности. Поэтому меры, направленные на предупреждение отдельных видов преступлений, в том числе, связанных с экологическими посягательствами, не могут ограничиваться запретительными мерами, так как, например, полный запрет на вылов рыбы дестабилизирует финансовое состояние многих кочевых семей, актуализируя тем самым детерминацию корыстной преступности в других сферах. Поэтому, как отмечает С.Н. Харючи, в этих вопросах «надо учитывать, что до сих пор уровень жизни лиц, относящихся к коренным малочисленным народам особенно ведущим кочевой образ жизни, остается ниже уровня жизни оседлого населения» [122, с. 24].

Переход от кочевого к оседлому образу жизни, миграция КМНС из национальных поселений в города и поселки обуславливают необходимость перепрофилирования трудовых навыков, что не всегда происходит эффективно с точки зрения социального благополучия. Отмечая эту проблему, О.Г. Бережная констатирует, что «после перевода, часто насильственного, кочевого населения на оседлый образ жизни, оленеводы, рыбаки из своих исконных мест обитания в тайге и тундре сселялись в крупные поселки. Поселковое коренное население постепенно утрачивало связь с историческими традициями, не приобретая, как правило, навыков жизни в новых индустриальных условиях» [139, с. 12]. Наличие указанных противоречий между желаемым и действительным при смене места проживания и рода занятий закономерно влечет преступное поведение. На сглаживание этих противоречий направлены меры государственной поддержки КМНС,

которые наряду с позитивными последствиями их реализации, порождают и негативные – социальное иждивенчество, выступающее характерной социально-психологической детерминантой преступности.

Для предотвращения политизации этничности коренных малочисленных народов Севера и стигматизации данной национальной группы по признаку «позитивной дискриминации» со стороны государства, необходимо определить содержание социального иждивенчества в контексте настоящего исследования.

Социальное иждивенчество – это моральная и жизненная позиция ряда лиц, которая «заключается в использовании отдельными гражданами общего блага в личных целях в ущерб общественным интересам» [94, с. 103]. Относительно социального иждивенчества коренных народов Севера П.В. Гоголев отмечает, что в советский период «были приняты меры по подъему экономики и культуры народов Севера. Многие народы получили письменность, появилась национальная литература, созданы государственные учреждения медицинского, бытового, торгового обслуживания оленеводов и рыбаков, ведущих кочевой образ жизни» [55, с. 42].

Несмотря на рост уровня жизни, политика патернализма способствовала возникновению у коренных северян чувства иждивенчества, сложившегося на убежденности, что все проблемы должно решать государство. Кроме этого, позитивные социальные изменения повлекли их аккультурацию, что также было связано с практикой отрыва молодежи от этнически самобытного образа жизни.

Новый взгляд на аспекты государственной политики в отношении коренных народов связан с включением в текст Конституции РФ статьи 69, гарантирующей права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и международными договорами Российской Федерации. В этой связи К.Д. Аракчаа отмечает, что «статья 69 Конституции РФ не только обозначила на государственном уровне переход к принципам уважительного отношения к праву на сохранение традиционного образа жизни, но и признала их в качестве субъектов международно- и конституционно правовых отношений» [44, с. 174]. То есть явилась конституционной гарантией нормативного закрепления прав народов Севера и механизмов их реализации, заложив предпосылки, в том числе, социального иждивенчества.

Практическую пользу мер социальной поддержки, вряд ли можно подвергнуть сомнению. Вместе с тем, обратной стороной этого процесса является атрофия желания и способности зарабатывать, нести ответственность за свою семью. Раципиенты начинают во всем полагаться на государство. Краткосрочная и непреднамеренная зависимость перерастает в умышленную и долгосрочную. П.В. Гоголев по этому поводу замечает, что «для современного периода характерно усиление консолидированных экономических требований. Причем, следует обратить внимание на то, что притязания коренных малочисленных народов Севера выходят за пределы,

связанные с традиционным образом жизни, сохранением обычаев, культуры, методов и способов традиционного природопользования» [55, с. 42].

О наличии устойчивой корреляционной связи между социальным иждивенчеством и преступностью коренного северного населения свидетельствуют данные уголовно-правовой статистики. По сведениям информационного центра УМВД России по ЯНАО в 2016 году на территории округа зарегистрировано 812 преступлений, участие в совершении которых приняли представители малочисленных народов. При этом 417 из указанного числа преступлений совершены лицами, не имеющими постоянного места работы, в отношении которых объективные препятствия к осуществлению трудовой деятельности на возмездной основе не установлены [193].

Порожденная иждивенчеством семейная десоциализация и компактность национального проживания, как было сказано выше, направляют агрессию в сферу семейно-бытовых отношений. На нарушение внутрисемейных, внутриобщинных связей влияет изъятие детей из традиционных семей для получения начального среднего образования. «Морально-психологическая незащищенность молодых людей от доминантного влияние среды увеличивает возможность обучения делинквентному поведению» [57, с. 17]. Кроме этого, полное государственное обеспечение детей на период обучения снижает естественную зависимость подростков от родителей, нарушая устоявшиеся социальные связи. Гарантированное получение социальной помощи атрофирует остроту проблемы постоянной трудовой занятости, снижает допустимый уровень самоконтроля, социальной ответственности за свои действия, устраняет внутренние мотивационные барьеры, в том числе, к употреблению алкоголя. В конечном итоге, при затухании доминанты социальной инициативы, иждивенчество играет роль катализатора противоправного поведения.

С иждивенчеством также связана проблема сужения сферы социального общения. По традиционному образу жизни для коренного населения типично проживание в небольших, основанных по семейному принципу социальных группах. Сужение позитивного коммуникативного пространства в условиях полиэтничности современного общества не только препятствует развитию широкого социального взаимодействия, но и смещает возможный акцент криминального насилия во внутрисемейную сферу.

Детерминанты преступности социально-психологического плана в целом преодолимы, однако, их диссипация продолжительный по времени процесс, который связан с мобилизацией адаптационного резерва коренных народов по встраиванию в существующую структуру общественных отношений. Для этого государственная политика в отношении коренных жителей Севера не должна носить дискретного характера, а строиться в соответствии с принципами постоянства и необходимости реального, а не формального преодоления существующих социальных противоречий. На это указывает В.П. Гоголев: «для решения проблем коренных малочислен-

ных народов Севера очевидна потребность инновационного понимания защиты и сохранения, связанного с гуманными инновационными формами интеграции прошлого в настоящее и будущее» [141, с. 113].

На индивидуально-психологическом уровне причины преступности проявляются в форме рассогласования поведения человека с социальной средой. В результате этой отчужденности происходит постепенное формирование отрицательных качеств личности, потребности которой изменяются в худшую сторону, система ценностной подвергается криминальной деформации и, расходясь с общепризнанными нормами, выступает ее антагонизмом. Влияние неблагоприятной окружающей обстановки на личность, которой присущи низкий уровень самоконтроля, деформированная волевая сфера, может вызвать ее преступное поведение, направленное на решение возникших сложностей и удовлетворение потребностей вопреки социально одобряемым способам. Как отмечает К.С. Демина: «психологические детерминанты действуют на личностном уровне, способны в той или иной степени определять направленность на преступное поведение» [142, с. 21-22].

Криминологическое изучение детерминант индивидуально-психологического уровня позволяет раскрыть механизм конкретного преступного поведения и его личностные причины. Отмечая значимость криминологического изучения индивидуально-психологических детерминант, А.В. Шеслер отмечает: «при рассмотрении психологических детерминант преступности внимание обращается на весь спектр нравственно-психологических свойств личности. Эти качества во взаимодействии с проблемной ситуацией обуславливают преступное поведение» [167, с. 168].

К числу индивидуально-психологических детерминант преступности КМНС следует отнести: сниженный уровень социального самоконтроля, связанный с нарушениями мотивации к законопослушному поведению; отсутствие критического прогноза последствий своих действий, часто равнодушное отношение к ним; правовой нигилизм, который характеризуется низким уровнем солидарности с уголовным и другими сферами законодательства, интенсивно провоцирует повторную и рецидивную преступность; злоупотребление спиртными напитками и немотивированные скоротечные агрессивные преступления под воздействием алкоголя;

Указанная градация индивидуально-психологических детерминант, конечно, как и любая классификация, относительна, может быть расширена или сужена. Здесь необходимо иметь в виду, что с учетом разности индивидуальных характеров и мировоззрений детерминантам личностного плана нет числа, поэтому в данном контексте приведены наиболее типичные и функционально чаще встречающиеся.

Преступность – лишь один из видов девиантности. Анализ совокупности криминогенных детерминант индивидуально-психологического плана приводит к выводу о том, что какие бы конкретные причины индивиду-

ального преступного поведения ни выдвигались, они всегда являются одновременно причинами пьянства, самоубийств, административных правонарушений, и вообще всего разнообразия форм отклоняющегося поведения. Таким образом, на индивидуальном уровне всегда имеются обстоятельства, присутствие которых делает более или менее вероятным отклоняющееся поведение, а какое именно внешнее выражение оно примет зависит от индивидуальных особенностей субъекта. Поэтому к числу индивидуально-психологических детерминант преступности КМНС, на которые следовало бы акцентировать внимание отдельно, необходимо отнести: правовой нигилизм и алкоголизацию.

Некоторые авторы, определяя структуру детерминант преступности, относят данные факторы к уровню общесоциальных. В определенной степени это обоснованно, однако, мы исходим из того, что не каждый представитель коренных малочисленных народов Севера, склонный к злоупотреблению спиртными напитками и имеющий низкий уровень правосознания, имел ранее конфликт с законом, либо неотвратимо склонен к этому.

В разные времена люди по-разному относились к праву, но те, кто не подчинялся законам или их отрицал находились всегда. В разрезе необходимости принятия мер по преодолению правового нигилизма, А.В. Арбузов указывает: «одной из важнейших задач юриспруденции является исследование проблемы наиболее эффективной реализации права в обществе, максимального использования его возможностей в целях упорядочения поведения участников правовых отношений. Снижение уровня правового нигилизма в обществе фактически является определяющим фактором, обеспечивающим эффективность реализации правовых норм» [134, с. 3]. Бесспорно, уровень преступности, в том числе, зависит от уровня правосознания личности, которое обуславливает реализацию механизмов самоконтроля, формирует необходимость оценки своего поведения не только с точки зрения личного, эгоистического интереса, но и через призму норм социального общежития.

Для выяснения степени негативного влияния правового нигилизма на формирование девиантных форм поведения необходимо уяснить его содержание. Г.Ш. Хамитова определяет правовой нигилизм как «социальное явление, которому свойственна высокая степень деформирования правового сознания индивидов, характеризующаяся отрицанием права как социального блага, неуважением к нему, негативным отношением к правосудию и законности, нарушением правовых предписаний и запретов» [161, с. 6].

В этой связи, необходимо заметить, что в масштабе культурно-исторических доминант правового нигилизма большое значение имеет правовой национальный менталитет, как стереотип мышления населения, отражающий инвариантно устроенные черты социального сознания, национальные привычки и архетипичные формы поведения, сформировавшиеся в конкретном обществе.

Проблема правового нигилизма в ее историческом контексте связана с тем, что северные народы никогда не знали государственности. В одной из сибирских летописей (XVII в.) говорится: «...Остяки и самоедь закона не имеют, но идолам поклоняются», поэтому правовой основой был обычай» [70, с. 113-114]. Существовавший длительное время родоплеменной формат общественного устройства не выработал необходимости разработки, издания и последующего соблюдения правовых правил и установок. Внутри- и межобщинные отношения не имели нормативно-правового закрепления, не формировали в индивидуальном сознании стереотипа необходимости соблюдения норм писанного права. Урегулирование общественных отношений происходило при помощи традиций и обычаев, при отсутствии жесткой религиозной регламентации поведения. Поэтому в настоящее время правовой нигилизм КМНС связан, в том числе, с отсутствием сформировавшихся в индивидуальном сознании представлений о ценности права, как социального регулятора общественных отношений. Также существенное влияние на развитие правового нигилизма среди КМНС оказывает их интеграция в преобладающее общество, результатом которой, с одной стороны, является низкая правовая культура, не принятие мер по ее повышению; с другой стороны, утрата национальных традиций и обычаев, их смысла и значения, с чем связана их резкая девальвация в качестве регулятора индивидуального поведения. С учетом этого, мы солидарны с мнением И.А. Цагова, который, говоря об опасности существования правового нигилизма, приходит к выводу: «-нигилистические убеждения не просто маргинализируют социального актора, но могут привести его к конфликту с действующим законодательством. Обладатель нигилистически детерминированного сознания разрушает не только самого себя, но и создает угрозу распространения деструктивных воззрений вовне» [163, с. 21].

Типичным примером проявления правового нигилизма КМНС индивидуального уровня является уголовное дело в отношении Т., который ранее был осужден за совершение хищения к наказанию, не связанному с реальным лишением свободы. Имея не снятую судимость, Т. состоял на профилактическом учете в территориальном отделе полиции, в связи с чем, был приглашен участковым уполномоченным в опорный пункт для проведения профилактической беседы. В ходе беседы с сотрудником полиции, Т. тайно похитил находившийся на столе в служебном кабинете мобильный телефон [186]. Данный пример свидетельствует о том, что Т., как лицо имеющее судимость, осознавал запретительный характер уголовно-правовых норм, однако, в силу индивидуальных особенностей, относился к ним индифферентно, не имея внутренней убежденности в необходимости их соблюдения, в том числе, после того, как с ним была проведена профилактическая беседа о значимости законопослушного поведения.

На тесную взаимосвязь алкоголя и преступности указывают без исключения все криминологи. Бесспорным является утверждение о том, что

злоупотребление спиртными напитками провоцирует нарушения социальной адаптации, которые вызваны снижением мотивации к соблюдению социальных требований. Еще несколько веков назад А.Ж. Бодрираллар афористично высказался о связи алкоголя и преступления: «алкоголь – поставщик людей для тюрем» [66, с. 29]. За прошедшие два века зависимость степени алкоголизации и уровня преступности вряд ли изменилась. Как указывает В.В. Корченков: «проникая в различные сферы жизнедеятельности, – пьянство и алкоголизм оказывают все более пагубное воздействие на социальное самочувствие, интеллектуальный и профессиональный потенциал общества» [146, с. 7]. Связь употребления алкоголя и криминальной активности характерна и для коренных народов Севера. Еще первые исследователи нравов и обычаев народностей, населявших Западную Сибирь, отмечали, что «самая величайшая их (остяков – ненцев) слабость есть пьянство, которому они предаются до чрезвычайной степени. Местное начальство строго запрещает ввоз хлебного вина к остякам, а потому нет у них нигде кабаков» [46, с. 71].

Поэтому рассматриваемая зависимость обуславливает необходимость пристального криминологического изучения данной формы отклоняющегося поведения, потому как без этого не возможна выработка и реализация комплекса мер по массовой и индивидуальной профилактике пьянства. Процессу изучения детерминирующей природы пьянства придает значение, в том числе, А.А. Абубакаров, который говорит, что «криминологическое изучение пьянства и алкоголизма как социально-негативного поведения обусловлено внутренней логикой социологии преступности, предусматривающей переход от изучения социальных фактов на предельных уровнях обобщения к более конкретному исследованию криминогенных структур непосредственной жизни индивидов» [133, с. 18].

Статистика «пьяной» преступности коренных малочисленных народов Севера свидетельствует, во-первых, о превышении данного показателя над среднеокружным и среднероссийским. Во-вторых, ее стабильный характер указывает на неадекватность принимаемых в данном направлении мер профилактического характера. Употребление спиртного значительно повышает вероятность совершения как умышленных, так и неосторожных преступлений, а также риск виктимизации. Лица, страдающие алкоголизмом, в большинстве случаев не осознают негативности последствий и неспособны к выработке нормальных форм поведения. Зависимость от алкоголя на индивидуальном уровне оказывает деморализующее воздействие, ведет к формированию личности потенциально готовой к совершению преступления.

Уголовно-правовая характеристика преступлений КМНС, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, свидетельствует о преобладании тяжких и особо тяжких посягательств, сопряженных с применением физического насилия, обусловленного не мотивированной жестокостью, спонтанным характером агрессивных нападений, безразличным отношением к

последствиям своих действий. Это подтверждается как статистикой зарегистрированных преступлений данной категории, так и эмпирическими данными, полученными при изучении материалов уголовных дел. Алкоголь в данном контексте выступает и как объект преступного посягательства, и как непосредственный повод к совершению преступления. Удовлетворение конъюнктурных интересов, связанных со стремлением постоянного потребления алкоголя, обуславливает совершение большинства хищений. А.В. Ендольцева в этой связи отмечает: «влияние пьянства на мотивацию криминального поведения по отношению к различным видам преступлений выражается по-разному. Так, относительно криминального насилия оно проявляется в снижении способности к самоконтролю и повышении уровня конфликтности, а сама потребность в спиртном оказывается поводом к хищениям чужого имущества. Все это дает основание рассматривать пьянство, и особенно алкоголизм, не просто как фоновое явление, а как непосредственную субъективную причину совершения конкретных преступлений» [65, с. 28].

Наиболее тяжкими последствиями не нормированного употребления алкоголя среди коренного населения является совершение убийств на фоне распития спиртного. Типичными являются ситуации, когда у лиц в состоянии алкогольного опьянения внезапно актуализируются личные неприязненные отношения, что ведет к резкому ослаблению механизма самоконтроля и провоцирует преступление. Характерным в этом отношении является уголовное дело в отношении С. Предварительным расследованием установлено, что С. находился в избе около п.Ямбург, где распивал спиртные напитки с Ш. и Л. В ходе распития спиртного, П., который алкоголь не употреблял, сделал замечание С. по поводу распития спиртного в дневное время. С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, замечание П. воспринял агрессивно и на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произвел выстрел из ружья в грудь П., от чего последний скончался на месте [188]. При этом, из материалов уголовного дела следует, что С. и П. являлись родственниками, имели продолжительные межличностные отношения без признаков неприязни. Грань противоречия между обвиняемым и потерпевшим прошла через плоскость отношения к употреблению спиртного, иными факторами обусловлена не была.

Индивидуально-психологические детерминанты преступности КМНС, связанные со сниженным уровнем самоконтроля, отсутствием надлежащей прогностической функции общественно-опасных последствий своих действий, обусловлены и особенностями психической деятельности данных субъектов. К сожалению, в рамках исследования, в силу ограничительных положений, установленных статьей 9 Закона от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [5], не представилось возможным получить для функционального сравнения достоверные данные о количестве лиц из числа КМНС, состоящих на учете у психиатра и имевших конфликт с законом. Однако при

анализе материалов уголовных дел в отношении этой категории лиц, установлено, что каждый третий обвиняемый состоит на учете у психиатра по причине имеющихся психических отклонений, среди которых наиболее типичными являются: олигофрения в степени умеренной дебильности; нарушения социализации в связи с систематическим употреблением алкогольных напитков. Полученные эмпирические данные позволяют сделать вывод, что на индивидуально-психологическом уровне наличие разной степени выраженности расстройств психической деятельности оказывают существенное отрицательное влияние на сферу мотивации и самокритики к последствиям своих действий.

Любое явление, в том числе и преступность, имеет не только ряд причин, но и ряд условий, способствующих наступлению данного явления. В разрезе преступности коренных малочисленных народов Севера характерными являются ближайшие к совершению преступления условия. Как показывает анализ материалов правоприменительной деятельности о преступлениях, совершенных лицами рассматриваемой социальной группы, ими практически не совершаются преступления, связанные с длительным формированием умысла на совершение того или иного преступления, разработкой плана преступления, разделения ролей. Для преступности рассматриваемой категории типично быстрое, часто ситуативное, формирование умысла на совершение преступления и его незамедлительная последующая реализация в виде совершения конкретного противоправного посягательства.

В завершении анализа детерминант преступности необходимо сделать важное замечание. Детерминирующее значение для преступности коренных малочисленных народов Севера имеют существующие сложности по их социальной интеграции в преобладающее общество, которые, в свою очередь, обусловлены национальной самобытностью и этническим менталитетом. Вместе с тем, отрицательное влияние данных факторов не имеет той степени социальной остроты и выраженности, чтобы провоцировать преступления на почве национальной ненависти или вражды, которые в России отмечаются в других национальных группах. По замечанию А.Л. Гуринской: «преступления ненависти – преступления, совершаемые на почве расовой, этнической, религиозной ненависти или вражды» [58, С.159]. При этом «значительное количество лиц, совершивших преступления на почве ненависти, никогда не вступали в коммуникацию с представителями иных антропокультурных сообществ и тем более не конфликтовали с ними. Но, ассоциируя себя с членами реальной или мнимой группы населения, преступник расценивает сообщения о том, что «его группа» подвергается «унижению» или «притеснению» со стороны опознаваемых «национальностей», как угрозы коллективной идентичности [135, с. 6].

На современном этапе развития коренные малочисленные народы Севера ЯНАО осознают и ощущают свою национальную идентичность и обусловленный ею аскриптивный статус, определяющий их фактические

социальные права и обязанности. По данным Информационного центра УМВД России по ЯНАО, по причине отсутствия в автономном округе отрицательной дискриминации КМНС, в том числе, ограничения их прав и свобод по национальному признаку, преступления ненависти, которые в криминологической литературе обозначаются термином «hate crime», в отношении лиц коренных национальностей, либо с их участием не совершались. Это связано с тем, что существующие проблемы взаимодействия с преобладающим обществом лежат в плоскости экономического, социального и психологического аспектов, не проникая в сферу идеологии и национального самосознания, не затрагивая вопросов национальной идентичности и ее проекции за рамки этнических сообществ. Кроме этого, значимым в данном контексте является религиозный аспект. Традиционные природоцентричные религиозные культы ненцев, ханты и селькупов не являются категоричными в отношении представителей других конфессий, не проповедуют какого-либо превосходства этнической группы над другими социальными слоями и представителями других верований, ориентированы на органичное, безконфликтное включение себя в окружающий мир и преобладающее общество. Кроме этого повышенная степень социальной толерантности КМНС обусловлена тем, что значительная часть коренных народов обращена в православие и, по сути, исповедует те же нравственные абсолюты, что и преобладающая часть общества.

Подводя итог сказанному можно сформулировать следующие выводы:

1) под детерминантами преступности коренных малочисленных народов Севера понимается совокупность социальных явлений и процессов, имеющих, в том числе, региональную специфику, которые во взаимодействии с определенными обстоятельствами, выступающими в роли условий, порождают преступность, влияют на ее структуру в целом и обуславливают совершение конкретных преступлений на индивидуальном уровне, в частности;

2) действие причин и условий преступности коренного населения проявляется на общесоциальном, социально-психологическом и индивидуально-психологическом уровнях;

3) в структуре детерминант преступности КМНС преобладающее значение имеют детерминанты социально-психологического и индивидуально-психологического уровня, которые обусловлены особенностями этнического менталитета, национального мировоззрения и региональной спецификой форм трудовой занятости, климатическими особенностями существования и архаичными национальными традициями;

4) источником детерминант общесоциального и социально-психологического уровней выступают проблемы социализации коренного населения в преобладающее общество;

5) наличие региональной специфики детерминант социально-психологического и индивидуально-психологического уровней, при изуче-

нии преступности КМНС, актуализируют необходимость учета особенностей семейного воспитания, основанного на рудиментарных национальных нормах поведения; дисперсного расселения, сужающего сферу позитивных социальных контактов; традиционных видов хозяйственной деятельности. В связи с чем, работа по профилактике преступности КМНС невозможна без учета многофакторных обстоятельств, обусловленных национально-территориальным менталитетом.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

§ 1. Понятие, виды, уровни и субъекты профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера

Уровень преступности в современной России и, как ее составной части, динамика преступности коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе свидетельствуют о тенденции к росту объема последней. Несмотря на принимаемые меры, направленные на минимизацию факторов, влекущих усугубление социальных проблем и усиление девиантности, преступность, как социальная патология, не только не уменьшается, но в ряде случаев, растет, видоизменяясь, эволюционируя, адаптируясь к современным условиям и способам ее предупреждения. На это обращает внимание Э.Г. Юзиханова, которая в ходе анализа статистических закономерностей общественного развития приходит к заключению о том, что «доминирующей криминологической тенденцией на ближайшие годы остаются продолжающийся рост преступности в мире, повышение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей мобильной и мимикрирующей криминализации общественных отношений» [168, с. 22]. Применительно к России «статистика преступности свидетельствует, что на протяжении последних лет сохраняется сложная криминогенная ситуация, характеризующаяся интенсивной криминализацией общества» [49, с. 163].

Складывающиеся тенденции свидетельствуют о необходимости поиска путей и средств, если не искоренения преступности, что вряд ли возможно, то как минимум реализации дополнительных мер по реальному снижению ее уровня, что закономерно актуализирует вопросы профилактики.

Проблемам повышения эффективности профилактической деятельности, как одного из наиболее действенных инструментов противодействия преступности, уделяли пристальное внимание многие ученые. Поэтому, признавая ограниченные возможности карательного воздействия государства на лиц, совершающих уголовно наказуемые деяния, ученые и юристы принимали попытки определить содержание и принципы реализации такой системы профилактики, которая позволила бы максимально снизить уровень преступности, наиболее точно прогнозировать основные тенденции ее развития. Поиски оптимальных методов профилактики преступности продолжаются и в настоящее время.

Профилактика преступлений и отклоняющегося поведения, которое с неизбежностью может привести к их совершению, – сложный и комплексный процесс. Это связано с тем, что в преступности, как разнообразно-

сти антисоциальной деятельности, находят свое внешнее выражение интересы, ценности, установки, диаметрально противоположные тем, которые охраняются законом и признаны обществом положительными. Поэтому деятельность по предупреждению преступлений, прежде всего, подчинена решению задач по недопущению массового нарушения закона путем воздействия, как на процессы детерминации, так и непосредственно на причины и условия, продуцирующие противоправное поведение.

Среди криминологов нет единства в понимании термина, характеризующего деятельность по противодействию преступности. Анализируя работу по недопущению преступлений, Ю.М. Антонян отмечает: «профилактика – воздействие на причины преступности и условия, способствующие ей. Это наиболее важный вид борьбы с преступностью, поскольку он подразумевает воздействие непосредственно на криминогенные факторы, порождающие совершение преступлений» [42, с. 141-142]. Близкой позиции придерживается П.Н. Кобец, который указывает: «предупреждение преступлений – это сложный, многогранный процесс, обладающий определенными признаками целостности. Поэтому предупреждение преступности целесообразно рассматривать комплексно, выделяя его составляющие элементы. Этап комплекса мер представляет собой систему, эти меры призваны решать задачи: устранения, нейтрализации криминогенных факторов, оздоровления социальной микросреды и т.д.» [78, с. 27].

Под предупреждением преступления следует понимать деятельность государства и общества, направленную против возможного, но еще не задуманного (профилактика), готовящегося (предотвращение), а также происходящего и совершенного (пресечение) преступления [96, с. 26].

Несмотря на многозначный и дискуссионный характер определения деятельности по противодействию преступности, конструктивной является позиция С.П. Зарубина, отметившего, что «в криминологической литературе комплекс мер по предохранению от преступлений достаточно часто обозначается различными терминами: «предупреждение», «профилактика», «предотвращение». При этом одни криминологи используют их как синонимичные, другие – разводят эти понятия. Как представляется, существенной разницы между названными понятиями нет, а исследователи используют ту терминологию, которая представляется им более удобной» [143, с. 61].

Анализируя определение профилактики преступности в различных его интерпретациях, можно прийти к выводу, что профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера – это деятельность государства и общества по разработке и реализации правовых, организационных, экономических, культурных и иных мер, направленных на выявление, ослабление и нейтрализацию причин и условий противоправного поведения, а также возможностей социальной среды по их воспроизводству.

Профилактика преступности в функциональном понимании этого процесса, как определенного вида деятельности, предполагает наличие объекта, на который она направлена.

Антонян Ю.М. объектами предупредительной деятельности называет: «страна, общество; отдельные регионы; отдельные сферы общественной жизни; отдельные социальные слои населения; отдельные отрасли народного хозяйства и государственного управления; семья; трудовые и учебные коллективы; малые неформальные группы; личность» [42, с. 75].

Объект профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера имеет двойственную природу. Во-первых, в объект профилактики входит социальная среда, в которой находятся представители аборигенного населения. Во-вторых, неотъемлемым элементом объекта профилактики являются сами представители коренных национальностей. Обе составные части объекта неразрывно связаны друг с другом, взаимообусловлены, что предполагает криминологическое воздействие, как на каждую из них в отдельности, так и в их неразрывном единстве.

Характеризуя социальную среду, стоит заметить, что она не соотносится исключительно с местом проживания КМНС, а имеет более разносторонний контекст. Отмечая необходимость криминологического изучения социальной среды, С.П. Зарубин указывает: «среда есть окружение, совокупность условий, в которых протекает деятельность человеческого общества и человека, то есть те из окружающих условий, которые они способны переживать и от которых зависит существование человека» [143, с. 62].

В качестве объекта криминологического воздействия, социальную среду коренных малочисленных народов Севера характеризует ряд присущих ей особенностей: определенная территория с экстремальными природно-экологическими условиями проживания; наличие факторов временного относительно изолированного проживания как в населенных пунктах, образованных по национальному признаку, так и в условиях городской урбанизации, что связано с сезонно-кочевым образом жизни; сужение сферы позитивных социальных контактов до национальных или родственных; частичный или полный разрыв связей с традиционным образом жизни в национальных населенных пунктах при неполной либо деструктивной социализации в преобладающем обществе и растворением значения традиций и обычаев, как регуляторов поведения; этнический менталитет и архаичные варианты поведения; ряд иных признаков, подпадающих под обобщенное понятие «самобытность».

Вторая составляющая объекта профилактики – представители коренных малочисленных народов с наличием выраженной деструктивной социальной доминанты, что связано с совершением преступлений либо потенциальной склонностью к этому.

Цель профилактики преступности в криминологии сводится к: противодействию детерминации на всех уровнях; коррекции массового и ин-

дивидуального мировоззрения и поведения в сторону законопослушного образа жизни.

Актуализация цели профилактики в такой постановке характерна и для преступности коренных малочисленных народов Севера. Воздействие на социальную среду коренных народов означает реализацию мер по оздоровлению отрицательных свойств и качеств этнической микросреды, под влиянием которых могут сформироваться негативные установки, способные повлечь противоправное поведение. В части оказания позитивного влияния на представителей коренных национальностей цель профилактики будет достигаться за счет позитивной коррекции моральных и волевых качеств лиц, обнаруживающих направленность к противоправному поведению.

Поэтому, в зависимости от объекта воздействия, выделяют: «1) общекриминологическую профилактику, которая опосредовано воздействует на преступность через ту часть социальной среды, которая является носителем ее детерминант, с тем, чтобы устранить или нейтрализовать детерминанты этой преступности и возможности социальной среды по их воспроизводству; 2) специально-криминологическую профилактику, которая непосредственно воздействует на преступность, так как ее объектом является социальная среда, содержащая конкретных преступников» [143, с. 69].

Применительно к преступности коренных малочисленных народов Севера, не преследуя цели безукоризненной классификации видов профилактики, необходимо отметить, что вне зависимости от критерия, по которому меры профилактики могут быть ранжированы, перманентной специфической чертой профилактики является ее сложный, комплексный характер. Выбор конкретного вида профилактики функционально и адаптивно зависит от конкретных задач и ожидаемого результата их применения.

С учетом комплексного характера профилактики преступности КМНС нельзя не коснуться вопроса ее уровней. Важное значение разграничения уровней профилактики подчеркивает И.А. Уваров, отмечая, что «правильное определение уровней профилактической деятельности имеет большое значение для создания целостной и стройной системы профилактики применительно к иерархии причин и условий, способствующих преступлениям, для разработки конкретных и специфических форм и средств предупредительной деятельности» [115, с. 46]. Необходимость дифференциации профилактической деятельности по уровням обоснована практически, потому что предоставляет возможность прогностически оценить ее масштабы и ожидаемый результат, консолидировать предупредительные усилия различных субъектов, сбалансировать неоднородную систему мер профилактического воздействия, подчинив их единой цели – организации эффективной деятельности по профилактике противоправного поведения.

Анализируя предупредительную деятельность с позиции ее уровней, С.П. Зарубин обращает внимание: «проблема уровней профилактики преступности в отечественной криминологии впервые была поставлена

В.Н. Кудрявцевым. Выделяют три уровня профилактики преступности: первый уровень – общесоциальный; второй уровень – специально-криминологический; третий уровень – индивидуальная профилактическая деятельность» [143, с. 70].

Указанное выделение уровневой структуры профилактики до настоящего времени не утратило своей актуальности и практической значимости, в том числе и потому, что отвечает признаку системного характера профилактической деятельности. Применительно к преступности коренных народов Севера такая градация представляется более предпочтительной, так как адаптивно соответствует структуре ее детерминант и поэтому функционально приближена к ним.

Таким образом, профилактика преступности коренных народов Севера может и должна быть исследована с точки зрения трех ее уровней. Учитывая структуру настоящего исследования, в данном параграфе необходимо обозначить лишь общее направление профилактической деятельности на каждом из трех ее уровней, тогда как их теоретическое изложение с его практическим обоснованием, будет дано в заключительной главе.

Общесоциальная профилактика предусматривает решение глобальных проблем жизнедеятельности общества, выражается в социально-экономических преобразованиях, усилении воспитательной и идеологической работы, в целом ориентирована на совершенствование общественных отношений, однако, напрямую не подчинена решению задачи противодействия преступности. Разработка и реализация мер общесоциальной профилактики обеспечивает планомерное опосредованное воздействие на социальные детерминанты преступности, функционирующие в масштабах всего общества, имеющие характер социальных противоречий разной степени остроты.

Как отмечают некоторые авторы, общесоциальная профилактика выступает как комплекс экономических, политических, идеологических, культурно-воспитательных, правовых, организационно-управленческих, социально-психологических и иных мер. Такие меры, являясь необходимым элементом общей системы социального общественного развития, хотя непосредственно и не преследуют целей профилактики социальных отклонений в поведении индивидов, но упреждают появление или распространение неблагоприятных условий формирования личности, предотвращают возможность возникновения негативных социальных качеств [105, с. 190].

В отношении коренных малочисленных народов Севера меры общесоциальной профилактики направлены на: выявление и нейтрализацию факторов, способствующих дискриминации коренного населения; закрепление базовых социальных прав и обязанностей, создание условий по их реализации; принятие мер по выявлению и устранению социальных противоречий, связанных с интеграцией коренных национальностей Севера в преобладающее общество и его экономическую деятельность; сохранение

культурной и этнической специфики путем развития родного языка, национального искусства.

И последнее, на что необходимо обратить внимание при характеристике общесоциального уровня предупреждения преступности – это организация надлежащего социально-правового контроля, а также создание благоприятных условий для его реализации. В этом контексте значима позиция Я.И. Гилинского, который акцентировал внимание на том, что «во все времена общество, государство старались минимизировать («ликвидировать», «преодолеть») нежелательные для общества виды поведения и их носителей. В каждом государстве в этих целях создается система социального контроля над преступностью и иными проявлениями девиантности (пьянство, наркотизм, проституция, коррупция и т.п.). Социальный контроль представляет собой совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные формы девиантного поведения, включая преступления, с целью их элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации» [52, с. 127]. Вместе с тем, реалии настоящего дня свидетельствуют о существенном снижении социального контроля, отсутствии приемлемых условий для реализации заложенного в нем антикриминогенного потенциала, что в отношении КМНС связано с ослаблением национальных традиций.

Второй уровень профилактики – специально-криминологический – связан с осуществлением различных мероприятий в конкретных социальных группах, где складываются конфликтные ситуации, намечаются отрицательные явления. В отличие от мер общесоциального характера, специально-криминологическое предупреждение преступлений характеризуется совокупностью мер, специально направленных на устранение причин преступности или конкретных преступных проявлений, масштаб их применения, как правило, намного меньше, чем у общесоциальных мер.

Характеризуя специально-криминологический уровень профилактики, О.Г. Карпович отмечает: «меры специально-криминологической профилактики строго целенаправленны, специализированны и так или иначе локализованы во времени и пространстве применительно к определенным объектам и субъектам, срокам проведения и т.д. Эффект профилактики преступлений мерами экономического, социального, политического, культурно-воспитательного характера достигается главным образом в результате общесоциальных мер, но аналогичные по содержанию мероприятия могут осуществляться (по крайней мере, активно инициироваться) и в рамках специально-криминологической деятельности. Правовые меры могут, как отмечалось, входить в состав общесоциальной профилактики, но они в несравненно большей степени характерны для специально-криминологической» [74, с. 45].

Соглашаясь с приведенной точкой зрения, следует уточнить, что меры специально-криминологического предупреждения в отношении коренных малочисленных народов Севера преимущественно находят свое выра-

жение в: принятии в ходе производства предварительного расследования мер по выявлению, устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений; выявлении и постановке на специально-профилактические учеты лиц, склонных к пьянству, семейному насилию, иным формам девиантного поведения; проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление признаков замышляемых преступлений, принятие мер по их недопущению; контроле за поведением условно осужденных, лиц с неснятой в установленном законом порядке судимостью, а также лиц, в отношении которых судом установлен административный надзор; организации культурного и правового просвещения, нейтрализации правового нигилизма и т.д.

И, наконец, третий уровень – индивидуальная профилактика, которая связана с персонификацией мер предупредительного воздействия в отношении лиц, от которых, судя по их поведению, можно ожидать совершения преступления. Она предусматривает оказание позитивного воздействия на них и окружающую их среду с целью коррекции поведения, ликвидации либо нейтрализации криминогенных факторов, провоцирующих совершение преступлений и их повторность.

Здесь уже необходимо иметь в виду целенаправленную работу с конкретными представителями коренных национальностей, которая ориентирована на: устранение отрицательного воздействия на конкретного человека, выражающееся в нейтрализации факторов, которые могут привести к формированию антисоциальной направленности и утрате антикриминального иммунитета; изменение социально неприемлемого поведения, обращенного на стезю совершения преступлений, устранение дефектов в системе морально-нравственных ориентиров. В идеальной интерпретации, реализация мер индивидуального предупреждения преступлений призвана не только устранить либо исправить отрицательные черты внутреннего мира личности, сложившиеся у нее антиобщественные установки, но и постепенно сформировать такие качества, которые смогут обеспечить мотивированность к законопослушному поведению без внешнего управляющего влияния.

Рассматривая организацию профилактики преступности коренных народов Севера, нельзя не остановиться на субъектах этой деятельности. Прежде чем приступить к анализу структуры субъектов профилактики преступности в целом, и предупреждения преступлений КМНС, в частности, необходимо уяснить само понятие субъекта профилактики.

Петренко А.В. указывает, что «субъектами профилактики преступлений являются государственные органы, общественные организации, трудовые коллективы и отдельные граждане. Они осуществляют ее в соответствии с компетенцией в пределах возложенных на них обязанностей и предоставленных им прав. Все эти субъекты образуют сложную систему. Речь идет об их совокупности, определенным образом взаимосвязанной и дифференцированной по природе, функциям, уровню и сфере деятельно-

сти, в зависимости от оснований классификации вся данная система подразделяется на ряд групп [98, с. 24].

Данный подход обоснован, но имеет слишком широкий характер, что не позволяет вычлнить характерные признаки, которые структурно дифференцируют многообразие всех субъектов профилактики. Более уточненной в данном контексте будет трактовка субъекта профилактики, данная О.Ю. Исаевым и В.Д. Ларичевым, которые отметили: «при определении субъекта предупреждения преступлений следует исходить из общего понятия субъекта какой-либо деятельности. Субъект – это носитель функциональных прав и обязанностей, реализующий определенный круг задач по достижению конечной цели и обладающий определенной компетенцией по участию в такой деятельности. На него распространяются нормы, регламентирующие данную деятельность, режим законности в его конкретной интерпретации. Отнесение лица или организации к числу таких субъектов означает по общему правилу постоянное или длящееся (систематическое) участие в ней» [73, с. 199].

Разграничение задач и функций субъектов профилактики определяется местом и ролью конкретного субъекта в государстве и обществе, связано с объектами профилактического воздействия. Также необходимо иметь в виду, что субъекты профилактики – это не просто совокупность органов и учреждений, а определенная система участников, которые непосредственно либо опосредованно взаимодействуют друг с другом, на основе взаимодополняющего функционирования.

Не преследуя цели анализа всех возможных оснований классификации субъектов профилактики, необходимо отметить, что одни авторы ранжируют субъектов по функциям на специализированные и неспециализированные, по природе 1) государственные органы, предприятия, учреждения, организации; 2) общественные организации; 3) трудовые коллективы; 4) отдельные граждане [98, с. 25]; другие выделяют общество (и его институты) и государство (и его органы) [42, с. 47].

Не оспаривая обоснованности тех или иных критериев классификации субъектов профилактики, применительно к преступности коренных малочисленных народов Севера, дифференциацию субъектов необходимо осуществить в зависимости от приоритета предупредительной деятельности: специализированные и неспециализированные, а также по степени обязательности правомочий: государственные и негосударственные. Справедливости ради нужно сказать, что размежевание субъектов профилактики по предложенным критериям не является инновационным и ранее находило отражение в юридической литературе [82, с. 90-104].

Роль, значение, возможности и результаты работы субъектов предупредительной деятельности, применительно к преступности коренных малочисленных народов Севера, будут предметно рассмотрены в ниже, поэтому в данном контексте необходимо лишь в общем определить структуру субъектов профилактики.

К специализированным субъектам профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера, в соответствии с п.2 ч.1 ст.2 Федерального закона от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [17], относятся органы внутренних дел. Профилактика преступности осуществляется всеми подразделениями территориальных отделов полиции и связана с осуществлением охраны общественного порядка (пп. 4.2 п. 4 приказа МВД РФ от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [29]), проведением оперативно-розыскной деятельности (ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [6]), производством предварительного расследования по уголовным делам (ст. 73, ч. 2 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса РФ [13]), а также органично вплетена в ряд других функциональных обязанностей сотрудников полиции и отдельно регламентирована ведомственными организационно-распорядительными документами.

Особое место среди специализированных субъектов профилактики преступности, в том числе и коренных малочисленных народов крайнего Севера, занимают органы прокуратуры РФ. Это связано с характерными функциями органов прокуратуры. Во-первых, обусловлено спецификой осуществляемых полномочий органов прокуратуры. В соответствии с ч. 2 ст.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4], прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации и т.д. Во-вторых, в соответствии с п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [22], на органы прокуратуры возложена функция координатора деятельности МВД РФ, СК РФ и других правоохранительных органов, в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению.

Координация деятельности правоохранительных органов по профилактике преступности имеет важное практическое значение. Осуществляясь на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, координация позволяет не только своевременно выявить негативные тенденции, но и оперативно мерами прокурорского реагирования добиться устранения допущенных при организации профилактики нарушений закона. В этой связи, О.Н. Каширина отмечает, что координационная значимость деятельности прокуратуры продиктована «потребностью устранения дисбаланса правокоординационных полномочий между органами государственной власти, органами местного самоуправления, правоохранительными структурами и прокуратурой России» [75, с. 9].

Кроме этого, к числу специализированных субъектов профилактики преступности, в соответствии с выполняемыми функциями, целесообразно отнести: суды, подразделения уголовно-исполнительных инспекций, службы судебных приставов, государственной инспекции безопасности дорожного движения, федеральной службы безопасности, а также специализированные комиссии в органах администрациях регионального и муниципального уровня (по делам несовершеннолетних, антинаркотическую и ряд других).

Вне зависимости от профильного направления деятельности для всех специализированных субъектов профилактики характерным для них является именно выделенность приоритета профилактической деятельности среди основных функций, а также использование представителями таких субъектов властных полномочий, в том числе по привлечению к различным видам ответственности.

В свою очередь, к числу частично специализированных субъектов профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера могут быть отнесены: контрольные государственные органы (например, Ростехнадзора, службы по охране и контролю биологических ресурсов), а также подразделения Национальной гвардии и охранные структуры предприятий топливно-энергетического комплекса, осуществляющих добычу углеводородного сырья на территории автономного округа.

Особенностью данного вида субъектов является осуществление профилактической деятельности, которая не выделена в качестве преобладающего направления. При этом воздействие на причины и условия совершения преступлений достигается при осуществлении других функций и является дополнительным.

К числу неспециализированных субъектов профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера необходимо отнести учреждения здравоохранения, культуры, спорта, социального обслуживания населения, средств массовой информации. По причине наличия у КМНС специфики этнического менталитета резервы предупредительной деятельности могут быть подчерпнуты в деятельности департамента по делам коренных малочисленных народов Севера администрации ЯНАО, общественных организаций, образованных по национальному признаку, а также трудовых коллективов (артелей, факторий), созданных для группового осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности. Неспециализированные субъекты профилактики преступности КМНС законодательно не наделены полномочиями по осуществлению предупредительного воздействия. Вместе с тем, их деятельность в этом направлении может быть организована путем направления полученной в ходе осуществления основных функций криминогенной значимой информации специализированным субъектам профилактики, для решения в пределах компетенции вопросов предупреждения и пресечения противоправной деятельности.

Обобщая рассмотренные в данном параграфе мнения о понятии, видах, уровнях и субъектах профилактики, можно наметить основные выводы применительно к профилактике преступности коренных малочисленных народов Севера ЯНАО:

1) профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера – это деятельность государства и общества по разработке и реализации правовых, организационных, экономических, культурных и иных мер, направленных на выявление, ослабление и нейтрализацию причин и условий противоправного поведения, а также возможностей социальной среды по их воспроизводству;

2) объектами профилактики выступают специфическая национальная социальная среда и представители народов Севера, имеющие устойчивую тенденцию к отклоняющемуся поведению;

3) достижение цели предупреждения преступлений коренных малочисленных народов Севера возможно в результате осуществления комплекса мероприятий на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях;

4) структура субъектов профилактики преступности КМНС состоит из специализированных, частично специализированных и неспециализированных субъектов, которые в пределах своей компетенции осуществляют комплексное воздействие на причины и условия этой преступности.

§ 2. Социально-правовые основы профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера

Проблематика роли и положения коренных малочисленных народов Севера в обществе неоднократно являлась почвой для многочисленных научных работ и имеет давние корни. Как отмечает Ю. Слезкин: «тысячелетняя экспансия аграрного общества привела к включению в его состав многочисленных групп охотников и скотоводов. Больше не «иноземцы», но по-прежнему чужаки, – пока они оставались «неоседлыми» – эти народы были проблемой для чиновников, которые стремились определить сущность «русскости» и «чуждости» для русских и чужаков. Из всех нерусских подданных Российского государства и нерусских объектов русского попечительства и любопытства народы Севера оказались наименее поддающимися реформированию и осмыслению» [109, с. 15]. Говоря о более позднем периоде формирования идей о новой для нашего государства северной категории населения в ее юридическом и социальном смысле А.Ю. Конев указывает: «одной из особенностей Российской империи было то, что ее полиэтничность не имела четко выраженного территориально-административного воплощения, а учет соответствующих особенностей состава населения находил выражение прежде всего в формировании и существовании особых социальных категорий, причудливо сочетавших в себе этнический, вероисповедный и сословный признаки» [81, с. 117]. Не-

смотря на принимаемые на современном этапе исторического развития меры, проблемы коренных малочисленных народов не решены и в настоящее время. Об этом свидетельствует повестка прошедшего 23-25 марта 2017 года в г. Салехард форума коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, на котором представителями аборигенного населения обсуждались актуальные вопросы социально-экономического развития коренных малочисленных народов на среднесрочную перспективу [197]. По причине нерешенности проблем коренных малочисленных народов Севера в настоящее время они по-прежнему находятся в дискурсе общественных и научных интересов, не теряя своей актуальности.

Предметно конституционно-правовой статус КМНС прорабатывался в работах В.А. Кряжкова, С.Н. Харючи и В.П. Гоголева. В свою очередь А.М. Налетов актуализировал проблему культурного взаимодействия коренных народов Тюменского севера с пришлым населением. Организация и сохранение экономического базиса в виде традиционного природопользования рассматривалась в монографическом труде А.А. Транина. Помимо указанных авторов феномен коренных малочисленных народов с различных научных ракурсов также рассматривался другими исследователями.

Вместе с тем, вне зависимости от направленности исследований, актуализации одних атрибутивных им признаков в ущерб другим, все авторы пришли к некоторому общему рубежу. Общий итог исследований, объективно отражающий современное состояние коренных малочисленных народов Севера, выразил Ю.В. Попков, указавший: «развитие коренных народов в разных регионах планеты превратилось в глобальную проблему. Фундаментальность ее состоит в том, что давление доминирующей культуры индустриального и постиндустриального общества оставляет все меньше возможностей для сохранения их традиционного образа жизни, материальных основ этнической культуры и самих народов как своеобразных этнических общностей» [100]. Понимание проблемы коренных народов Севера именно в такой поставке вопроса определяет векторы и содержание государственной политики в отношении малочисленных этнических общностей как в области общемировой правоприменительной практики, так и в национальном законодательстве Российской Федерации.

Правовые основания современного положения коренных малочисленных народов Севера, объем и пределы их прав и обязанностей, специфический комплекс мер социальной поддержки находят свое выражение в международно-правовых документах, федеральных законах, региональном законодательстве субъектов, на территориях которых проживает аборигенное население. Как указывает В.П. Гоголев: «общее направление в развитии коренных народов закономерно определяется международным правом. Формально оно предопределено частью 4 статьи 15, частью 1 статьи 17, статьей 69 Конституции Российской Федерации. Причем следует учитывать, что правовая система России – это не только законодательство в

его широком понимании, но и правовая идеология и правоприменительная практика» [141, с. 173].

Нужно отметить, что несмотря на значительный объем нормативной базы и междисциплинарных прикладных исследований, вопросы преступности коренных малочисленных народов Севера и ее профилактики до настоящего времени практически не нашли своего отражения ни в законодательстве, ни в научных трудах. Анализ действующего законодательства свидетельствует, что основным объектом его регулирования являются отношения по реализации обеспечительных мер, направленных на сохранение коренных малочисленных народов Севера, их культуры и самобытности. Это предполагает создание соответствующих условий по гармоничному экономическому, культурному, цивилизационному развитию этих народов. Подобная нацеленность правовых предписаний различных уровней позволяет сделать вывод, что законодательство о коренных малочисленных народах Севера содержит значимые предпосылки общесоциальной профилактики преступности.

Сфера международно-правовых нормативных актов закладывает фундаментальные основы правового регулирования, направленные на защиту прав коренных малочисленных народов, обеспечение механизма государственных гарантий их беспрепятственной реализации. Международно-правовое законодательства определяет приоритетные объекты, составляющие конкретное содержание этой сферы общественных отношений как материального, так и нематериального характера.

Анализируя нормативную базу о коренных малочисленных народах Севера и говоря о ее значении в жизни этнических меньшинств, Л.В. Андриченко указывает: «законодательство в области регулирования и защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов представляет собой совокупность правовых актов и норм, действующих в сфере обеспечения и защиты прав лиц, относящих себя к различным этническим общностям, признаваемым в качестве национального меньшинства и коренного малочисленного народа. Оно относится к сфере комплексного регулирования прав и свобод человека и гражданина и является ее составной частью» [40, с. 2].

Международно-правовая база в отношении коренных народов достаточно обширна. Наиболее важными актами, оказывающими существенное влияние на формирование и реализацию национальной политики, персонально направленными на коренные народности и постулирующие основные принципы ответственности и заботы государств в отношении этнических меньшинств, являются Конвенция МОТ от 27 июня 1989 года № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» и Декларация о правах коренных народов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 года. Заложенные в указанных документах принципы и идеологические установки находят отражение в национальном законодательстве. Например, в соответствии со стать-

ей 2 Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах»: «Правительства несут ответственность за проведение, с участием соответствующих народов, согласованной и систематической деятельности по защите прав этих народов и установлению гарантий уважения их целостности» [1].

На устранение сложностей интеграционного процесса направлена Декларация о правах коренных народов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН от 13 сентября 2007 года, в соответствии со статьей 8: «коренные народы и принадлежащие к ним лица имеют право не подвергаться принудительной ассимиляции или воздействию в целях уничтожения их культуры» [2].

Таким образом, международное законодательство о коренных малочисленных народах является тем фундаментом, на котором формируются значимые юридические стандарты и основополагающие принципы правового регулирования, которые, во-первых, направлены на защиту от дискриминации, гарантии сохранения и социального развития аборигенных народов, во-вторых, выступают ориентиром для развития этой сферы в национальных законодательствах многих стран.

В Российской Федерации законодательство о коренных малочисленных народах имеет свою, в том числе, советскую историю. К числу значимых нормативных документов советского периода можно отнести Постановление Совета Министров РСФСР от 01.06.1957 № 501 «О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народностей Севера» [23].

Политика СССР в отношении коренных народов Севера имела характер жесткого патернализма. Несмотря на рост уровня жизни, принимаемые меры экономической поддержки способствовали возникновению у коренных северян чувства иждивенчества, обусловленного чрезмерной государственной опекой. Кроме этого, позитивные социальные изменения повлекли их аккультурацию, что также было связано с практикой отрыва молодежи от этнически самобытного образа жизни.

Новый взгляд на аспекты государственной политики в отношении коренных народов связан с включением в текст Конституции РФ статьи 69, гарантирующей права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и международными договорами Российской Федерации. Изменение вектора государственной политики стало катализатором законотворческой деятельности на федеральном и региональном уровнях. В экономической сфере стали приниматься меры по развитию традиционной хозяйственной деятельности с созданием особых режимов природопользования, бюджетным стимулированием народных промыслов и т.д. В социально-культурной сфере актуализированы меры по сохранению духовных основ коренных народов, поддержки развития родного языка. В частности, такие меры нашли свое отражение в Федеральном законе от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочислен-

ных народов Российской Федерации» [9], Федеральном законе от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [12] и ряде других.

Развитие национального законодательства о коренных малочисленных народах Севера, по мнению С.Н. Харючи, обусловлено с тем, что «большинство коренных малочисленных народов традиционно проживают в труднодоступных местностях с суровым климатом и ограниченными для возможностей личного потребления природными ресурсами. Особенности традиционного образа жизни представителей коренных малочисленных народов таковы, что они не позволяют им в полном объеме, без предоставления специальных гарантий, пользоваться всеми конституционными правами российских граждан» [123, с. 14].

Данная политика «позитивной дискриминации» преследовала цель создания благоприятных условий, способствующих выравниванию положения коренных народов с другими этническими группами, что характерно для социально ориентированного государства. В.А. Кряжков отмечает, что «протекционизм относительно коренных народов – как правило, типичная политика современных государств. В Конституции Норвегии, например, записано: Обязанностью органов государства является создание условий, позволяющих группе населения саами сохранять и развивать свой язык, культуру и образ жизни» [83, с. 18].

Правильной в этом отношении является позиция М.А. Филатовой, которая, рассматривая конституционно-правовую природу «позитивной дискриминации» в отношении коренных малочисленных народов Севера, указывает: «логика позитивной дискриминации предполагает принятие мер, направленных на форсированное обеспечение преимуществ (льгот, квот и т.д.) для членов той или иной более слабой (уязвимой) группы, обеспечение равенства возможностей и уменьшение трудностей, с которыми сталкиваются представители этих групп при участии в общественной жизни» [119, с. 21]. Именно такое внутреннее содержание политика «позитивной дискриминации» в отношении коренных народов Севера приобрела на рубеже тысячелетий и нашла свое отражение в действующей нормативной базе.

Законодательство Российской Федерации этого периода было ориентировано на воплощение в национальном законодательстве постулируемых международно-правовыми нормами принципов создания оптимальных условий для устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, сохранения ими этнической самобытности в стремительно меняющемся обществе. Давая оценку устойчивому развитию народов Севера, Ю.В. Попков указывает: «проблема устойчивого развития по-разному интерпретируется и имеет разные измерения. Наиболее распространено рассмотрение в качестве устойчивого такого развития, в процессе которого эксплуатация природных ресурсов не несет ущерба для будущих поколе-

ний. Указанная позиция нашла свое отражение в Федеральных законах Российской Федерации, гарантирующих коренным народам право на осуществление традиционных видов хозяйственной деятельности» [9]. Например, частью 2 статьи 25 Федерального закона от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» установлено, что «рыболовство в целях обеспечения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера осуществляется без разрешения на добычу водных биоресурсов, за исключением добычи редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биоресурсов» [14].

На льготный режим природопользования в целях осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности указывает О.Л. Дубовик: «согласно Положению о государственном биологическом заказнике регионального значения «Ямальский», утвержденному Постановлением Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа от 07.08.2008 № 412-А, гражданам из числа коренных малочисленных народов Севера, чье существование и доходы основаны на традиционном образе жизни (оленьеводстве, рыболовстве, охоте), на территории заказника разрешается ограниченное природопользование по согласованию со специально уполномоченным органом автономного округа» [80, с. 118].

Приведенные примеры свидетельствуют, что государством в отношении коренного населения принимаются определенные меры, направленные на создание условий привилегированного природопользования, осуществляемого в целях традиционного промыслового жизнеобеспечения.

На текущий момент наиболее остро стоит вопрос о земельных правах коренных народов, которые находятся в состоянии конфликта с промышленным освоением Севера, нормативное регулирование в данной сфере является недостаточным, что отмечается многими авторами, и характерно не только для России. В этой связи А.А. Транин заметил: «вопросы, касающиеся земельных прав коренных малочисленных народов, имеют приоритетное значение для многих северных коренных народов, например, для народа саами, проживающего на территории Финляндии, Швеции, Норвегии и России. Традиционно саами добывали средства к существованию, занимаясь оленеводством, рыболовством, охотой и собирательством. Однако национальное законодательство указанных стран не признает за саами права на землю. Действующее законодательство не признает и не предоставляет саами каких-либо особых земельных прав на их собственную исконную территорию» [114, с. 13].

В ряде субъектов принимаются определенные меры, направленные на решение ситуации, связанной с увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду, существенно сокращающей потенциальные промысловые территории, что позволяет представителям коренного населения реализовывать специфические права в сфере землепользования. «Действенным инструментом управления отношениями недропользования на территории Ямало-Ненецкого автономного округа является постоянный кон-

троль за выполнением лицензионных соглашений. Администрация округа настояла на том, чтобы в каждое лицензионное соглашение был включен пункт об обязательном заключении отдельного договора о социально-экономическом сотрудничестве между недропользователем и муниципальным образованием, на территории которого ведутся разработки»[114, с. 45].

Характеризуя федеральное законодательства о коренных малочисленных народах можно сделать вывод, что оно является социально ориентированным, закрепляет и продолжает реализацию стандартов и принципов сохранения этнической самобытности и гарантий устойчивого развития КМНС. Данная политика «позитивной дискриминации» находит свое выражение в создании условий по осуществлению традиционных видов хозяйственной деятельности, как основы жизнедеятельности, применение в отношении коренного населения всего спектра социальных гарантий, обеспечении возможностей по удовлетворению основных прав и свобод.

«Согласно Конституции к ведению Российской Федерации относится «регулирование и защита прав национальных меньшинств» (п. «в» ст. 71). К совместному ведению Российской Федерации и субъектов Федерации отнесены «защита прав национальных меньшинств» и «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (п. п. «б» и «м» ч. 1 ст. 72). Таким образом, обеспечение прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации осуществляется сразу на двух уровнях – на федеральном и на уровне субъектов Федерации» [40, с. 4].

Наиболее конкретизированным по характеру правовых предписаний и их содержанию являются нормы регионального законодательства. Как указывает С.Н. Харючи: «региональные акты на основе федеральных регулируют общественные отношения, возникающие в связи с территориальными особенностями, иными местными факторами и особенностями условий расселения коренных малочисленных народов, их жизнеобеспечения» [162, с. 25].

Региональное правовое поле в отношении КМНС формировалось под воздействием Постановления Правительства Российской Федерации от 07.03.2000 № 198 «О концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера», которым, в целях повышения эффективности государственной поддержки социально-экономического развития районов Севера, была утверждена указанная концепция. Принятие концепции во многом определило направленность развития регионального законодательства в этой сфере. Так, в пункте 3 Концепции отмечено: «значительно сократились биологические ресурсы, необходимые для жизнеобеспечения и традиционных видов деятельности этих народов. Резко возросла безработица. Кризисный характер приобретает ситуация в сфере образования, здравоохранения и культуры. В этих условиях главная цель – создание условий для саморазвития и самообеспе-

чения коренных малочисленных народов Севера в местах компактного проживания. Достижение этой цели предполагает решение взаимосвязанных задач: стимулирование занятости и самозанятости коренных малочисленных народов Севера за счет создания предприятий по переработке продукции оленеводства и традиционных промыслов, продвижения продукции этих отраслей на рынки; оказание прямой адресной помощи малообеспеченным представителям коренных малочисленных народов Севера и т.д.» [24].

В целях практического достижения целей указанного выше Постановления Правительства РФ в автономном округе принят ряд нормативно-правовых актов. Уставом автономного округа предусмотрены как организационно-правовые, так и социально-экономические меры, направленные на обеспечение устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера [31]. На основе уставных норм сформирована законодательная база, позволяющая гарантировать соблюдение прав коренных малочисленных народов Севера, включающая: 7 профильных законов, непосредственно регулирующих правоотношения в сфере защиты исконной среды обитания, в том числе базовый – «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в ЯНАО» [33]; 15 законов, предусматривающих соблюдение гарантий прав и законных интересов народов Севера, в том числе «О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих традиционные виды хозяйственной деятельности на территории ЯНАО» [32]; а также более 300 нормативных правовых актов, учитывающих интересы коренных малочисленных народов в различных сферах деятельности, в том числе «Об образовании в ЯНАО» [37], «О здравоохранении в ЯНАО» [34].

Анализ нормативной базы показывает, что региональное законодательство автономного округа в отношении коренных народов, как и федеральное, представлено достаточно широко. В нем находят свою окончательную правовую и техническую регламентацию многие аспекты общественных отношений и публично-правовых интересов коренного населения. Вместе с тем, несмотря на все многообразие правовых предписаний, возникает вопрос их реального исполнения. По данным департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО эффективность выполнения постановленных задач характеризует выполнение следующих показателей: доля коренных малочисленных народов Севера автономного округа, ведущих кочевой образ жизни; доля коренных малочисленных народов Севера автономного округа, занятых в традиционных видах хозяйственной деятельности от числа трудоустроенного населения из числа КМНС. Безусловно, существует еще ряд критериев, по которым оценивается реализация социальных программ, но два указанных являются наиболее значимыми, так как отражают результаты работы органов местной власти по практической реализации неотъемлемого права коренных народов

на сохранение этнической самобытности в условиях традиционной трудовой занятости.

По данным указанного департамента за 2016 год в автономном округе «проживало 41 674 представителя коренного населения, 16 349 или 39 % из которых вели кочевой образ жизни в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности. На постоянной основе трудовую деятельность в автономном округе осуществляло 19 629 лиц из числа КМНС из них 10 881 или 55 % были заняты в традиционных видах хозяйственной деятельности» [198].

Приведенные показатели свидетельствуют о положительной динамике. Однако такой ракурс оценки не может быть объективным, так как основным критерием выступает преимущественно экономическая составляющая, что вряд ли применимо для воссоздания полной социальной картины конкретного этнического социума. Результативность принимаемых мер необходимо рассматривать в комплексе, в зависимости от содержания принимаемых на региональном уровне усилий, учитывая уровень дохода работающих, уровень образования, уровень рождаемости и смертности, динамики преступности и т.д.

Таким образом, завершая данный параграф на основе изучения законодательства можно сделать ряд выводов:

- структурно законодательство о коренных малочисленных народов Севера состоит из трех элементов: международное, федеральное и региональное;

- сравнительный анализ показывает, что национальные основы профилактики преступности коренного населения носят общесоциальный и выражено экономический характер, что в целом соответствует международно-правовым тенденциям в данной сфере;

- международное, федеральное и региональное законодательство не содержит адресованных коренным малочисленным народам Севера норм, регламентирующих профилактику преступности КМНС;

- вместе с тем каждый из указанных уровней законодательства содержит значимый общепрофилактический потенциал норм, при позитивном действии которых происходит формирование законопослушной личности с социально одобряемой направленностью поведения;

- существующее в настоящий момент нормативное регулирование призвано обеспечить устойчивое развитие КМНС, что связано с оказанием позитивного воздействия на традиционную занятость, поддержку и субсидирование промыслов, повышение конкурентоспособности продуктов традиционной хозяйственной деятельности;

- существующий акцент на сохранение и развитие родного языка, национальной культуры и фольклора способствуют упрочению связи поколений КМНС, передаче от старших к младшим позитивного этнически обусловленного социального опыта.

§ 3. Перспективы и возможности использования преемственности социального опыта при организации профилактики на региональном уровне.

Процессы глобализации, затрагивающие, в той или иной степени, все сферы жизнедеятельности, не могут обойти вниманием такой существенный вопрос, как сохранение и использование национальных традиций, рассматриваемый через призму криминологии и постижение диалектики преступности. При изучении преступности отдельных национальных групп оценка нормативно-регулятивного компонента конвенциональных проявлений в противоправном поведении может быть различной. Одни авторы признают роль традиций в детерминации преступного поведения, другие отрицают этнически обусловленные элементы мотивации, но опасность их нивелирования в контексте преобладающего давления унифицированных ценностно-нормативных установок отмечается всеми. Негативным последствием отхода от национальных традиций является деморализация значительной части населения вследствие утверждения гедонистических ценностей, насаждения новых вестернизированных ориентировок, представляющих собой примитивизированный вариант потребительской идеологии, восприятие которых влечет за собой рост социальных девиаций. В свою очередь этническая конкордация – естественный для парциальных национальных групп процесс, связанный с формированием их представителями понимания своей идентичности в системе межкультурного взаимодействия. По этим причинам влияние традиций на поведенческие установки представителей национальных групп является неизбежным.

В пользу изучения степени влияния традиций и обычаев на состояние индивидуального и общественного сознания свидетельствует то, что «функционирование традиций и обычаев в обществе является общесоциологическим законом, их криминологическое исследование позволяет открыть особенности его действия в криминологической сфере, т. е. в сфере познания детерминант преступности, а также теории и практики ее предупреждения» [150, с. 3]. Именно поэтому идеи использования традиций в правоприменительной деятельности, в том числе при организации профилактики, не являются новацией, попытки обращения к подобной этноспецифике имели место в прошлом, получая в ряде случаев законодательное закрепление.

Еще в положениях «Устава об управлении инородцев», законодатель предписывал: «все кочующие и бродячие инородцы, управляются по их собственным степным обычаям. Но поелику законы сии и обычаи в каждом племени имеют некоторое и часто важное от других отличие, то по сим причинам предоставляется местному Начальству от почетнейших людей собрать полные и подробные о сих законах сведения, рассмотреть оныя по Губерниям в особых Временных Комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями.... В производстве следствий исполнять установленные обряды и порядок.... В реше-

нии дел Уездные Суды основываются на степных законах и обычаях» [117].

В несколько ином контексте традиции народов России обращали на себя внимание в главе XI Уголовного Кодекса РСФСР, введенного в действие 1 января 1961 года. Характерным для того периода была следующая позиция «являются ли общественно опасные деяния, перечисленные в главе XI Уголовного кодекса РСФСР, пережитками местных обычаев в той или иной республике и/или другой местности, определяет суд в процессе применения уголовного закона» [116, с. 631]. В действующем уголовно-правовом законодательстве отсылок к национальным традициям и обычаям, как юридическим значимым фактам, нет.

Характерны в этом контексте результаты современной правоприменительной практики, которой национально обусловленные особенности учитываются при принятии решений по уголовным делам, приобретая собственное юридическое значение.

Так, апелляционным приговором суда Ямало-Ненецкого автономного округа С. оправдана по ч. 1 ст. 109 УК РФ, преступление совершено при следующих обстоятельствах. С., находясь на территории Находкинской тундры, на нартах, запряженных в оленю упряжку, пересекала реку. При переправе произошло опрокидывание нарты, из-за чего из нарты выпала сама С. и ее малолетняя дочь, находившаяся в укрепленной на нартах люльке. В результате неосторожных действий С. смерть ее дочери наступила от утопления в воде.

Оправдывая С., суд указал, что в связи с ведением традиционного кочевого образа жизни, при калании оленей (калание — кочевье оленьего стада с погонщиками (оленьеводами). — Прим. авт.) С. вместе с семьей неоднократно переправлялась на другое место стоянки, в том числе через встречавшиеся на пути реки. При этом пересечение небольшой реки происходит таким образом, что плывущие олени тянут за собой находящиеся на плаву нарты с вещами и людьми. Данный способ переправы через реки является традиционным, характерным для жителей тундры. Суд признал, что многолетнее ведение традиционного образа жизни, связанного с регулярными перекочевками и переправами через водные препятствия на нартах, наличие необходимых навыков управления упряжкой, давало С. достаточные основания использования их в качестве общепринятого среди жителей тундры средства преодоления рек, и она могла быть при этом уверенной в безопасности указанного способа преодоления водной преграды [191].

Наличие таких судебных решений с очевидностью свидетельствует, что традиции и обычаи коренных малочисленных народов Севера из умозрительной сферы научных исследований имплементировались в правоприменительную практику, что дополнительно актуализирует криминологическое изучение вопросов национальных традиций в контексте их использования в предупреждении преступности.

Несмотря на постоянное обращение к проблематике традиции, их единообразного понятия не существует. Эта категория широко используется этнологами, социологами, историками, в различных трудах понятие и значение традиций приобретает полярное значение, что связано со спецификой подхода, продиктованного целями исследования. Любое общее определение традиций неизбежно односторонне, то есть абстрагировано от ряда существенных признаков, что подразумевает необходимость дифференцированного формирования понятия и его содержания применительно к той или иной сфере социальной деятельности.

Давая общую онтологическую характеристику положительным этническим традициям и культуре аборигенных народов Тюменского севера, А.М. Налетов пишет: «природосообразность быта и культуры коренных малочисленных народов Севера была обусловлена тем, что иное отношение к природе угрожало их выживанию. Для них мысли о зависимости человека от природы была не умозрительной, а практической. Переселенческая культура несет в себе именно европейскую модель соотношения культуры и цивилизации, в то время как местная культура включала в себя цивилизационное начало и подчиняла его традиции, реализация которой обеспечивала выживание коренного народа в суровых Северных условиях» [155, с. 17].

Для традиций и мировоззрения коренных малочисленных народов Ямала характерен общий позитивный фон преемственности этнического социального опыта, на чем неоднократно акцентировали внимание авторы, изучавшие феномен идигенных народностей с позиций права, социологии, философии и других областей. Отмечается, что «общим для всех коренных народов, проживающих в экстремальных природных условиях Крайнего Севера, является убеждение в необходимости оказывать поддержку всем испытывающим трудности и нуждающимся в помощи вне зависимости от того, кто они. На этом принципе основаны многие из общепризнанных коренными народами традиций, обязывающих оказывать помощь тем, кто бедствует. У оленеводов, живущих в тундре, сложился обычай, обязывающий их передавать часть своих оленей (ведь олени нередко были единственным источником пропитания коренных жителей тундры) тем, кто их потерял в результате несчастного случая или стихийного бедствия. У охотников-промысловиков существует обычай, покидая место ночевки, оставлять около очага землянки вязанку дров, санки, кусок замороженного мяса. Для коренных малочисленных народов соблюдение таких норм является не только требованием морали, но и важной составляющей их вероисповедания, суть которого в вере в природу и человека в природе» [125, с. 6-7].

При изучении современного состояния коренных малочисленных народов Севера, С.Н. Харючи рассматривал традиции в комплексе социальных норм, указывая, что «социальные нормы являются результатом социального поведения, включающим не только осмысленные и признанные

правила поведения, но и практику их реализации. Нормы традиции – правила поведения, опирающиеся на силу общественного мнения, требующие длительного закрепления и отражающие стремление людей к сохранению своих идей и ценностей [125, с. 40-41]. Однако понятие социальной нормы, в которой традиции лишь одна из многих составляющих, имеет чрезмерно обобщенный характер, что затрудняет его кристаллизацию в качестве отдельного элемента мотивации поведения, требуя сужения для целей профилактики преступности.

Давая криминологическую оценку традициям, как национально-субъективному осознанию объективной нормативности, Курбанова Д.А. указывает: «традиции – передаваемые из поколения в поколение образцы поведения, служащие основой духовного формирования личности и обеспечивающие твердые критерии человеческих ценностей и требований» [148, с. 9]. С такой трактовкой следует согласиться, потому как она отражает регулятивный характер и социальную преемственность позитивного общественного опыта, которые позволяют использовать традиции в сфере противодействия преступности.

Не ставя цели анализа существующих дефиниций («сумма сухих обрядов и ветхих догм» или «атомарная форма конформизма») необходимо отметить, что все исследователи единодушны в вопросе практического значения традиций, как регулятора общественных отношений, действие которого направлено на поддержание определенного порядка во взаимоотношениях между людьми. Несмотря на то, что регулятивная функция присуща не только традициям, но и иным социальным нормам, они – наиболее устойчивые формы социальной регуляции. Опосредованно это продиктовано тем, что осуществляемая традициями корректировка индивидуального поведения, «может быть настолько мягкой, что индивид ее не замечает и не воспринимает как внешнее воздействие, поскольку оно совпадает с его личным образом действий» [107, с. 96]. А по причине наименее, в отличие от норм права, выраженного репрессивного характера вызывает наименьшее отторжение в индивидуальном сознании.

На современном этапе вопрос исторической изменчивости преступности и адаптивного использования традиций для профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера связан с определенными сложностями. Во-первых, как уже отмечалось ранее, эти народы в своем развитии не достигли уровня государственности и классового общества, что обусловило отсутствие в социальном регулировании автохтонных сообществ письменно зафиксированных норм права и сложившейся практики соблюдения их императивных требований. По этой причине «историческое судоустройство и судопроизводство у народов Севера оставались примитивными. Отсутствие у коренных малочисленных народов Севера именно правовых традиций, как «единства исторически сформированного, критически осмысленного коллективного опыта правовой деятельности, основанного на господствующих в обществе представлениях о праве и

справедливости» [112, с. 50] обусловило развитие в их среде правового нигилизма и на современном этапе снижает уровень солидарности с уголовным законодательством. Об упрощенных способах социального регулирования на основе традиций, а не правовых норм, свидетельствуют бытовавшие среди коренных малочисленных народов Севера архаичные формы разрешения конфликтных ситуаций: медвежья клятва, молчаливый заем добычи, штраф водкой за оскорбление.

Во-вторых, оценивая историческую изменчивость преступности коренных малочисленных народов Севера и возможности ее предупреждения с использованием традиций, В.А. Зибарев, говоря о времени, предшествовавшем интенсивному нефтегазовому освоению Севера, отмечает: «сколь-ко-нибудь полными данными о состоянии преступности среди народов Севера, подробно современным данным, мы не располагаем и можем об этом рассуждать лишь с известной долей вероятности» [70]. Ситуация с официальным мониторингом преступности малочисленных народов Севера коренным образом не изменилась и в настоящее время. Как отмечалось ранее, данные разпылены в массиве общих сведений о регистрируемой преступности и в отдельную форму статистического наблюдения не сведены, что существенно затрудняет их выборку и последующий анализ.

И, в-третьих, анализ традиций коренных народов Севера, как национального явления, требует их адекватной социальной оценки. Ее основа заключается в том, что одни традиции соответствуют преобладающим общественным отношениям, другие, напротив, противоречат им. С изменением условий жизни коренных народов меняются и традиции, поэтому их нельзя абсолютизировать и принимать в общем виде. Для определения криминологических возможностей использования в системе предупреждения преступлений, необходима их дифференциация по оценочно-содержательному критерию. Из совокупности традиций, которые не всегда носят социально приемлемый характер, необходимо вычлениить позитивные – наиболее соответствующие по смыслу требованиям действующего законодательства.

Данные официальной статистики по учету преступлений в Ямало-Ненецком автономном округе свидетельствуют, что формы и механизмы профилактики преступности, применяемые в отношении коренных малочисленных народов Севера, не решают поставленных задач превентивного воздействия и снижения уровня преступности. Именно поэтому возникает потребность разработки и создания новаций в предупреждении преступности, поиска новых путей и средств профилактического воздействия. В качестве одного из таких средств можно рассматривать национальные традиции коренных народов Севера, использование которых имеет ряд конкурентных преимуществ, позволяющих повысить результативность профилактической деятельности. К их числу можно отнести:

– позитивные традиции, как средство воспитания, содержат в себе значительный антикриминогенный потенциал, что открывает новые воз-

возможности для поиска путей нейтрализации этнообусловленных криминогенных факторов и предупреждения преступности;

- национальные традиции, основанные на быстрой узнаваемости, упрощении, необходимом для более массового воспроизводства, облегчают их использование в бытовых, повторяющихся поведенческих ситуациях, обуславливая адекватный выбор варианта поведения, не связанный с нарушением закона;

- использование национальных традиций имеет определенное преимущество перед правовыми превентивными средствами, поскольку основано на имманентных данной социальной общности ценностях и установках, не вызывающих идеологического отторжения. Мягко интериоризируясь в сознание, опосредованно способствуют нивелировке правового нигилизма;

- учет общих и специфических местных особенностей при раскрытии закономерностей регионального проявления преступности, расширяет концептуальную базу стратегии и тактики противодействия преступности, позволяет строить ее, сочетая специальные криминологические меры с общесоциальными, предметно нацеливаясь на криминогенные факторы региональной преступности.

Аккумулируя сказанное, можно предложить ряд практикоориентированных мер, которые, при их внедрении в существующие механизмы и программы предупреждения преступности, позволят повысить ее эффективность:

- осуществление мониторинга преступности коренных малочисленных народов Севера с формированием банка криминологически значимых данных о преступности социальной группы;

- изучение материалов уголовных дел и судебных решений в отношении коренных малочисленных народов, что позволит обобщить эмпирическую базу для формирования механизма предупреждения преступности;

- криминологический анализ существующих традиций коренных народов, выявление в них способности адаптироваться к происходящим переменам и определение возможности их позитивного использования в условиях непосредственной коммуникации в меняющейся социокультурной ситуации;

- привлечение в соответствии с положениями Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» к профилактике преступности наиболее авторитетных в национальной среде носителей этнических традиций, что будет способствовать формированию превентивного инструментария для неспециализированных субъектов предупреждения преступлений, максимально приближенного к конкретно региональным условиям;

– заключение между УМВД России по ЯНАО и общественными объединениями коренных малочисленных народов соглашений для изучения, актуализации и использования традиций в профилактике преступности.

В завершении параграфа необходимо отметить, что криминология как гуманитарная наука тесно связана с историческими механизмами общественной жизнедеятельности и неотделима от них. Поэтому процессы преемственности социального опыта повлияли и продолжают влиять на формирование криминологической теории и практики предупреждения преступности. Использование в процессе предупреждения преступности потенциала национальных традиций отвечает целям и задачам криминологии. С одной стороны это позволяет изучать национальные и региональные аспекты преступности, недооценка и абсолютизация которых равно недопустимы, с другой, предоставляет реальную возможность обеспечить гармонизировать сочетание общечеловеческого и национального в процессе формирования личности и предупреждения преступлений.

ГЛАВА 3. ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

§ 1. Профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера на общесоциальном уровне

Как уже отмечалось в настоящем исследовании, профилактика преступности коренных малочисленных народов должна и может осуществляться на трех уровнях: общесоциальном, социально-психологическом и индивидуальном. При этом важность общесоциальной профилактики обусловлена социальной природой преступности, корни которой лежат, в том числе, в плоскости существующих общественных противоречий. В отношении коренных народов Севера повышение практической значимости общесоциальной профилактики связано с двумя аспектами. Во-первых, имеющиеся проблемы социальной интеграции в преобладающее общество и самоидентификация в нем обуславливают, в определенной степени, социально уязвленное положение коренных народов, которое в силу объективных причин не может быть ими преодолено самостоятельно, без помощи извне. Во-вторых, довлеющее господство государственно-экономического интереса перед иными сферами жизнедеятельности влечет сокращение возможностей, как по осуществлению традиционных видов хозяйственной деятельности, так и по сохранению индивидуальных признаков национально-территориальной самобытности. Такой дисбаланс закладывает основы социально-экономического неравенства положения коренных народов в сравнении с другими группами населения, что, безусловно, играет свою роль в генезисе преступности. Как заметил Я.И. Гилинский: «неодинаковое положение социальных групп в социальной структуре общества обуславливает социально-экономическое неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать социальные конфликты, принимающие форму различных девиаций, включая насилие» [52, с. 30].

Характер существующих социальных противоречий, их роль в детерминации преступности обуславливают необходимость реализации профилактических мер именно общесоциального плана. На такую необходимость ориентирует П.Н. Кобец, указывая: «понимая преступность как социальное явления, криминологи идут по пути ее преодоления в плоскости коренных преобразований в обществе, в сфере экономики, социальной жизни, идеологии, воспитания человека» [79, с. 20].

Объект общесоциальной профилактики настолько широк, а средства столь разнообразны, что она не может рассматриваться исключительно в плоскости одной юридической науки. Это обуславливает стереоскопический взгляд на нее и со стороны научных дисциплин социального, психологического плана, а также многих других. По мнению С.Г. Анисимовой, это связано с тем, что «реализация социокультурной политики основана на

разностороннем мониторинге экономических, социально-демографических, культурных процессов воспроизводства коренных народов Севера с охватом различных возрастных, гендерных и территориальных групп» [41, с. 61].

Общесоциальное предупреждение преступности можно определить как «систему экономических, социальных, политических, идеологических, культурных и организационных мер, которые направлены государством и обществом на развитие экономики, повышение материального благосостояния, укрепление правопорядка и режима законности» [157, с. 17]. Именно практическая направленность общесоциальных мер определяет их фактическое содержание, предопределяя возможный результат их реализации в той или иной сфере общественной жизни.

Мерам общесоциальной профилактики присущи свои признаки, отличающие их от мер социально-психологического и индивидуального уровней. Среди характерных признаков мер общесоциальной профилактики выделяют: «масштабность, всеохватывающий и разносторонний характер, комплексность и взаимозависимость, непрерывность. Сильной стороной общесоциального предупреждения является взаимосвязь различных по содержанию мер, а также способность на основе взаимного дополнения не просто суммировать эффект антикриминогенного воздействия, а придавать ему новое, несравненно более высокое в смысле результативности качество» [86, с. 131].

Положительный эффект реализации таких мер профилактики обеспечивается тем, что функционально общесоциальная профилактика осуществляется параллельно с развитием и общества и оказывает свой положительный эффект в процессе глобального устранения дисбаланса практически во всех сферах общественных отношений, в первую очередь, реагируя на более актуальные вопросы человеческого общежития.

С учетом особенностей мер общесоциальной профилактики возникает вопрос о механизмах их реализации в отношении коренных малочисленных народов Севера, которые составляют незначительную часть общества, что находит отражение в свойственном им признаке – малочисленность. По замечанию Д.Р. Гилязевой: «часто представители коренных народов изображаются как технически отсталые, полуграмотные, погрязшие в предрассудках и не способные на решение собственных проблем люди. При этом продолжается политика интеграции коренных народов в глобальную индустриальную цивилизацию. Эта цель осуществляется путем индустриализации и урбанизации коренного населения, разрушения их традиционной экономики и создания таких условий, при которых они попадают в зависимость от государственных экономических режимов» [140, с. 126]. С этим утверждением можно в некоторой степени согласиться, однако, так происходит не всегда. Фактическое положение коренных малочисленных народов в обществе зависит от ряда внешних факторов, кото-

рые проявляются во многих сферах общественной жизни и прямо или косвенно влияют на процессы, происходящие в этнических сообществах.

На первый план выходят факторы экономического характера. Анализ положений «Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» демонстрирует явную гегемонию мер экономического характера над всеми остальными [24]. Существующие проблемы и противоречия одним механизмом гарантированных выплат компенсаций и пособий не решить. Поэтому следует согласиться с позицией Я.И. Гилинского, который, анализируя проблемы социально-экономического неравенства в генезисе преступности, отметил: «не существует «простых решений» сложных социальных проблем. Так называемые «простые решения» («ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации» [52, с. 92]. В этой связи, реализация мер общесоциальной профилактики в отношении коренных малочисленных народов Севера должна носить комплексный характер, распространяя свое действие на все сферы жизни, не ограничиваясь экономическим аспектом. Под пристальным вниманием должны быть иные меры, гарантирующие социальную стабильность коренных народов.

Широта и разнообразие мер общесоциальной профилактики, их направленность на различные сферы жизни требует участия многих субъектов, в связи с чем, «необходима координация усилий всех федеральных и местных органов власти, науки, средств массовой информации, имеющих те или иные рычаги влияния на формирование правомерного поведения в сфере экономической деятельности» [64, с. 29].

С учетом комплексного характера мер общесоциальной профилактики коренных малочисленных народов Севера целесообразно рассмотреть их отдельно, по основным и наиболее значимым направлениям.

Дифференциация мер профилактики может быть проведена по различным критериям. Как указывает А.И. Арестов, меры общесоциальной профилактики могут быть структурированы «по направленности и видам (содержанию). Выделяют такие меры профилактики всех уровней, масштабов, объемов, как социально-экономические, идеологические, медицинские и психолого-педагогические и другие» [45, с. 55]. Оптимальным в контексте общесоциальной профилактики преступности коренных народов Севера будет градация таких мер по направленности, иными словами по тем группам общественных отношений, на регулирование которых они направлены.

С учетом объективно существующих общественных противоречий необходимо вести речь о мерах экономического, культурно-воспитательного, медицинского и правового характера.

Меры экономического характера. Как отмечает Ю.М. Антонян: «экономические меры – меры по повышению экономического благосостояния людей. Они являются материальной основой профилактики преступ-

ности, оказывая в то же время психологический эффект» [42, с. 149]. Меры экономической поддержки КМНС, принимаемые органами власти, как уже отмечалось, в совокупности приобрели характер «позитивной дискриминации». Подобный подход к «политизации этничности» имеет и обратные негативные связи: социальное иждивенчество, утрата антикриминального иммунитета, алкоголизм и т.д. Эти процессы среди определенной части коренных малочисленных народов возникают и ширятся, в связи с тем, что государством реализуется целый спектр мер материального стимулирования и поддержки, являясь реципиентами которого КМНС не испытывают ни материальной, ни моральной необходимости осуществления трудовой деятельности. При этом указанные процессы характерны не только для Ямало-Ненецкого автономного округа. На это указывает С.Г. Анисимова, отмечая, что «с точки зрения получения дохода традиционные виды хозяйства не конкурентоспособны с привнесенными индустриальной культурой видами деятельности, в связи с чем во всех возрастных группах высока доля тех, чьим основным источником доходов являются социальные выплаты» [41, с. 61]. Об указанной зависимости и ее значении в профилактике преступности КМНС свидетельствует анализ социальной структуры преступников из числа коренного населения, в котором число лиц, не имеющих постоянного источника дохода и места работы, составляет уверенное большинство. Вместе с тем, чтобы такой партикуляристский подход к коренным народам не создавал посылков возникновения социально-негативных патологий, меры экономического характера должны носить точно определенный, избирательный характер. «Селективность государственной поддержки предполагает переход от обобщенного приравнивания территорий к районам Крайнего Севера к дифференциации по конкретным критериям (особенности расселения и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера). Это позволит в зависимости от выбора конкретного критерия сделать более гибким и адресным предоставление средств государственной поддержки» [24].

В разрезе мер общесоциальной профилактики преступности, которая напрямую не связана с деятельностью по предупреждению преступлений, меры экономической поддержки должны фокусироваться на вопросах повышения адаптивности традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов ЯНАО к современным экономическим условиям. По этому поводу С.Н. Харючи писал: «сохранение традиционного образа жизни, форм хозяйствования совершенно не предполагает простого копирования их из прошлого. Вполне естественно, что развитие техники, внедрение новых технологий и другие обстоятельства, облегчающие жизнь человека, неизбежно оказывают воздействие на методы хозяйствования и характер промыслов, а они, в свою очередь, вносят некоторые изменения в традиционный образ жизни. Но при этом (и это существенно) представители коренных народов не утрачивают своих традиционных навыков, направленных на защиту среды их обитания, чему способствует сохране-

ние ими традиционного образа жизни и традиционных основ хозяйствования» [123, с. 15].

Имея в виду реализацию мер по оптимизации и повышению эффективности традиционных промыслов северных народов, нужно учитывать, что с учетом экстремальных климатических условий выбор практических занятий, дающих возможность поддерживать жизнедеятельность, ограничен и сопряжен с определенными рисками. Поэтому меры экономического характера имеют свою специфику, связанную с созданием социально-бытовых условий, способствующих удовлетворению жизненно важных потребностей. Например, только «в 2014 году приобретены и безвозмездно переданы национального потребления: комплектующие к чумам: нюки – 171 шт., шесты – 809 шт., печи чумовые – 169 шт., на приобретение горюче-смазочных материалов для мини-электростанций денежные выплаты в размере 6 000 рублей произведены 2 754 семьям тундрового населения» [203].

Безусловно, повышение экономической активности КМНС будет способствовать повышению уровня их жизни, стабилизации социально-экономического положения. Однако такое интенсивное вовлечение в экономическую деятельность влечет свои риски, может детерминировать различные виды преступлений, в том числе связанные с отсутствием у коренного населения практических навыков по осуществлению предпринимательской деятельности.

Характерным примером является приговор Салехардского городского суда в отношении Р., который, являясь председателем территориально-соседской общины коренных малочисленных народов Севера «Юган», используя свое должностное положение, путем обмана, получил от членов общины, осуществляющих традиционное рыболовство, денежные средства для приобретения лодок и лодочных моторов. Однако полученные от рыбаков денежные средства присвоил, причинив потерпевшим значительный материальный ущерб [189]. И подобные примеры не являются исключением.

С позиции общесоциальной профилактики преступности в экономической сфере целесообразно задействовать имеющиеся ресурсы департамента по делам коренных малочисленных народов администрации автономного округа, который «осуществляет функции и полномочия учредителя подведомственного государственного бюджетного учреждения «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов севера»[203]. «Целью создания ГБУ «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера» является поддержка и организация традиционных видов хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера для их укрепления и развития»[194]. Целесообразно определить данное учреждение в качестве координатора при организации закупок для нужд коренных народов, наделив ГБУ некоторыми полномочиями в порядке, схожем с положениями Федерального закона

№ 44-ФЗ от 05.04.2013 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [20]. Такие меры позволят минимизировать риски как совершения преступлений самими представителями коренного населения, так и снизить коэффициент их виктимности в сфере экономической деятельности.

Таким образом, меры экономического плана оказывают позитивное влияние на уровень преступности среди коренного населения, так как обеспечивают конкурентоспособность продуктов оленеводства и рыболовства на рынке, тем самым минимизируя отток КМНС из этих отраслей хозяйства, снижают дифференциацию населения по доходам, нивелируя социальные детерминанты преступности, способствуют формированию ориентации на легальные способы и средства удовлетворения личных и коллективных потребностей. Вместе с тем, для повышения эффективности данных мер, достижения наибольшего профилактического результата необходима некоторая ревизия как оснований получения мер государственной поддержки, так и дополнительной конкретизации индивидуальных признаков их конечного получателя.

Меры культурно-воспитательного характера. Реализация мер данного плана обусловлена необходимостью сохранения этнического своеобразия коренных народов, адаптацией к современным условиям позитивного социального опыта, закрепленного в национальных традициях и обычаях, о чем уже упоминалось ранее. Именно поэтому, без гармоничных процессов сохранения и передачи национальной культуры невозможно противостоять угрозам утраты этнической самобытности, в связи с чем, «одной из характерных черт общественного развития во всем мире в конце XX столетия явилось стремление к национальному возрождению, формирование национальных организаций и движений» [153].

Обособленность национальной социальной группы приводит к тому, что в ней возникают групповые нормы поведения и групповые ценности, которые могут не в полной мере совпадать со стандартами, принятыми в обществе. Это прослеживается и в современном состоянии, образе жизни коренных малочисленных народов Севера. Значимость положительной актуализации национальных особенностей культурного плана отмечает и А. Кибизов, который указывает, что «даже краткий перечень положительных обычаев позволяет увидеть в них нравственные ценности народа, возможность и необходимость их использования в формировании правомерного поведения» [76].

В автономном округе реализуются меры, направленные на сохранение и поддержание традиций и обычаев коренных народов Севера, что не может не оказать воздействия на криминогенные факторы. Это связано с тем, что нравственное воспитание имеет существенное значение для формирования правомерного поведения личности. Положительные ценности духовного плана, выработанные многими северными народами на протяжении своей истории, выступают неотъемлемой частью общей культуры.

Популяризация этих этнических ценностей, особенно в подростковой среде, призвана оказать положительное влияние на процессы воспитания личности, на общественное сознание, на предупреждение правонарушений. По данным Администрации ЯНАО, за 2016 год лицам из числа коренных малочисленных народов ЯНАО «присуждены 3 специальные премии за лучшее освещение на родных языках в печатных изданиях тематики сохранения и культурного развития коренных народов и т.д.»[198]. Проводимые в автономном округе этнокультурные мероприятия позволяют использовать их предупредительный потенциал на общесоциальном уровне. Кроме этого, при финансовой поддержке Правительства округа для коренных народов на национальных языках издается ряд печатных изданий. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос размещения на страницах печатных изданий «ЛухАвт» и «НарьянаНгрэм» правовой информации с разъяснением отдельных положений действующего законодательства, что будет способствовать повышению правовой грамотности, оказывать общее сдерживающее действие.

Определенные резервы мер профилактики общесоциального плана скрыты в традиционных видах хозяйственной деятельности, которые могут быть использованы с позиции сохранения национальной самобытности, распространения среди населения социально позитивного облика коренных народов. Одним из таких направлений, который в последние годы набирает популярность, является этнотуризм. «Турмаршруты, включающие знакомство с бытом, хозяйством и культурой ямальских тундровиков, проживание в семьях, участие в приготовлении национальных блюд и совершении обрядов, имеют большую популярность, как у российских, так и зарубежных туристов» [195]. Развитие и популяризация этнотуризма позволит не только обеспечить работой тундровых жителей, но будет способствовать сохранению и развитию народных промыслов, в том числе художественной направленности.

Анализируя традиции и обычаи коренных народов Севера, О.Г. Бережная приходит к выводу: «коренные этносы ЯНАО уникальны, их отличает особая консервативная, традиционалистская культура и характерный только для нее тип хозяйственной деятельности, образ жизни. Она ориентирована на включение себя в природную среду и выступает как ее продолжение»[139]. Данные особенности традиционного природопользования целесообразно использовать в контексте общесоциального предупреждения преступности. Интенсивная индустриализация на территории округа существенно затрагивает устои и образ жизни коренных малочисленных народов, снижает эффективность осуществления традиционных видов деятельности, что порождает проблему совершения аборигенным населением преступлений в сфере экологии. Вместе с тем, данная проблема может быть решена не только уголовно-репрессивными методами. Наличие специфических знаний и навыков, например, в области традиционного рыболовства коренных народов может быть использовано в созидательных це-

лях. Существует реальная возможность, путем субсидирования окружным Правительством, инициировать процесс создания с участием коренных малочисленных народов Севера субъектов предпринимательской деятельности в сфере товарного искусственного воспроизводства рыб ценных пород. Указанный подход, безусловно, имеет положительный эффект, так как будет способствовать снижению уровня браконьерства среди коренных народов. Успешный опыт такого подхода к занятости аборигенного населения и его положительные результаты нами наблюдался у саамов, коренных жителей Норвегии и Финляндии.

Другим существенным критерием, во многом снижающем криминальную уязвимость коренных народов ЯНАО, является наличие образования и его уровень. Структура социально-демографических признаков преступника из числа коренных малочисленных народов Севера показывает, что наименьшим антикриминальным иммунитетом обладают лица с начальным и средним профессиональным образованием. Такая зависимость обуславливает необходимость реализации мер по повышению социальной привлекательности образования, его доступности для представителей аборигенных народов. Проблема в том, что у коренных народов ЯНАО отсутствует положительный стереотип необходимости получения образования. Это связано с тем, что дети для получения образования на период обучения должны быть извлечены из привычной социальной среды, оторваны от помощи старшим в осуществлении традиционных видов хозяйственной деятельности, что негативно отражается на ее продуктивности. С целью преодоления данного стереотипа в округе реализуется проект кочевых школ для детей лиц из числа коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни. Для популяризации которого изданы на ненецком языке, диалекте лесных ненцев, хантыйском языке шурышкарского диалекта и распространены среди кочевого населения печатно-информационные материалы «Кочевое образование на Ямале: реальность и перспективы». Механизм получения начального образования в кочевых школах позволяет не только преодолеть негативное отношение коренных народов к образованию, но и служит залогом успешного получения среднего и высшего образования. В округе принят Закон ЯНАО от 24.12.2012 № 148-ЗАО «О программе социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012 – 2016 годы»[36], в котором заявлен проект: «Кочевая школа, ориентированная на природу ребенка, поможет коренным малочисленным народам Ямала сохранить традиционные формы хозяйствования, родной язык и национальную культуру. В то же время дети получают полноценные общеобразовательные знания» [199]. Принципы кочевой формы организации образовательного процесса в автономном округе учитывают особенности природно-климатических и социально-экономических условий жизни на Севере: низкая плотность населения, удаленность мест кочевий от поселков, слаборазвитость транспортной инфраструктуры. Важным преимуществом кочевой школы является предо-

ставление ребенку возможности жить в привычных условиях, что облегчает адаптацию к образовательному процессу.

Кроме этого, по данным департамента по делам коренных малочисленных народов Севера, например, только в 2014 году 189 студентам из числа коренных народов осуществлено возмещение расходов на получение высшего образования, 83 студентам осуществлены выплаты дополнительных стипендий. Благодаря оказываемым мерам поддержки в 2014 году 45 студентов из числа КМНС получили высшее образование, также возмещены расходы на обучение 3 аспирантам из числа аборигенных народов. Безусловно, повышение уровня образования коренных народов и его обратный эффект по снижению криминальной активности процесс продолжительный, с весьма отдаленным результатом, но вряд ли вызывает разумные возражения необходимость реализации мер в этом направлении.

Таким образом, меры культурно-воспитательного характера способствуют как сохранению и поколенческой передаче культурных ценностей, так и интериоризации новых позитивных установок преобладающего индустриального общества. Однако принимаемые меры не являются достаточными, извлечение резерва их эффективности должно происходить не только в плоскости сохранения и передачи национальных культурных особенностей, но и в сфере общечеловеческих ценностей. Это связано, в первую очередь, с повышением уровня образования, расширением мировоззрения, компромиссным сочетанием традиционных форм занятости с туристической, этнографической и природоохранной деятельностью.

Медицинские меры. Здоровое состояние нации является неотъемлемым атрибутом ее сохранения и развития, что, безусловно, актуально и для коренных народов ЯНАО. Вместе с тем, дисперсное расселение на значительной территории, в отдаленности от крупных медицинских центров, накладывает определенную специфику на проблему своевременного и полного оказания медицинских услуг тундровому населению, предопределяя решение вопроса об особых гарантиях коренных народов при ее получении. Статьей 41 Закона от 10.01.2007 № 12-ЗАО «О здравоохранении в Ямало-Ненецком автономном округе» установлено, что «лицам из числа коренных малочисленных народов Севера, ведущим традиционный образ жизни на территории автономного округа, устанавливаются меры социальной поддержки в сфере охраны здоровья: бесплатное оказание медицинской помощи; бесплатное лекарственное обеспечение при амбулаторном лечении по рецептам врачей» [34].

Принимаемые в этом направлении меры имеют положительный эффект, но до настоящего времени остается не решенным, с медицинской точки зрения, вопрос противодействия алкоголизации коренного населения. Проблема злоупотребления спиртными напитками в их среде приобретает характер острой социальной проблемы, о чем свидетельствует статистика совершенных КМНС преступлений в состоянии алкогольного опь-

янения. И такая проблема возникла не сегодня или вчера, а имеет характер застарелого недуга.

Уже в пунктах 47 и 198 «Устава об управлении инородцев» особо отмечалось, что «ввоз и продажа горячих напитков в стойбищах кочующих строгойше запрещается... За ввоз в продажу кочующим горячих напитков, непосредственно ответствен Инородная Управа, и потому имеет право таковую продажу остановить, напитки отобрать и виновных представить начальству для поступления по законам»[117].

На современном этапе проблему злоупотребления спиртными напитками среди коренных народов констатируют, в том числе, специалисты Всемирной организации здравоохранения: «форма употребления алкоголя отдельного человека может отрицательно влиять на его собственную жизнь, подталкивая к совершению преступления. Например, обычаи, объединяющие местных жителей, могут быть разрушены в результате повторяющегося пьянства; существует много таких примеров разрушительного воздействия эндемичной интоксикации на коренное население»[200].

Несмотря на существование данной проблемы, реальных мер по профилактике злоупотребления коренным малочисленным населением спиртными напитками принимается недостаточно. Отсутствует нормативное закрепление необходимости реализации не только медицинских, но и правовых мер. Так, в статье 5 Закона от 05.04.2010 № 38 ЗАО «О профилактике правонарушений в Ямало-Ненецком автономном округе» [35], который 27.02.2017 утратил силу и до этого момента определял основные направления деятельности по профилактике, упоминание о профилактике алкоголизма и правонарушений, связанных с чрезмерным употреблением алкогольных напитков, отсутствовало. Нет мер такой направленности и в Законе от 10.01.2007 № 12-ЗАО «О здравоохранении в Ямало-Ненецком автономном округе» [34], что автоматически иные принимаемые в этом направлении меры делает паллиативными, не решающими проблемы алкоголизации коренного населения.

С позиции общесоциальной профилактики преступности коренного населения автономного округа необходимо внести изменения в соответствующие окружные законы, предусмотрев перечень мероприятий широкого спектра, направленных на преодоление алкогольной зависимости, с применением специализированного лечения, включая поведенческие, психосоциальные и фармакологические вмешательства различной интенсивности. Результативным в этом контексте будет нормативное закрепление в законах автономного округа рекомендации Всемирной организации здравоохранения по снижению фактического потребления алкоголя и социального вреда, связанного с его потреблением: «меры по уменьшению наличия алкоголя; меры по регулированию цены и налоги на алкоголь; меры по ограничению продажи алкоголя»[200].

Последовательная реализация таких мер будет способствовать не только предотвращению алкогольной деградации коренного населения и

связанных с ней криминальных проявлений, но и сокращению числа опасных заболеваний, течение которых усугубляется на фоне чрезмерного потребления спиртного.

Правовые меры. Как отмечает В.Д. Ларичев: «право, стимулирует социально-позитивное поведение, противодействуя факторам, негативно влияющим на формирование и жизнедеятельность личности членов общества. Обеспечивает присущими ему средствами условия позитивного поведения, эффективного функционирования социальной системы предупреждения правонарушений» [87]. В связи с чем, значимость мер правового характера в системе мер общесоциальной профилактики не требует дополнительной аргументации.

Применительно к преступности коренных малочисленных народов меры правового характера должны приниматься в двух наиболее значимых направлениях. Во-первых, в целях растворения природы социального иждивенчества, повышения уровня их социальной ответственности и благосостояния, необходимо конкретизировать и оптимизировать процесс социальных выплат и иных мер поддержки, предоставляемых за счет окружного бюджета лицам из числа коренных народов. С этой целью необходимо провести ревизию законодательства автономного округа, акцентировав в нормативных актах положения о том, что основными реципиентами социальной поддержки являются не все представители аборигенного населения, а в первую очередь, лица, ведущие традиционной образ жизни в тундровой местности, а также проживающие в населенных пунктах, но связанные с традиционными формами хозяйствования, например, по изготовлению предметов народных промыслов, сувенирной продукции и т.д. Такая дифференциация лиц по социальному положению и роду занятий позволит исключить из перечня получателей поддержки маргинально-ориентированных представителей коренного населения, не мотивированных к законопослушному поведению.

Во-вторых, необходимо сосредоточить усилия по внесению изменений в законы автономного округа, например, в Закон от 05.04.2010 № 38-ЗАО «О профилактике правонарушений в Ямало-Ненецком автономном округе», дополнив его содержанием вопросами профилактики преступности КМНС. Кроме этого, необходимо акцентировать внимание на необходимости постоянного статистического мониторинга преступности КМНС на территории автономного округа, что позволит своевременно и результативно реагировать на тенденции такой преступности. Без нормативного закрепления вопросов организации профилактики преступности коренного населения на уровне субъекта Российской Федерации, в частности, Ямало-Ненецкого автономного округа, реальная эффективность такой деятельности вряд ли будет социально значимой. Объективная необходимость мер правового плана связана с тем, что общественная жизнь динамична, с течением времени назревает законодательная актуализация тех или иных аспектов, которые непосредственно касаются жизни коренных малочислен-

ных народов в современном мире. Соответствие правовых предписаний социальным потребностям текущего момента гарантирует их реализацию и позитивный эффект.

Завершая анализ мер общесоциальной преступности коренного населения автономного округа следует отметить, что нами проведен анализ наиболее значимых направлений. С учетом масштабности мер общесоциальной направленности полный и всесторонний их анализ вряд ли возможен. Значимость работы в этом направлении неоспорима и продиктована тем, что реализация мер общесоциальной профилактики является необходимым, в какой-то степени, подготовительным этапом к разработке и осуществлению мер специальной профилактики, для которых общие меры выступают фундаментом.

Рассмотренные аспекты позволяют говорить о том, что:

- федеральной и региональной властью принимается значительный по объему спектр мер, направленных на позитивную социализацию коренных народов в преобладающее общество;

- в связи с постулированием важности сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности и этнической самобытности наибольший объем среди мер общесоциальной профилактики принадлежит мерам экономической направленности.

- с учетом разных условий существования КМНС необходимо сместить акцент с позиции равной поддержки всех представителей коренных народов в сторону избирательного подхода к этому;

- с учетом региональной специфики меры экономического, культурного медицинского и правового характера имеют профилактический потенциал, однако, они требуют определенной корректировки для повышения их антикриминальной эффективности;

- для придания профилактике преступности коренных народов Севера системного и эффективного характера необходима ее отдельная актуализация в региональном законодательстве, в том числе, связанная с постоянным мониторингом не только ее уголовно-правовых характеристик, но и других фоновых явлений.

§ 2. Профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера на специально-криминологическом уровне

Реализация значительных по сфере действия мер общесоциальной профилактики создает почву для разработки и применения более узких и предметно направленных мер специально-криминологического предупреждения.

Как отмечает П.В. Волошин: «меры общесоциальной профилактики являются основой для проведения специально-криминологической деятельности. Наряду с прямыми связями между общесоциальными и специ-

ально-криминологическими мерами существует и своеобразная обратная связь: последние не только используют антикриминогенный потенциал общественного развития в целом, но и способствуют ему, устраняя довольно значительные преграды на его пути» [50, с. 99].

На специально-криминологический уровень профилактики приходится основной блок практических мер по борьбе с преступностью, что диктует их содержание и определяет социальную значимость. Отличительной особенностью мер специально-криминологического предупреждения является их целевая направленность на борьбу с преступностью, что обуславливает характерные черты такой деятельности.

Кроме этого, в условиях криминогенной напряженности, когда реализация профилактических мер общесоциального плана затратна, а позитивный эффект их применения в значительной степени отдален во времени, значение специально-криминологической профилактики в борьбе с преступностью на региональном уровне возрастает. Это продиктовано тем, что воздействие на преступность и механизмы ее детерминации путем специально-криминологического предупреждения позволяет оперативно решать текущие задачи противодействия преступности в регионе, прогнозировать их результат, экономно используя имеющиеся в распоряжении ресурсы. Обращая внимание на эту корреляционную зависимость, А.И. Долгова пишет, что «социально-территориальная характеристика преступности – один из важных аспектов криминологического исследования. Содержание регионального фактора далеко не исчерпывается его географическими особенностями при всем том, что природно-климатические и другие условия оказывают существенное влияние на жизнедеятельность людей» [61, с. 10].

С направленностью специально-криминологической профилактики на борьбу с преступностью связана структура ее объектов. Традиционно к числу объектов специально-криминологической профилактики относят: «преступления и некоторые деяния, не признаваемые преступными; причинный комплекс преступности; общественные отношения охраняемые уголовным законом; личность преступника; реальные и потенциальные жертвы преступлений» [159, с. 13]. Такая структура объектов специально-криминологической профилактики применима и к профилактике преступности коренных народов Севера. Вместе с тем, она не является полной, так как не относит к числу объектов воздействия явлений не преступного характера, которые, тем не менее, тесно связаны с преступностью и имеют собственную повышенную детерминационную активность. Поэтому мы согласны с мнением ученых, включающих в число объектов специального предупреждения не только преступления и правонарушения, но и социальные патологии, проявляющиеся в процессах и явлениях, в которых реализуются формы поведения определенных групп населения, служащие питательной почвой, «фоном» преступности⁷. К числу таких социальных патологий КМНС нужно отнести пьянство и алкоголизм, бытовое дебошир-

ство. Включение социальных патологий в сферу реализации мер специально-криминологического предупреждения может показаться спорным. Однако, учитывая, что профилактика пьянства имеет для КМНС более широкое социальное значение, чем непосредственно борьба с преступностью, то такое дополнение объекта специально-криминологической предупреждения является практически обоснованным. В пользу такого вывода говорят данные уголовно-правовой статистики об удельном весе «пьяных» преступлений в массиве автохтонной преступности в автономном округе. Кроме этого, отсутствие специально-криминологических мер по профилактике алкогольной деградации представителей коренных национальностей в значительной степени снизит итоговый результат предупредительной деятельности в целом, которая в противном случае не будет направлена на детерминационные процессы самовоспроизводства преступности.

Специфика и правовая регламентация деятельности по специально-криминологической профилактике преступности предполагает разноплановый характер субъектов ее осуществления. Отличительными признаками субъектов специально-криминологической профилактики являются: «а) приоритетность этих задач и функций в рамках обеспечения законности и правопорядка, борьбы с преступностью; б) осуществление предупредительной деятельности, в т.ч. профилактической направленности как в процессуальных, так и частично непроцессуальных формах; в) наличие у сотрудников, осуществляющих профилактическую деятельность, полномочий представителя власти» [82, с. 102]. С учетом этих критериев к числу субъектов специально-криминологической профилактики может быть отнесен достаточно узкий круг органов.

«Обязательным и необходимым условием включения в состав субъектов специально-криминологического уровня является их деятельность, которая ориентирована на: выявление и анализ причин и условий преступлений, принятие мер по их устранению или нейтрализации; выявление и постановке на профилактические учеты лиц, склонных к совершению преступлений» [97, с. 100].

Функциональным локомотивом специально-криминологической профилактики преступности являются органы внутренних дел. Особая роль органов внутренних дел в структуре субъектов специально-криминологической профилактики связана с разнообразием и спецификой их компетенции, наличием полномочий по осуществлению оперативно-розыскной, административной, уголовно-процессуальной и иных видов деятельности по борьбе с правонарушениями и преступлениями.

Вместе с тем, применительно к профилактике преступности коренных народов Севера к числу субъектов также могут быть отнесены и иные правоохранительные органы, в том числе органы прокуратуры (в части координации действий правоохранительных органов по профилактике и надзору за соблюдением законов в данной сфере), уголовно-исполнительные инспекции Министерства юстиции РФ (при осуществле-

нии контроля за отбытием осужденными наказания), территориальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (при выявлении социально не благополучных семей и оказании им помощи), а также органы социального обслуживания, например, территориальные Центры занятости, которые способствующие трудоустройству и социализации лиц, ранее привлеченных к уголовной ответственности. Кроме этого, к числу субъектов специально-криминологической профилактики можно отнести суды, при вынесении частных определений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Не последним теоретическим аспектом специально-криминологического предупреждения является классификация применяемых мер. В юридической науке в качестве критерия классификации мер специально-криминологического предупреждения используют их объем, направленность, территориальный масштаб, механизм и форму воздействия, субъектов разработки и применения, что продиктовано необходимостью скоординированных действий субъектов профилактики, выбором сил и средств по осуществлению профилактической деятельности, с учетом фактического состояния преступности, региональных особенностей и имеющихся ресурсных возможностей.

На основании изложенного, можно определить специально-криминологическую профилактику преступности коренных малочисленных народов Севера как комплекс мер, специально направленных на борьбу с преступностью таких лиц и близким к ней социальным патологиям, который осуществляется органами и учреждениями, наделенными законодательством РФ полномочиями по противодействию преступности и повышению социального благополучия населения.

Рассмотрение в рамках настоящей работы каждого блока мер специально-криминологической профилактики применительно к преступности аборигенного населения автономного округа, с учетом многоплановости таких мер, вряд ли объективно возможно и целесообразно, так как по масштабу может быть предметом отдельного научного исследования. Поэтому, более конструктивно будет несколько сместить акцент, с использованием эмпирических данных, полученных при изучении уголовных дел и материалов проверок, результатов правоприменительной деятельности, проанализировать реализацию не всего спектра мер специально-криминологического предупреждения, а отдельных аспектов реальной правоприменительной деятельности, которые, во-первых, имеют в данном контексте существенные недостатки, во-вторых, заключают в себе скрытые резервы повышения эффективности профилактической деятельности. Такой подход позволяет не только диагностировать существующие недостатки в организации специально-криминологического предупреждения преступности КМНС, но и предложить меры по их преодолению, а значит, сформулирует некоторые отправные точки повышения эффективности предупредительной деятельности.

При такой постановке вопроса необходимо начать со статистического наблюдения и криминологического прогнозирования преступности коренных народов. Еще в 1815 году Натан Ротшильд сформулировал: «кто владеет информацией – тот владеет миром». Вряд ли Н. Ротшильд имел в виду криминологию и сферу предупреждения преступности, однако, данная аксиома, при ее экстраполяции в область правоохранительной деятельности, приобретает важное, если не фундаментальное значение. Это обусловлено тем, что при отсутствии достоверных и объективных данных о преступности невозможно эффективно ее контролировать, предупреждать и противостоять ей.

Успех любой деятельности лежит в наличии объективных данных, которые во многом определяют надежность прогнозов будущего развития явлений и процессов, в том числе и преступности. Преступность в своем реальном выражении – явление стихийное и собирательное, складывающееся из разрозненных общественно-опасных посягательств, поэтому отсутствие достоверных статистических данных о ней не позволяет выявить те внутренние закономерности ее динамики и развития, которые проявляются лишь через призму общей совокупности. В этой связи, необходимо отметить, что целенаправленного объективного статистического наблюдения и криминологического прогнозирования в контексте преступности коренных малочисленных народов Севера фактически не существует, что, безусловно, является препятствием на пути разработки и реализации специально-криминологических мер воздействия на преступность КМНС. Вместе с тем, вопросы достоверного статистического учета преступлений и лиц их совершивших неразрывно связаны с профилактикой преступности, без которых она фактически не возможна.

Субъектами статистического учета, определенными п. 3 приложения 2 к приказу «О едином учете преступлений» [26] фиксируются преступления, совершаемые представителями коренных малочисленных национальностей, однако, эти данные растворены в общей преступности, что в значительной степени затрудняет их репрезентативную выборку. Задачами специально-криминологической профилактики для данных субъектов будет первоначальный сбор и обработка уголовно-правовой информации о преступности, путем заполнения статистических карточек по уголовным делам; обобщение результатов работы по профилактике преступности подразделений по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции; сбор и систематизация данных окружной информационной базы «Ямал-Регион» по обобщению данных о количестве и видах совершенных КМНС административных нарушениях; обобщение данных, полученных от других субъектов, в один информационный массив, с применением специальных программно-компьютерных средств.

Например, статистическое наблюдение можно организовать таким образом при котором управление Судебного департамента в Ямало-Ненецком автономном округе и территориальные уголовно-исполнитель-

ные инспекции УФСИН России по ЯНАО осуществляют мониторинг в части сбора, систематизации и предоставления данных о количестве рассмотренных уголовных дел, результатах их рассмотрения, видах и размерах наказания, а также практике отбывтия наказаний.

Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера администрации автономного округа и его территориальные подразделения в пределах компетенции должны осуществлять работу по сбору, обобщению и предоставлению правоохрательным органам социально-демографической и иной криминологически значимой информации о коренных народах, которая имеет потенциальную важность для организации профилактики преступности.

Департамент здравоохранения администрации автономного округа в лице территориальных отделений окружного психоневрологического диспансера осуществляет работу по сбору, систематизации и предоставлении данных о количестве лиц, состоящих на профилактических учетах в связи со злоупотреблением спиртными напитками, результатах их лечения, регулярности посещения профилактических мероприятий, а также по исполнению осужденными возложенных судом в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ обязанностей по прохождению лечения от алкоголизма.

Органы прокуратуры автономного округа в силу возложенных на них функций должны обеспечить достоверность формирования уголовно-правовой статистики, осуществлять надзор за полнотой и достоверностью составления документов первичного учета, законностью принимаемых в отношении КМНС процессуальных решений по уголовным делам и материалам проверок, проводить последующий анализ полученных средне-окружных данных.

Кроме этого, как уже отмечалось ранее, в соответствии с п.3 Указа Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохрательных органов по борьбе с преступностью» [22], на органы прокуратуры возложена функция координатора деятельности органов МВД РФ, СК РФ и других правоохрательных органов. Целью этого является повышение эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению.

Формирование реальной уголовно-правовой статистики преступности коренного населения и принятие дополнительных, регионально-адаптированных мер по повышению эффективности ее профилактики должно лежать в плоскости координационной деятельности органов прокуратуры, что обусловлено спецификой ее полномочий по осуществлению надзора за соблюдением требований закона, всеми указанными выше субъектами. В этих целях, необходимо определить в рамках уже имеющихся полномочий и компетенции ряд дополнительных функций по сбору,

систематизации и объединению в единый информационный массив различных сведений и данных о преступности КМНС и другой криминологически значимой информации. При необходимости, с учетом требований действующего законодательства, по уголовным делам и материалам проверок в отношении КМНС предусмотреть дополнительные кодировки в документах первичного учета (статистических карточках), а также содержание и периоды составления межведомственной формы статистической отчетности, отражающей фактические данные о преступности КМНС, отдельно от массива всей преступности и в соотношении с ней.

С практической точки зрения, реализация положений о статистическом наблюдении преступности КМНС может быть воплощена путем внесения дополнений в Постановление Правительства ЯНАО от 17.08.2015 № 776-П «О формах отчетности по профилактике правонарушений на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» [38]. В части составления и представления соответствующим субъектам межведомственной формы отчетности «Информация о профилактике правонарушений и преступлений коренных малочисленных народов Севера ЯНАО», по аналогии с предусмотренными данным постановлением формами преступности по округу в целом.

Результаты полученного статистического наблюдения и криминологического прогнозирования возможно использовать не только для организации профилактической деятельности в конкретных муниципальных образованиях, но и в дальнейшем, обсуждать на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов, с выработкой последовательных мер по совершенствованию профилактической деятельности и определением мер ответственности лиц, не обеспечивших исполнение совместно принятых на координационном совещании решений. Такой механизм совершенствования правоохранительной деятельности, диагностирования и своевременного устранения имеющихся недостатков ее практической организации апробирован и в течение нескольких лет применяется на территории Ямало-Ненецкого автономного округа при организации противодействия отдельным видам преступности.

Немаловажным аспектом реализации указанного подхода к профилактике преступности коренных малочисленных народов Севера является практическая направленность координационной деятельности, так как выработка, закрепление и последующая реализация совместно принятых на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов решений по повышению эффективности профилактической деятельности не требует ни внесения изменений в федеральное законодательство, ни дополнительных бюджетных ассигнований. Вместе с тем, благодаря реализации этих мер, в автономном округе будет сформирован банк данных, отражающий реальное состояние преступности коренных народов и ее динамику, что позволит с учетом не только уголовно-правовых, но и социально-демографических данных придать процессу специально-

криминологической профилактики преступности КМНС более гибкий, регионально адаптированный характер.

Следующим, после достоверного статистического наблюдения, проблемным аспектом правоприменительной деятельности по реализации мер специально-криминологической профилактики являются недостатки производства предварительного расследования по уголовным делам в отношении коренных малочисленных народов Севера.

Многими авторами высказывается мнение о том, что внесение следователем представления является правом следователя, а не его обязанностью. Вместе с тем, предупреждение преступлений, стимулирование законопослушного поведения, наряду с производством расследования по уголовным делам, является неотъемлемой функцией органов расследования. «Уголовно-процессуальный закон указывает на необходимость принятия профилактических мер, позволяющих оказать существенное воздействие на причины и условия совершения преступлений и на те негативные отношения подозреваемых и обвиняемых, которые непосредственно связаны с преступностью» [39], что закреплено в ч. 2 ст. 73 УПК РФ. Также ч. 2 ст. 158 УПК РФ устанавливает право следователя (дознателя) внести представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств. Следовательно, деятельность по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, считается завершенной после получения сообщения о принятых мерах [60, с. 22]. Экстраполируя содержание положений ч. 2 ст. 73 УПК РФ на требования ч. 2 ст. 158 УПК РФ – выявление детерминант преступления и принятие мер по их нейтрализации – процессуальная обязанность следователя и дознавателя, а не их субъективное право. Исходя из указанного, можно сделать вывод, что должностные лица органов предварительного расследования являются активными субъектами специально-криминологической профилактики преступности, в том числе преступности коренных малочисленных народов Севера. В зависимости от регламентированной ст. 151 УПК РФ подследственности преступлений, к числу таких субъектов в отношении КМНС можно отнести: следователей СУ СК России по ЯНАО, СУ УМВД России по ЯНАО, а также дознавателей правоохранительных органов и, несомненно, органы прокуратуры, при осуществлении надзора за исполнением требований закона по принятию в ходе предварительного расследования мер по установлению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

На значении проведения специально-криминологической профилактики лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, акцентирует внимание С.И. Данилова, указывая: «представление профилактического характера – это акт реагирования следователя, дознавателя на выявленные в ходе досудебного производства обстоятельства, способствующие совершению преступления, содержащий конкретные меры по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона, который вносится

в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу» [59]. Таким образом, действие представления направлено на должностных и юридических лиц, находящихся за рамками расследования конкретного уголовного дела. С учетом выявленных обстоятельств совершения преступления, органы предварительного расследования приобретают роль не специализированных субъектов общей или индивидуальной профилактики, которая может осуществляться за сроками расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, вплоть до устранения обстоятельств детерминирующих преступность.

Профилактическая деятельность на досудебной стадии производства по уголовным делам в отношении аборигенного населения крайнего Севера имеет свои особенности и резервы для совершенствования. Ее результативность кроется в том, что организация деятельности по профилактики преступлений должна осуществляться таким образом, чтобы соотношение ее эффективности и затрачиваемых средств было оптимальным. Под эффективностью в данном случае нужно понимать реальное достижение целей профилактики - предупреждения совершения новых преступлений.

Несмотря на сформированный правоприменительной практикой алгоритм действий следователя по подготовке и внесению представлений в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, анализ результатов их рассмотрения свидетельствует, что профилактическая результативность этой работы не отвечает предъявляемым требованиям, не нацелена на решение задач предупреждения преступности. Такая ситуация обусловлена нарушениями требований закона, которые допускаются должностными лицами органов расследования, подменяющими работу по профилактике бессодержательной статистической наполняемостью ведомственных отчетов.

В ходе изучения материалов уголовных дел в отношении представителей коренных малочисленных народов были выявлены существенные недостатки организации профилактической деятельности. Анализ этого срезав правоприменительной практики показывает, что работа следователей и дознавателей по внесению представлений формализована, осуществляется «на автомате» и по «остаточном принципе», в результате чего, профилактическая эффективность представлений нивелируется и имеет незначительную степень профилактического воздействия.

Так, в ходе изучения свыше 300 представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, по уголовным делам о преступлениях коренных малочисленных народов Севера выявлено низкое качество подготовки таких актов реагирования. В преобладающем большинстве случаев, описательно-мотивировочная часть представлений не несет значимой в профилактическом плане нагрузки, не основана на анализе криминологически значимых детерминант совершенного преступления, не обоснована установленными в ходе расследования обстоятельствами, подтверждающими наличие тех или иных причин и условий, способствующих совершению преступлений. «Анализ материалов уголов-

ных дел позволяет сделать вывод о том, что часто при подготовке представления следователи вместо изложения фабулы преступления и обстоятельств, способствующих его совершению, копируют постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Такая техника составления описательно-мотивировочной части представления ошибочна и не должна применяться» [59]. С учетом изученных уголовных дел, с мнением С.И. Даниловой нельзя не согласиться.

Так, дознавателем ОМВД России по Надымскому району ЯНАО при производстве по делу в отношении В., совершившей преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 116 УК РФ, представление в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ внесено в службу участковых уполномоченных полиции. В описательно-мотивировочной части представления дознавателем сделан вывод, что «совершение преступления стало возможным в связи с ненадлежащей профилактической работой со стороны участкового уполномоченного в отношении обвиняемой по месту ее жительства». Из ответа на представление следовало, что «В. нарушений общественного порядка не допускала, к административной ответственности не привлекалась, поэтому, в силу приказа МВД РФ № 1166 от 31.12.2012 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» не подпадала под категорию лиц, в отношении которых участковым уполномоченным должна проводиться профилактическая работа» [180]. Несоответствие представления дознавателя ч. 4 ст. 7 УПК РФ повлекло не принятие по результатам его рассмотрения мер профилактического характера. Тогда как при более детальном изучении личности и образа жизни обвиняемой представление об устранении причин и условий совершения преступления могло быть адресовано другим субъектам профилактики, способным оказать дальнейшее позитивное воздействие на профилируемую.

Так же не выдерживает критики резолютивная часть представлений, вносимых в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ. В основной массе требования следователя и дознавателя ограничены общими декларативными формулировками, без учета полномочий и возможностей адресата, что влечет формальное рассмотрение представлений, не принятие мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. В этой связи М.И. Федоров отмечает: «в отличие от постановления следователя, которое выражает властный приказ и является обязательным для исполнения, представлению свойственны менее властный характер предписания и элементы рекомендательного характера. Такая форма реагирования диктуется тем, что устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, связано с целенаправленным урегулированием различных сторон общественной жизни, осуществляемым, как правило, вне сферы уголовного судопроизводства» [118, с. 44]. Поэтому, с учетом установленных в ходе расследования обстоятельств совершенного преступления, особенностей причин и условий, которые ему способствовали, личности обвиняемого, круга полномочий и объективных возможностей, которыми

обладает адресат представления, резолютивная часть документа может быть императивной или рекомендательной. Профилактические меры, указанные в представлении, должны быть конкретизированы, общие формулировки «усилить», «углубить», «принять меры к совершенствованию» не допустимы. Учитывая властный характер представления, изложенные в нем требования должны быть законными и обоснованными, что является неотъемлемым атрибутом его юридической силы, залогом возможности применения ст. 17.7 КоАП РФ за его умышленное не исполнение.

Например, следователем ОМВД по Пуровскому району при производстве по делу в отношении Я., совершившего преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, представление об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления, внесено руководителю ГКУ «Центр занятости населения». В резолютивной части представления сделан вывод о том, что преступление Я. совершено по причине отсутствия у него места работы. Руководству учреждения указано на необходимость рассмотрения вопроса о трудоустройстве Я. В ответе на представление указано, что «нормативным документом в сфере трудовой занятости является Федеральный закон от 19.04.1991 № 1032-1 ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», в соответствии с которым, основанием для оказания лицу услуги по трудоустройству является его личное заявление, Я. в учреждение с заявлением не обращался» [178]. Необоснованность требований резолютивной части представления, в данном случае, повлекла непринятие мер профилактического характера. Напротив, в рассмотренном случае, с учетом неоднократного привлечения Я. к административной ответственности, целесообразным было бы обратить внимание на недостатки профилактической работы со стороны участкового уполномоченного полиции по месту жительства обвиняемого.

Формальный подход к подготовке представлений, необоснованное внесение, неверное определение адресата и объема его полномочий закономерно обуславливают проблему «обратной связи» – поверхностное рассмотрение и, как итог, не принятие возможных и адекватных мер, направленных на устранение факторов, порождающих преступность, то характерно для организации предварительного расследования в целом, а не только для Ямало-Ненецкого округа. «В большинстве представлений конкретные причины и условия совершения преступления не указываются, отражается только его фабула и предлагаются меры общего профилактического характера. В результате этого практически каждое четвертое представление остается без ответа или от должностных лиц и организаций поступают «отписки», не содержащие конкретной информации» [103, с. 14].

Профилактическое значение представлений во многом зависит от своевременности их внесения в органы, которые по роду своей деятельности правомочны предпринимать необходимые меры реагирования. Эффективность представлений, в конечном итоге, зависит от фактически принятых по ним мер. В этой связи, существенное значение имеет ответ на во-

прос, связанный с субъектом контроля за исполнением представлений, который на практике либо отсутствует, либо носит формальный характер.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными документами органов расследования механизм и форма контроля за результатами рассмотрения представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, не регламентированы. В различных муниципальных образованиях округа эта работа организована по-разному, в основном она сводится к фиксации факта направления представления, и, в меньшем числе случаев, последующего поступления ответа на него. Мер к проверке реального исполнения требований следователя и дознавателя фактически не принимается. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, отсутствием конкретики в резолютивной части представления, которая не позволяет оценить фактический объем принятых мер, их достаточность и эффективность. Во-вторых, отсутствие нормативной регламентации вопросов контроля и проверки, принятых во исполнение внесенного представления мер, что обуславливает индифферентное отношение к результатам рассмотрения представления сотрудников следствия и дознания. Ведь в соответствующей графе ведомственной статистической отчетности органов расследования по форме «1-Е результаты работы следователей и дознавателей по расследованию уголовных дел» [30] речь идет именно о внесенных в ходе производства предварительного расследования уголовных дел представлениях, а не о результатах их рассмотрения и принятых мерах. Поэтому для руководителя органа расследования важен сам факт внесения представления, а вопросы куда, зачем, кому, а главное какой результат, остаются вне поля зрения должностных лиц, которые обязаны контролировать их рассмотрение, соответственно профилактический результат таких представлений равен их отсутствию.

В ходе расследования уголовного дела в отношении В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ, дознавателем ОМВД по Тазовскому району представление об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, внесено руководителю отдела государственного контроля, надзора, охраны водных биологических ресурсов и среды их обитания по ЯНАО с требованием «проводить больше рейдов и активизировать работу по охране водных ресурсов и выявлению лиц их незаконно добывающих». В соответствии с ответом, поступившим в адрес дознавателя, «сотрудниками отдела проведены дополнительные рейды» [182], при этом в ответе на представление не указано, когда, на какой территории, сколько рейдов проведено и какие в ходе их проведения получены результаты. Принимая во внимание, что площадь Ямало-Ненецкого автономного округа составляет 769 250 кв.км., проверить реальность проведения рейдовых мероприятий во исполнение требований представления дознавателя объективно не представляется возможным.

Относительно изложенных недостатков, связанных с подготовкой, внесением и рассмотрением представлений, контролем полноты рассмотрения, их решение возможно и на региональном уровне, без внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Рассмотрение указанных частных вопросов организации специально-криминологической профилактики в ходе производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных КМНС, возможно в формате упоминавшихся координационных совещаний руководителей правоохранительных органов. В частности, в резолютивной части постановления координационного совещания руководителей правоохранительных органов в качестве мер, способствующих повышению эффективности профилактической деятельности органов следствия и дознания на досудебной стадии, целесообразно закрепить принятие исчерпывающих мер по качественной подготовке представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений. Для соответствия представлений требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ определить, что их внесение возможно только после согласования руководителем органа расследования, который несет личную ответственность за качество его подготовки. Обязательное участие должностного лица, внесшего представление, в его рассмотрении, что позволит предметно обосновать в ходе рассмотрения доводы органа расследования, привести новые доказательства изложенных требований. Руководителям органов расследования и территориальным прокурорам вести постоянный учет внесенных представлений, осуществлять контроль за сроками и полнотой рассмотрения представлений, ежеквартально выборочно осуществлять проверку, с выездом на место, полноты принятых во исполнение представления мер. Реализация в ходе предварительного расследования указанных действий позволит повысить эффективность специально-криминологической профилактики следователей и дознавателей по устранению и блокированию причин и условий, способствующих совершению преступлений коренным населением.

Другим важным аспектом специально-криминологической профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера является реализация в ходе предварительного расследования комплекса мер, направленного на борьбу с алкоголизацией. В ходе настоящего исследования неоднократно отмечалась проблема превалирующего значения злоупотребления спиртными напитками в механизме детерминации преступности коренного населения, что отмечается и сотрудниками правоохранительных органов. Вместе с тем, при изучении материалов уголовных дел установлено, что в ходе предварительного расследования реальных мер, направленных на противодействие алкоголизации и дальнейшему преступному поведению коренных народов, принимается не достаточно. Как показывает практика рассмотрения судами автономного округа уголовных дел о преступлениях, совершенных представителями аборигенных народов, в большинстве случаев им назначается наказание, не связанное с лишением сво-

боды. В соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ, суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного определенные обязанности, в том числе пройти курс лечения от алкоголизма.

Вместе с тем, такого рода обязанность, которая имеет специально-криминологическую профилактическую направленность на условно осуждаемых представителей КМНС, суды возлагают далеко не всегда. Это связано с тем, что решение о возложении такой обязанности в приговоре суда должно быть мотивировано материалами уголовного дела и одного факта совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения в этом контексте недостаточно. Зачастую суд лишен возможности обосновать в приговоре решение о возложении обязанности пройти курс лечения от алкоголизма фактическими обстоятельствами, установленными в ходе расследования. Для устранения указанных недостатков, необходимо выработать и реализовать комплекс мер, направленных на устранение подобных пробелов предварительного расследования.

Субъектами реализации таких мер специально-криминологической профилактики должны выступить органы предварительного расследования, осуществляющие производство по уголовным делам в отношении представителей коренных национальностей, а также суды, в части возложения на осужденных соответствующих обязанностей. В ряде случаев, к участию в этой деятельности необходимо привлекать профильных специалистов учреждений здравоохранения.

На уровне руководителей окружных правоохранительных органов необходимо разработать и принять организационно-распорядительный документ (распоряжение, инструкцию), которым для совершенствования практической реализации требований ст.73 УПК РФ, нужно императивно закрепить обязанность лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, устанавливать в ходе предварительного расследования обстоятельства, свидетельствующие о реальной необходимости возложения на обвиняемого при рассмотрении дела судом дополнительной обязанности пройти курс лечения от алкоголизма. В частности, необходимо закрепить, что в случае совершения представителем коренного населения преступления, вне зависимости от его тяжести, в ходе предварительного расследования дополнительно необходимо: 1) допрашивать в качестве свидетелей по уголовному делу близких родственников обвиняемого, выясняя отношение последнего к употреблению спиртных напитков (периодичность, изменение поведения в состоянии алкогольного опьянения, склонность к противоправному поведению); 2) в случае, если обвиняемый состоит на специализированных учетах у психиатра и нарколога в связи с фактами стойкой алкоголизации в прошлом, допрашивать указанных специалистов в качестве свидетелей, выясняя отношение обвиняемого к проводимым с ним противоалкогольным мероприятиям, степени зависимости от алкоголя, возможностям и прогнозам дальнейшего лечения; 3) устанавливать наличие в отношении обвиняемого фактов привлечения к административной

ответственности по ст.20.21 КоАП РФ (нахождение в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения), приобщая копии соответствующих административных производств к материалам уголовных дел в качестве иных документов, характеризующих личность виновного; 4) в ходе допросов подозреваемых, в особенности несовершеннолетних, выяснять обстоятельства, свидетельствующие о вовлечении их другими лицами в употребление спиртных напитков, и при наличии оснований решать вопрос о дополнительной юридической оценке действий виновных лиц по ст. 150 УК РФ; 5) при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности, в обязательном порядке выяснять вопрос о назначении обвиняемому в прошлом обязанности пройти лечение от алкоголизма, фактическом прохождении такого лечения и его результатах; 6) в случае отсутствия данных о прошлой алкоголизации обвиняемого, проводить комплексные судебно-психиатрические экспертизы, на разрешение которых ставить вопрос о влиянии алкоголя на поведение, степени общественной опасности таких лиц в период нахождения в состоянии алкогольного опьянения, а также о наличии показаний к назначению соответствующего лечения в дальнейшем.

Сотрудникам прокуратуры в ходе осуществления надзора за уголовно-процессуальной деятельностью при поступлении в порядке ст.ст. 221 и 226 УПК РФ уголовных дел в отношении коренных жителей автономного округа необходимо давать оценку полноте мер, принятых в ходе производства по делу, для установления и процессуального закрепления указанных обстоятельств, свидетельствующих о явной необходимости назначения лечения от алкоголизма, решая, в случае не принятия таких мер, вопрос о возвращении уголовных дел для производства дополнительного расследования и устранения выявленных недостатков.

Решение в ходе предварительного расследования задач по сбору, закреплению и систематизации данной информации предоставит возможность суду положительно решать вопрос о возложении на осужденных обязанностей проходить курс лечения от алкоголизма, а значит, в определенной степени, снизить не только алкогольную детерминацию преступности, но и виктимологическую уязвимость представителей коренных национальностей.

Следующим пробельным звеном специально-криминологической профилактики в отношении коренных малочисленных народов Севера является виктимологическая профилактика, которой в практической деятельности достаточного внимания не уделяется, в связи с чем, она имеет ряд существенных проблем и резервы для повышения эффективности.

Особое значение виктимологическая профилактика приобретает при организации работы по предупреждению преступлений в отношении несовершеннолетних. Нормы, направленные на защиту детства, профилактику противоправного поведения в отношении несовершеннолетних, закреплены в Семейном Кодексе РФ [7], Федеральном законе от 24.04.2008 № 48-

ФЗ «Об опеке и попечительстве» [16], Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [10]. Правовую базу для работы по профилактике жестокого обращения с детьми образуют многие федеральные законы. «Но обилие законов и целевых программ не всегда достигает своей главной цели – защиты жизни и здоровья тысяч несовершеннолетних. Коренному перелому мешает отсутствие системности, последовательности в деятельности министерств и ведомств, органов защиты правопорядка, надзирающих органов» [69, с. 11]. О наличии проблематики свидетельствует число регистрируемых неосторожных преступлений коренных малочисленных народов Севера, по которым потерпевшими являются как несовершеннолетние, так и совершенно случайные лица.

Как отмечается в литературе, «подростковая смертность, всегда являлась актуальной социально-демографической проблемой для любого общества, а ее специфика является объектом пристального изучения многих исследователей» [104, с. 62]. При этом, «употребляя термин «несовершеннолетняя жертва», мы всегда подразумеваем применение насилия или жестокости» [111], однако, диапазон таких деяний достаточно широк и не охватывается одним противоправным насилием. В фокусе научного познания, как правило, оказываются умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления против несовершеннолетних, а неосторожным деяниям, также причиняющим последствия в виде смерти и тяжкого вреда здоровью, достаточно внимания не уделяется. Такой подход не способствует повышению уровня безопасности детей, потому что, в силу возрастной специфики, несовершеннолетние в равной степени ограничены в способности самостоятельно противостоять как умышленным посягательствам, так и неосторожным преступлениям. Кроме этого, в пользу акцентуации вопросов ювенальной виктимологической профилактики неосторожных преступлений небольшой и средней тяжести свидетельствуют проведенные статистические измерения.

Концепция виктимологической профилактики преступлений в современной науке получила достаточно широкое распространение. Между тем, результаты практической деятельности субъектов профилактики показывают, что данное направление предупредительной деятельности, по-прежнему, остается одним из слабых звеньев в работе по противодействию преступности. Об этом свидетельствует отсутствие работы по сбору и систематизации уголовно-правовых и социально-демографических данных о потерпевших, реализация этих данных при непосредственном противодействии преступности и прогнозировании такой деятельности. Фактические сбор и обобщение данных о потерпевших осуществляется исключительно на основании сведений, содержащихся в статистической карточке № 5 [26], заполняемой в ходе производства предварительного расследования, которая отражает основные, но далеко не все необходимые для качественного и глубокого анализа сведения о потерпевшем. В свою очередь, «осо-

бенности виктимологической профилактики заключаются в наличии особого объекта воздействия, в специфике методов ее осуществления, а также ее нацеленности на предупреждение виктимизации» [71], что подразумевает анализ состояния преступности и данных о потерпевших.

В науке под виктимностью понимается совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, психологических условий, которые способствуют дезаппативному стилю реагирования субъекта, приводящему к ущербу для него. Вместе с тем, при анализе виктимности детей коренных народов Севера, дополнительного учета требуют именно национальные особенности, которые при взаимодействии с небрежным поведением взрослых, обуславливают преступные последствия неосторожных действий. К факторам можно отнести: касание оленей на значительной территории и обусловленная этим «перекочовка» семей с места на место; более раннее, по сравнению с другими детьми, овладение навыками трудовой (традиционной) деятельности, с использованием орудий рыбной ловли и огнестрельного оружия; оставление детей на продолжительное время без присмотра, что продиктовано осуществлением традиционной хозяйственной деятельности, которая в условиях тундры является безальтернативной; использование национальных орудий труда и способов передвижения по пространствам тундры и Обской губы и т.д.

Изучение данных факторов и обстоятельств может и должно обусловить предупредительное, блокирующее воздействие на них, в том числе и путем реализации «непроцессуальных» средств и способов профилактики, что будет иметь свое специально-криминологическое значение в ранней профилактике как умышленных, так и неосторожных преступлений. Субъектами организации виктимологической профилактики должны выступить территориальные подразделения УМВД России по ЯНАО, прокуратура автономного округа, территории комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных образований.

Динамика преступлений, повлекших по неосторожности смерть, тяжкий вред здоровью, в том числе несовершеннолетним представителям коренного малочисленного населения, характеризуется стабильными показателями. По данным ИЦ УМВД России по ЯНАО, в период с 2010 по 2016 год на территории округа ежегодно регистрировалось от 8 до 19 преступлений, предусмотренных ст. 109 УК РФ, и до 4 преступлений, предусмотренных ст. 125 УК РФ, в половине случаев по которым потерпевшими являлись несовершеннолетние.

Администрацией автономного округа и иными субъектами профилактики осуществляется комплекс индивидуальных, адресных мероприятий, направленных на снижение криминальной уязвимости потенциальных потерпевших, в том числе несовершеннолетних, повышение уровня социального «самочувствия» тундровых семей. Принимаемые меры, имеющие широкое общепрофилактическое значение, предупреждая и пресекая нега-

тивные тенденции, не обеспечивают решения проблем, связанных с гибелью людей в результате неосторожных действий виновных лиц.

Изучение материалов уголовных дел и судебных решений свидетельствует о близости объективной стороны совершенных преступлений, что обусловлено схожестью условий совершения и незначительной вариативностью обстоятельств, в которых эти преступления совершаются. Как указывалось ранее, наиболее типичными для рассматриваемых видов неосторожных преступлений являются: причинение по неосторожности смерти при перевозке людей по тундровой местности в нартах на оленях, при транспортировании на иных средствах передвижения. Также имеются случаи, сопряженные с неосторожным обращением с огнестрельным оружием и оставлением несовершеннолетних и иных лиц без помощи и присмотра в зимний период в чуме, в безлюдной местности.

Так, в ходе производства по уголовному делу в отношении С. установлено, что С., находясь в Гыданской тундре, управлял оленьей упряжкой. В нартах вместе с ним находилась несовершеннолетняя М. В пути следования, чтобы быстрее добраться до оленьего стада, С. решил проехать по замерзшей поверхности озера. Не убедившись в прочности льда, С. выехал на лед, где под тяжестью оленьей упряжки и нарт лед проломился. В результате произошло опрокидывание пассажира М. в воду, которая в силу возраста была лишена возможности принять адекватные меры по спасению. В результате действий С. смерть несовершеннолетней наступила на месте происшествия от закрытия дыхательных путей водой [181].

Анализируя обстоятельства данного преступления, необходимо отметить, что его совершению способствовали легкомыслие лица, управлявшего упряжкой, погодные условия, не позволившие проехать по поверхности озера, особенности национального менталитета, а также несовершеннолетний возраст потерпевшей, в силу которого она была лишена принять меры по самосохранению. В результате происшедшего, негативные последствия наступили только для ребенка, тогда как С., управлявший нартами, самостоятельно выбрался на лед. Вместе с тем, одной из причин, заслуживающей внимания в данном случае и обусловившей возможность наступления указанных последствий, явился не правильный выбор средства транспортировки ребенка. Нартовый способ езды на оленях предусматривает использование мужских и женских нарт. Мужские нарты, для обеспечения возможности быстрого схождения на землю, имеют узкое сидение и только заднюю спинку, они малоустойчивы, зато более маневренные, что необходимо при выпасе и каслании оленей. Женские нарты предназначены для перевозки детей и грузов, поэтому оборудуются более широким сиденьем, в отличие от мужских, имеют переднюю, одну боковую и заднюю стенки, что обеспечивает таким нартам большую устойчивость и предотвращает выпадение детей с нарт при движении. С. при перевозке несовершеннолетней использовались нарты мужского типа, что обусловило их переверачивание и выпадение ребенка, по причине отсутствия на та-

ких нартах боковой и передней стенок. К сожалению, указанные ситуации среди коренного населения не редкость, что требует переосмысления некоторых аспектов охраны жизни и здоровья несовершеннолетних, проживающих в тундре, а также последовательной разъяснительной работы со взрослыми лицами.

В отношении потерпевших из числа аборигенного населения следует отметить, что в виктимологии существует общепризнанная аксиома, в соответствии с которой преступления могло и не быть, а начавшееся – окончиться безрезультативно, если бы предполагаемая жертва проявила предусмотрительность и дала надлежащий отпор потенциальному преступнику. В данном контексте это утверждение также верно, но с учетом определенной вероятности, связанной с отсутствием у несовершеннолетнего возможности в силу возраста проявить предусмотрительность и осознать вероятность наступления опасности до момента ее фактического наличия, применимо ни в каждом случае.

Однако низкая степень ролевого участия потерпевшего в механизме преступления не свидетельствует о не возможности применения предупредительных мер профилактического воздействия, связанных не с личностью преступника, а с обстоятельствами, характеризующими личность и состояние потерпевшего, в целях предупредительного воздействия на них. Изучение уголовных о преступлениях данной категории показывает, что для большинства неосторожных преступлений существует определенная типичность, похожесть исходных ситуаций, в которых развивается преступление, что дает основания предположить, что существует возможность на основании их анализа выработать примерный алгоритм предупреждения, так как жертва ведет себя определенным образом, а круг возможных причинителей вреда почти всегда ограничен. Данная модель ситуации по своим исходным параметрам соответствует механизму совершения неосторожных преступлений в условиях тундрового образа жизни. Но необходимо иметь в виду, что выбор тех или иных мер виктимологической профилактики зависит не только от внешних условий, но и от других факторов, поэтому в каждом конкретном случае спектр профилактических мероприятий должен осуществляться на основании учета всех характеристик реальной обстановки и не быть обусловлен только личностью гипотетического потерпевшего.

Объектом виктимологического воздействия в данном случае могут быть отношения в среде коренных малочисленных народов Севера, связанные с воспитанием и заботой о детях, использованием национальных средств передвижения, владения, хранения и использования огнестрельного оружия. Профилактическая работа должна быть направлена на принятие мер, позволяющих обеспечить личную безопасность возможной жертвы, актуализировать повышение уровня ответственности взрослых в отношении несовершеннолетних. С учетом дисперсного расселения коренных народов по территории округа наиболее эффективным будет ее проведение

на микросоциальном уровне, в масштабах места компактного проживания КМНС, в границах одного или группы кочующих чумов, с учетом специфики образа жизни, форм осуществления традиционной трудовой занятости.

Проведение профилактических мероприятий необходимо соотносить по времени с проведением праздничных или иных культурно-массовых мероприятий национального характера, для участия в которых в одно место стекается значительное число городских и кочующих представителей коренного населения. С учетом наиболее типичных обстоятельств совершения неосторожных преступлений КМНС, основным способом профилактического воздействия должно быть убеждение. Это связано, в том числе, и с тем, что к сложно-прогнозируемому, ситуативному характеру неосторожных преступлений вряд ли применимы иные способы специально-криминологической профилактики, имеющие характер принуждения.

Очевидно, что с учетом территориальной протяженности, географических особенностей местности проживания коренных народов, сезонных миграций, связанных с календарем оленей, обеспечить полный охват всего коренного населения мерами профилактического воздействия не реальная и не достижимая задача. Силами и средствами специальных субъектов профилактики невозможно обеспечить постоянного нахождения сотрудника органа внутренних дел в каждом отдельно взятом чуме или на каждом стойбище. Объем затрат в коэффициенте степени реального влияния на специально-криминологическую профилактику преступности при любой организации такого участия в жизни народов Севера не будет отвечать требованиям эффективности и разумности. Вместе с тем, в разрезе организации специально-криминологической и виктимологической профилактики существуют резервы, которые могут быть использованы для повышения эффективности проводимой виктимологической профилактики.

На территории округа зарегистрировано и функционирует свыше 30 общественных объединений коренных малочисленных народов Севера, которые юридически оформлены в виде ассоциаций, общественных движений, советов, производственных, промысловых, заготовительных хозяйствующих субъектов, созданных по национальной принадлежности. Лица, вовлеченные в состав указанных национальных общественных организаций, являются наиболее уважаемыми и социально активными представителями КМНС, имеющими знания и навыки о жизни, быте, способах ведения традиционной хозяйственной деятельности. Деятельность таких объединений, как ассоциация коренных малочисленных народов Севера «Ямал – потомкам», широко освещается в средствах массовой информации и имеет реальное значение для жизни коренного населения округа.

К аналогичному выводу о необходимости вовлечения в организацию виктимологической профилактики представителей общественности приходит Ю.С. Репецкая, указывая, что «основными субъектами осуществления виктимологической профилактики в отношении потенциальных и реаль-

ных потерпевших, наряду с правоохранительными органами, которые в основном нацелены на предупреждение криминализации, должны выступать институты гражданского общества и органы местного самоуправления» [156, с. 9-10]. Не маловажным является и то обстоятельство, что представители указанных общественных объединений и движений находятся в прямом коммуникативном контакте с тундровым населением, нередко – сами проживают в тундре, осуществляя традиционные для коренных народов Севера оленеводство и рыболовство.

С юридической точки зрения, возможность участия представителей коренных национальностей в процесс профилактики аборигенной преступности допускают положения Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». В соответствии с п. 4 ч.1 ст. 2 которого, представители КМНС, оказывающие правоохранительным органам превентивное содействие, могут быть отнесены к лицам, участвующим в профилактике правонарушений в качестве неспециализированных субъектов [21].

Не вызывает возражений тот факт, что чем выше степень соответствия субъекта объекту, тем эффективнее осуществляется управление. Данное утверждение вполне применимо при его экстраполяции в сферу профилактики, в том числе и не осторожных преступлений.

Привлечение представителей общественных объединений к участию в осуществлении специально-криминологической профилактики должно осуществляться органами внутренних дел и другими субъектами профилактики, на которые, в соответствии со специализацией, должны быть возложены функции направления деятельности таких лиц, оказание им помощи. Положительный эффект вовлечения в деятельность специализированных субъектов виктимологической профилактики представителей общественных объединений, созданных по национальному признаку, может быть достигнут за счет следующих конкурентных профилактических преимуществ: наличия знаний и навыков в сфере жизни коренных народов; наличия существенного кредита доверия КМНС в сравнении с другими субъектами профилактики; постоянным или систематическим нахождением и проживанием в национальных поселениях, что обуславливает наличие возможностей принятия предупреждающих мер на самых ранних стадиях; личным знакомством с жителями того или иного поселения, что предоставит возможность обеспечить адресную направленность мер профилактического воздействия; иными факторами, в том числе прямым указанием на то, в каких нартах безопаснее перевозить несовершеннолетнего.

Профилактический потенциал деятельности указанных лиц может быть реализован путем: внесения в уставные цели общественных объединений оказания профилактических мер коренному населению округа; поощрения такой деятельности со стороны администрации и силовых структур; применения различного вида стимулирующих факторов.

Следующим звеном, имеющим специально-криминологической потенциал, является работа правоохранительных органов по организации среди коренных малочисленных народов правового просвещения. Как указывает Ю.В. Миронова, «правовое просвещение – это деятельность по трансляции и ретрансляции на широкие слои населения правовых знаний, идей, моральных ценностей, с целью его правовой социализации» [92, с. 78].

Обязанность осуществления среди населения мероприятий по правовому просвещению законодателем возложена на все без исключения правоохранительные органы. Так, в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 10.09.2008 № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению», в деле привития гражданам уважения к закону, преодоления правового нигилизма необходимо максимально использовать имеющийся потенциал органов прокуратуры для систематического правового воспитания и просвещения населения [27].

Неоспоримая важность широкого правового просвещения среди населения, в том числе представителей коренных национальностей, связана с тем, что «соответствующий уровень правового сознания и правовой культуры предполагают наличие психологической, моральной, правовой подготовки и системы убеждений, характеризующихся признанием права, пониманием необходимости следовать его предписаниям, владение умениями и навыками реализации права. Полученные в ходе правового просвещения знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем – во внутреннюю потребность и привычку соблюдать правовой закон» [93, с. 53].

Первая и преобладающая роль в организации правового просвещения принадлежит правоохранительным органам, которыми должна проводиться постоянная работа по разъяснению требований законодательства, некоторых аспектов правоприменительной практики и другой правовой информации. По справедливому замечанию Ю.Ю. Локтионовой: «осознав, что сегодня средства массовой коммуникации не просто доводят информацию, которая вообще очень редко носит нейтральный характер, а пропагандируют, преобразовывают все стороны жизни общества, правоохранительные органы обязаны более активно включаться в коммуникационный обмен и использовать его результаты для повышения эффективности своей деятельности» [89].

Правоохранительными органами автономного округа эта деятельность должна осуществляться и в отношении целевой аудитории – коренных малочисленных народов. Такая деятельность должна быть направлена на: формирование среди коренных народов устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма; повышение уровня правовой культуры, включая уровень осведомленности и юридической грамотности; создание системы стимулов к законопослушанию, как основной модели соци-

ального поведения; внедрение в сознание аборигенного населения стереотипов добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм.

Реализация специально-криминологических мероприятий данного плана должна находить свое реальное выражение не только в систематических лекционных мероприятиях в трудовых и иных коллективах, образованных по национальному признаку, но и в размещении соответствующих материалов в сети интернет (например, на официальных сайтах УМВД России по ЯНАО и прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа). В целях повышения степени доступности правовой информации она должна публиковаться в печатных средствах массовой информации, выпускаемых на наиболее распространенных национальных языках.

Содержательное наполнение правового просвещения в средствах массовой информации должно включать информацию по разъяснению законодательства наиболее актуальных для коренного населения вопросов (например, об изменении законодательства в сфере охраны водных биологических ресурсов), а также сведения о совершенных представителями КМНС преступлениях, результатах расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Резервы для активизации предупредительной функции правового просвещения в работе правоохранительных органов автономного округа имеются, каких-либо объективных препятствий к активизации деятельности по повышению уровня правовой культуры и правовой осведомленности нет.

Приведенный выше анализ недостатков и способов совершенствования организации специально-криминологической профилактики позволяет сделать ряд выводов:

- деятельность по реализации мер специально-криминологической профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера имеет существенные недостатки, связанные с ее организацией и проблемами ведомственного контроля;

- организация статистического наблюдения преступности КМНС и региональная координация субъектов профилактики обуславливают практическое значение предлагаемых нами мер по активизации имеющегося специально-криминологического потенциала, связано, в том числе, и с тем, что их реализация не требует ни внесения изменений в действующее законодательство, ни дополнительного выделения бюджетных ассигнований, что в условиях кризисных явлений в экономике упрощает и ускоряет процесс их внедрения;

- наличие информационной базы данных, содержащей значительный объем криминологически значимых сведений уголовно-правовой и социально-демографической направленности, позволит объективно оценивать складывающуюся ситуацию и оперативно принимать адекватные ее характеру меры;

– изложенный авторами вариант координации деятельности специально-криминологических деятельности субъектов регионального уровня находится в плоскости действующего законодательства, отвечает конкретно территориальным критериям, поэтому может быть реализован в ближайшей перспективе;

– реализация в отношении коренных малочисленных народов Севера мер по противодействию алкоголизации, кроме специально-криминологической, имеет широкую социальную значимость;

– актуализация виктимологической профилактики преступности КМНС имеет существенный специально-криминологический потенциал, который может быть реализован усилением разъяснительной и просветительской работы, в том числе, с привлечением к этой деятельности представителей общественных объединений национальной направленности, что, в силу максимальной приближенности к объекту профилактического воздействия, не может не вызвать позитивного «обратного отклика» среди аборигенного населения;

– привлечение к организации профилактики преступности в соответствии с положениями Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» самих представителей индигенных народов будет способствовать повышению ее эффективности и усилить степень социального контроля в данных этнических общностях;

– правовое просвещение, как способ специально-криминологической профилактики, преступности коренного населения должен соответствовать общим тенденциям доступности и распространенности сведений правового характера в обществе, этому будет способствовать распространение такой информации правоохрнительными органами в доступных источниках и на национальных языках коренных малочисленных народов Севера.

§ 3. Профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера на индивидуальном уровне

Эффективность мер превентивного воздействия на индивидуальном уровне, в отличие от общесоциального и специально-криминологического предупреждения, всегда проявляется конкретно, выражаясь в поведении определенного лица, на которого действие таких мер направлено.

Вместе с тем, устойчивая динамика преступности коренных малочисленных народов Севера, увеличение доли тяжких и особо тяжких деяний, рост рецидивных проявлений свидетельствуют о недостатках в организации индивидуального предупреждения, обуславливая необходимость их выявления и устранения, а также поиска и практической апробации новых способов повышения эффективности индивидуальной профилактики.

В современной юридической науке под индивидуальной профилактикой преступного поведения принято понимать «протекающее в установленной правовой форме специально организованное наблюдение органов внутренних дел, уголовно-исполнительных инспекций и других субъектов за поведением лиц, которые стали им известны своей противоправной деятельностью и, согласно закону должны находиться под контролем в целях недопущения с их стороны возможных правонарушений» [138, с. 25].

Индивидуальная профилактика, несмотря на ее теоретическую и практическую разработанность, представляет собой сложный вид деятельности, так как всегда связана с конкретным человеком, его поведением, обусловленным отрицательным социальным опытом, сформированными на этой почве антиобщественными взглядами.

Как любая деятельность, предупреждение индивидуального преступного поведения имеет свою цель. Оно направлено на размывание личностной субъективной основы преступного поведения конкретного человека, нивелировку в его сознании причин и условий, которые во взаимодействии с микросредой с большой степенью вероятности провоцируют отклоняющееся поведение. Приоритетом предупредительной деятельности индивидуального уровня является такое управляющее воздействие на личность, которое предупреждает совершение лицом преступления, мотивируя к законопослушному поведению. С учетом этого, можно сделать вывод, что в качестве объекта индивидуальной профилактики выступают: личность, склонная к противоправному поведению, и социальная микросреда, оказывающая на такую личность провоцирующее воздействие.

Достижение цели правомерного поведения личности требует решения ряда задач, к которым относятся: выявление лиц, поведение которых свидетельствует о реальной возможности совершения преступлений; изучение этих лиц и причин отрицательного воздействия на них; прогнозирование индивидуального поведения; планирование мер профилактического действия; позитивное корректирующее воздействие.

Решение указанных задач и достижение цели индивидуального предупреждения преступного поведения должно отвечать ряду требований, соблюдение которых является гарантией эффективности их реализации. К числу требований можно отнести: своевременность профилактического воздействия (несвоевременное принятие мер по нивелировке причин и условий преступного поведения влечет формирование наклонностей к девиантному поведению); последовательность мер профилактики (меры индивидуального воздействия должны носить дискретный характер, не ограничиваясь реагированием на факты отклоняющегося поведения); реальность (соответствие объекту воздействия, учет индивидуальных особенностей личности и микросреды); законность (не допущение в ходе оказания мер воздействия нарушения прав личности, построение профилактической работы в соответствии с требованиями закона и на основании них). Соблюдение указанных требований в процессе оказания индивидуального профилактического воздействия является принципиально важным, так как не выполнение хотя бы одного из них делает бесполезными все усилия на этом направлении.

В рамках профилактической деятельности коренных малочисленных народов Севера на индивидуальном уровне целесообразно говорить о ранней и непосредственной профилактике, а также об оказании адресного предупредительного воздействия в целях недопущения рецидивных проявлений. Сложившиеся реалии правоприменительной практики свидетельствуют о главенствующей роли в организации индивидуальной профилактики органов внутренних дел и территориальных подразделений уголовно-исполнительной инспекции. Роль иных субъектов значительно меньше, что связано с опосредованной реализацией мер индивидуальной профилактики и спектром полномочий в этой области.

В территориальных отделах полиции осуществление мер по предупреждению индивидуального преступного поведения, в основном, возложено на подразделения полиции общественной безопасности, в том числе на участковых инспекторов полиции. Это обусловлено специфическими функциями, возложенными на этих сотрудников. Как отмечает А.И. Алексеев: «служба участковых инспекторов – центральное звено в системе профилактики, осуществляемой органами внутренних дел. Участковые инспектора как должностные лица, ближе всего стоящие к населению, осуществляют на закрепленных участках все функции профилактики» [82, с. 279].

В структуре мер профилактики, по причине максимальной приближенности и персонификации объекта воздействия, механизм предупреждения индивидуального преступного поведения, его средства, способы, пределы имеют наибольшую правовую регламентацию, закрепленную в нормативно-правовых актах, определяющих права и обязанности субъектов профилактики данного уровня. Правовую регламентацию вопросы осуществления индивидуальной профилактики имеют и в деятельности

участковых уполномоченных полиции. В ходе осуществления служебной деятельности участковый уполномоченный полиции обязан: проводить индивидуальную профилактическую работу с гражданами, состоящими на профилактическом учете; участвовать в осуществлении контроля за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них судом, в соответствии с Федеральным законом от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», запретов и ограничений; ежедневно осуществлять профилактический обход участка (Пп. 22.3, 37.6, 43 Приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [29]).

Как указывалось выше, меры индивидуальной профилактики применяются в отношении лиц, которые по имеющимся данным склонны к совершению антиобщественных действий и преступлений. Гипотетически, в зависимости от морально-психологических качеств и особенностей ситуации, преступление может совершить любое лицо, даже не имеющее криминального опыта в прошлом. Так как применять меры индивидуального профилактического воздействия в отношении неопределенного круга лиц не представляется возможным, нормативно-правовыми документами МВД РФ определен перечень оснований постановки лиц на профилактические учеты, а также категории граждан, на которых деятельность участкового уполномоченного полиции по реализации мер индивидуальной профилактики должна быть направлена.

Участковый уполномоченный полиции проводит индивидуальную профилактическую работу со следующими категориями граждан: освобожденными из мест лишения свободы и имеющими непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего; в отношении которых судом установлены временные ограничения прав и свобод и обязанности, предусмотренных федеральными законами; больными алкоголизмом или наркоманией, состоящими на учете в медицинской организации и представляющими опасность для окружающих; совершившими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющими опасность для окружающих и других лиц (П. 63 Приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [29]). Данный перечень лиц, являющихся потенциальными объектами индивидуальной профилактики, позволяет сделать вывод, что в зависимости от особенностей административного участка, граждан, требующих постоянного внимания со стороны участкового, может быть и несколько десятков, и несколько сотен, что не может не оказывать влияния на качество профилактической работы.

Индивидуальная профилактическая работа участкового уполномоченного осуществляется путем: проведения профилактических бесед с лицами, состоящими на профилактическом учете; наблюдения за поведением лиц, состоящих на профилактическом учете, их образом жизни, кругом общения; применения мер административного принуждения к лицам, состоящим на профилактических учетах и нарушающим законодательство РФ (П. 66 Приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [29]).

После того как определены должностные лица, осуществляющие индивидуальную профилактику, установлен круг граждан, в отношении которых она осуществляется, понятны способы ее ведения, необходимо перенести нормативные требования служебных документов в сферу их реального воплощения в практической деятельности участкового уполномоченного и иных заинтересованных субъектов индивидуальной профилактики в условиях крайнего Севера. Для определения эффективности мер индивидуального предупредительного воздействия целесообразно рассмотреть эту деятельность сквозь призму требований к ее осуществлению. Как указывалось выше, к таковым относятся: своевременность, последовательность, законность, реальность.

При этом, оценивая полноту соблюдения требований своевременности, последовательности и реальности необходимо иметь в виду, что речь идет о индивидуальной профилактике преступлений коренных малочисленных народов Севера. Малочисленные народы, проживающие в округе, применительно к целям индивидуальной профилактики, можно разделить на две категории: лица из числа КМНС, проживающие в населенных пунктах (не кочующие или оседлые), не осуществляющие традиционного хозяйствования; лица из числа КМНС, занятые в сфере народных промыслов, проживающие в тундровой местности, с сезонно-циклическим перекочевками.

Своевременность, последовательность и реальность предупреждения индивидуального преступного поведения, осуществляемая сотрудниками полиции и другими субъектами профилактики, в отношении лиц, проживающих в населенных пунктах с постоянной дислокацией участкового уполномоченного или иных сотрудников правоохранительных органов, не вызывает сложностей. Это связано как с возможностью посещения сотрудником полиции профилактируемого, так и с вызовом данного лица для проведения бесед в орган внутренних дел.

В свою очередь, реализация участковым уполномоченным мер по предупреждению индивидуального преступного поведения в отношении коренного населения, проживающего в тундровой местности, претерпевает затруднения, что в определенной степени снижает ее эффективность.

Поэтому оценивать своевременность, последовательность, реальность мер индивидуальной профилактики в отношении тундрового и ко-

чующего коренного населения нужно в совокупности, так как сложности в соблюдении указанных требований к индивидуальной профилактике обусловлены одними и теми же причинами.

Для реального масштабирования существующих проблем индивидуальной профилактики в отношении тундрового населения необходимо иметь в виду территориальные особенности региона. «Ямало-Ненецкий автономный округ занимает площадь более 750 000 км.кв., что в полтора раза превышает территорию Франции. Самая северная материковая точка автономного округа находится в 800 км от Северного Полярного круга, за пределами которого находится более 50 % всей территории Ямало-Ненецкого автономного округа» [201].

Из указанной информации можно сделать вывод, что осуществление предупреждения индивидуального преступного поведения в отношении лиц коренных национальностей, занимающихся национальными промыслами, отягощено проблемой территориальной удаленности. В силу традиционного жизненного уклада аборигенов Севера, национальные поселки и стойбища, как правило, не значительны по численности населения, расположены на большом отдалении друг от друга, в местах промысла рыбы или кормовых оленьих пастбищ. Это, с точки зрения рационального использования сил и средств органов внутренних дел, не позволяет обеспечить в каждом из них постоянную дислокацию сотрудника полиции. Поэтому профилактические мероприятия проводятся эпизодически, в ходе осуществления рейдовых мероприятий, либо проведении проверочных мероприятий по сообщениям об особо тяжких преступлениях, требующих личного посещения национальных поселений. Кроме этого, в силу удаленности, посещение ряда поселений возможно лишь с использованием воздушного транспорта, что также требует значительных материальных вложений.

Территориальные характеристики региона не является обстоятельством, упраздняющим необходимость проведения индивидуальной профилактической работы и оправдывающим бездействие уполномоченных лиц, а лишь накладывает на эту работу специфические особенности. Поэтому именно в силу недостатков в организации работы в этой сфере правоприменительной деятельности возможны случаи, аналогичные приведенному ниже.

Так, Л., находясь в чуме, расположенном в Антипаютинской тундре, распивал спиртные напитки с ранее знакомым Т. При совместном употреблении спиртных напитков, между Л. и Т. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произошла ссора. В ходе ссоры Л., действуя умышленно, с целью убийства нанес Т. 11 ударов ножом в область грудной клетки. После этого Л., используя нож, произвел полное отчленение головы от туловища, а также осуществил разрез передней стенки грудной клетки и полное отделение сердца от крупных кровеносных сосудов, с последующим разрезом сердца через всю толщу органа.

В ходе производства предварительного расследования по уголовному делу было установлено, что ранее в 2012 и 2013 годах Л. уже был осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч.1 ст.119 УК РФ, ему было назначено условное лишение свободы. Кроме этого, на момент совершения убийства Т., в производстве суда находилось уголовное дело в отношении Л. также по факту совершения им преступления, предусмотренного ч.1 ст.119 УК РФ. По этой причине, в отношении Л. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. На основании Приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31.12.2012 № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» он состоял на профилактическом учете в территориальном отделе полиции [190]. Ни избранная в отношении Л. мера пресечения, ни проводимая в отношении него профилактическая работа положительного влияния не оказали. При анализе данной ситуации возникает закономерный вопрос, почему это преступление стало возможным и каким образом предупредить подобные проявления.

Во-первых, необходимо повысить персональную ответственность субъектов индивидуальной профилактики за ее реальные результаты и уровень ведомственного контроля над ней. В соответствии с требованиями Приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31.12.2012 № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» и Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении инструкции по организации исполнения наказания и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [28], в отношении лиц, ранее осужденных за совершение преступлений и склонных по своему поведению к совершению новых, сотрудниками территориальных отделов полиции и уголовно-исполнительных инспекций заводятся индивидуальные дела. Как было установлено, в ходе расследования уголовного дела в отношении Л., он также состоял на специализированных учетах. Изучением прокуратурой района соответствующих дел в отношении Л. было установлено, что в делах имеются рапорты сотрудников, свидетельствующие о проведении с ним индивидуальных профилактических бесед. Вместе с тем, соответствующие рапорты личных подписей профилактируемого Л., удостоверяющих реальность проведения мероприятий, не содержат. Кроме этого, сам Л. при опросе его сотрудником прокуратуры пояснил, что профилактические мероприятия в те даты, которые были указаны в рапортах, с ним не проводились.

Кроме этого, на решение задач индивидуальной профилактики и предупреждение рецидива преступлений направлено действие Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Статьей 2 указанного закона определено, что «административный надзор устанавливается для предупреждения совершения лицами преступлений и других правонару-

шений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов» [18]. В этих целях на лиц, имеющих не снятую в установленном законом порядке судимость, на основании судебного решения накладываются ограничения. На основании статей 8 и 12 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ, наблюдение за соблюдением поднадзорным лицом установленных в отношении него административных ограничений, а также за выполнением им предусмотренных законом обязанностей, осуществляется органом внутренних дел по месту жительства или пребывания поднадзорного лица. При осуществлении административного надзора органы внутренних дел обязаны вести с поднадзорным лицом индивидуальную профилактическую работу, направленную на предупреждение совершения им преступлений и других правонарушений. Вместе с тем, как и в указанном выше случае, ненадлежащее проведение работы с Л., состоявшим на профилактических учетах, так и при реализации положений закона об административном надзоре в практической деятельности территориальных отделов полиции автономного округа нередко выявляются недостатки, связанными как с формальным подходом к организации индивидуальной профилактики, так и подменой мер профилактики составлением отчетов о проделанной работе.

Так, прокурором Ямальского района автономного округа при проверке исполнения территориальным отделом полиции возложенных Федеральным законом от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» обязанностей по осуществлению индивидуальной профилактики, изучены личные дела лиц, в отношении которых установлен административный надзор. Изучением личного дела Х. установлено, что в соответствии с имеющимися в материалах дела рапортами участкового уполномоченного полиции, мероприятия по индивидуальной профилактике проводились в отношении Х по месту жительства с интервалом в 2 недели. Вместе с тем, в ходе личной беседы с поднадзорным Х., установлено, что на протяжении 2 месяцев он проживает по другому адресу, профилактических мероприятий в отношении него не проводилось, участковому уполномоченному о смене места жительства Х. не сообщал и данные о его фактическом месте проживания в личном деле поднадзорного отсутствуют [171].

Во-вторых, в укрупненных поселениях, где наличие сотрудника полиции возможно и целесообразно, проведение индивидуальной профилактической работы осложнено национальным менталитетом, традициями, обычаями, правовой безграмотностью, а также враждебным отношением оленеводов к представителям власти. В практике работы сотрудников полиции не редки факты конфликтов с коренным населением, которые обусловлены правомерными действиями сотрудников полиции по пресечению правонарушений и преступлений, что враждебно воспринимается местным населением. Так, приговором Тазовского районного суда за применение к

сотруднику полиции насилия, не опасного для жизни и здоровья (ч.1 ст.318 УК РФ), признан виновным Х. Судом установлено, что Х. в дневное время, в состоянии алкогольного опьянения, находился в месте скопления людей, где нарушал общественный порядок. Сотрудником полиции было предложено Х. проследовать в опорный пункт для составления в отношении него административного протокола по ст. 20.21 КоАП РФ. Однако Х. с целью мести сотруднику правоохранительных органов за его законную деятельность применил в отношении последнего физическое насилие [185]. И преступления такого характера среди коренных малочисленных жителей автономного округа не являются исключением.

Требование законности осуществления мер индивидуальной профилактики означает полное соответствие этой деятельности нормативным предписаниям, без недопущения фактов необоснованного умаления основных прав и свобод граждан.

С учетом приведенных выше примеров, можно сделать вывод, что организация индивидуальной профилактической работы в отношении представителей коренных малочисленных народов не всегда отвечает предъявляемым к ней требованиям. Не соответствие профилактической работы заданным параметрам своевременности, последовательности и реальности влияет на уровень преступности, отягощает ее повторные и рецидивные характеристики.

Кроме этого, необходимо выделить еще один критерий организации индивидуальной профилактики, который имеет существенное значение для ее эффективности и достижения конечного результата по предупреждению преступлений и противоправного поведения. Необходимо указать на комплексный характер индивидуальной профилактики, то есть применение субъектами предупредительной деятельности всего комплекса средств профилактического воздействия.

В индивидуальной профилактике преступного поведения применяется система методов, направленных на коррекцию отрицательных личностных характеристик профилируемого лица и позитивное воздействие на его социальную среду, которая имеет нормативное закрепление. В соответствии с п. 66 Приказа МВД России от 31.12.2012 № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции», индивидуальная профилактическая работа участкового уполномоченного полиции включает: проведение бесед с лицами, состоящими на профилактическом учете; наблюдение за поведением лиц, состоящих на профилактическом учете, их образом жизни, кругом общения; применение мер административного принуждения к лицам, состоящим на профилактических учетах и нарушающим законодательство РФ.

Вместе с тем, реализация мер индивидуальной профилактики обязательно должна носить комплексный характер, быть адекватной складывающейся ситуации и преследовать цель не только назначения наказания, соразмерного тяжести совершенного проступка, но в обязательном поряд-

ке стимулировать дальнейшее законопослушное поведение лица. Изучение личных дел лиц, состоящих на профилактических учетах в территориальных отделах полиции, показывает, что организации этой работы не хватает комплексного характера. Предупредительная деятельность в основном сфокусирована на методе принуждения, как наиболее репрессивном и наименее затратном. В ряде случаев такой подход к организации профилактической деятельности имеет результаты прямо противоположные целям и задачам индивидуального позитивного воздействия.

На существенные недостатки, связанные с отсутствием комплексного подхода при организации индивидуальной профилактики, имеющие отягощенные социальные последствия, указывают материалы уголовного дела по факту обнаружения трупа П. В ходе расследования уголовного дела установлено, что П., в состоянии алкогольного опьянения, с целью самоубийства причинила себе проникающее ранение передней стенки грудной клетки слева. Вместе с тем, при производстве по уголовному делу следователем были приняты исчерпывающие меры, направленные на установление данных о личности П. и определение ее объективного социального портрета. Из материалов дела следовало, что П., являясь совершеннолетним представителем коренных малочисленных народов Севера, проживала в предоставленной администрацией сельского поселения квартире, совместно с двумя несовершеннолетними детьми и мужем, не осуществляла традиционных видов хозяйственной деятельности, но была на постоянной основе трудоустроена в должности младшего медицинского персонала в районном учреждении здравоохранения, к уголовной и административной ответственности не привлекалась. Незадолго до самоубийства П. развелась с мужем, который стал проживать отдельно. По причине семейного неблагополучия, П. начала систематически употреблять спиртные напитки. Так как совместно с П. проживали ее несовершеннолетние дети, она по рекомендации комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав прошла противоалкогольное лечение. Вместе с тем, лечение положительного результата не оказало, П. вновь стала злоупотреблять спиртными напитками, зависимость от которых усилилась. По причине неоднократного появления на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения, П. была уволена за нарушение трудовой дисциплины. Отсутствие постоянного заработка повлекло невозможность П. выполнять имеющиеся кредитные обязательства и по иску кредитора в отношении нее было возбуждено исполнительное производство о принудительном взыскании. Кроме этого, П. нарушила требования Федерального закона от 19.04.1991 № 1032-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», что выразилось в ее неоднократной неявке без уважительных причин в территориальный отдел Центра занятости населения, в связи с чем, ей было отказано в присвоение статуса безработной и назначении соответствующего социального пособия. Ввиду систематического пьянства территориальной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав был инициирован вопрос о ли-

шении П. родительских прав в отношении ее несовершеннолетних детей, на которых она оказывала негативное влияние, ставя их в социально опасное положение. Под давлением указанных обстоятельств П. покончила жизнь самоубийством. Изучением личного дела П. было установлено, что за несколько часов до самоубийства, П. по месту жительства посещал участковый уполномоченный, который в связи с ее нахождением дома с несовершеннолетними детьми в состоянии алкогольного опьянения привлек ее к административной ответственности по статье 5.35 КоАП РФ (ненадлежащее исполнение родителями обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних). Кроме этого, на протяжении нескольких месяцев до самоубийства участковым уполномоченным полиции П. неоднократно привлекалась к административной ответственности по ст.5.35 и ст.20.21 КоАП РФ. Объективных данных о том, что при организации индивидуальной профилактической работы в отношении П., кроме метода административного принуждения, применялись другие способы профилактического воздействия, ее личное дело не содержало [183]. Бесспорно, что сотрудником полиции меры административного принуждения применялись обоснованно и в соответствии с требованиями действующего законодательства. Вместе с тем, такой узкий репрессивный подход к индивидуальной профилактике с П. только усугубил ситуацию и не был эффективным. Как отмечает П.В. Жестеров «сугубо репрессивные средства разрешения социальных конфликтов, несмотря на кажущийся их внешний позитивный эффект обладают достаточно низкой результативностью. Вынужденность использования репрессивных мер в постоянном режиме изменяет стереотипы мышления, устраняя возможности поиска компромиссных моделей разрешения конфликтных ситуаций» [67]. Реализация субъектами профилактики в отношении П. комплексного метода оказания социальной помощи могла иметь совершенно другие, позитивные результаты.

Состоящая на профилактическом учете П. проживала в населенном пункте с постоянным пребыванием сотрудника полиции, осуществление же мер индивидуальной профилактики в отношении лиц, состоящих на профилактических учетах и проживающих в тундровой местности, вряд ли может отвечать требованиям своевременности и последовательности. В период каслания оленей у должностных лиц, помимо самой возможности проведения профилактических бесед, зачастую отсутствуют сведения о фактическом местонахождении в тундре лиц, в отношении которых проведение мер по позитивной коррекции их поведения является обязательным, отсутствует возможность наблюдения за их поведением, выявлением отрицательных факторов микросоциальной среды.

В этой связи следует отметить, что в Российской Федерации в настоящее время возрождаются процессы привлечения к осуществлению профилактической деятельности общественных институтов гражданского общества. В регионах России такое содействие общественности осуществля-

ется в разных формах – от посещения трудных подростков членами общественных патриотических движений до привлечения сотрудников частных охранных предприятий к патрулированию улиц совместно с сотрудниками полиции. Такие меры специально-криминологической профилактики имеют свой положительный эффект. Вместе с тем, применительно к преступности коренных малочисленных народов Севера, особенно той их части, которая проживает в тундре, использование таких форм привлечения общественности вряд ли возможно. В такой ситуации органам внутренних дел и другим субъектам индивидуальной профилактики необходимо активнее вовлекать представителей непосредственно самих коренных малочисленных народов Севера, имеющих устойчиво позитивную социальную направленность.

Изложенное со всей очевидностью показывает, что осуществление мер по индивидуальной профилактике преступного поведения в заполярном регионе сопряжено с рядом дополнительных трудностей, обусловленных территориальным фактором, а также национальными особенностями проживания и осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности. Вместе с тем, несмотря на наличие существенных сложностей осуществления индивидуальной профилактики преступности среди коренных малочисленных народов Севера можно выделить ряд практических мер, которые при их последовательной реализации позволят повысить результативность этой деятельности. К числу таких мер можно отнести:

1) изменение подхода к ведомственной оценке результатов проведения индивидуальной профилактической работы, в том числе в отношении лиц, находящихся под административным надзором, введение практики контрольных опросов руководством отделов полиции лиц, состоящих на профилактических учетах;

2) привлечение на вакантные должности участковых уполномоченных полиции в сельской и тундровой местности представителей коренных народов Севера, что позволит поднять на более высокий уровень степень доверия тундрового населения к представителям власти;

3) привлечение к реализации мер индивидуальной профилактики лиц из числа наиболее уважаемых и пользующихся авторитетом представителей коренного населения, с возможностью их материального стимулирования;

4) отказ от преимущественной реализации в сфере индивидуальной профилактики метода административного принуждения и смещение акцента персонифицированного предупредительного воздействия к комплексному подходу в его организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование автохтонной преступности Севера России дает возможность говорить о наличии корреляционной зависимости состояния такой преступности от фактического статуса аборигенных народов в обществе. Подобная обусловленность преступности коренных народов характерна не только для России, но и других стран мира, где они проживают. В зависимости от приоритетов государственной политики, вопросы правового положения «первых наций» в мире решались по-разному, иногда диаметрально противоположными способами, что оказывало влияние на дальнейшее существование народов и уровень их преступности. Показательны в этом плане исторические аспекты социализации в преобладающее общество исконных народов Америки и Канады.

Политика люстрации по национальному признаку и насильственная ассимиляция американских индейцев завершилась растворением коренных национальностей в резервациях. При молчаливом согласии общества, в настоящее время о десятках аборигенных племен напоминают преимущественно национальные топонимы, сохранившиеся в названиях 38 из 50 штатов Америки [202]¹. И ревитализация коренных американцев вряд ли объективно возможна.

В 1999 году на севере Канады образована национальная провинция Нунавут («Наша земля»). Инуитам, коренным жителям Канады, при финансовой поддержке центральной власти предоставлен весь спектр прав: от самоуправления до экономической деятельности. Проведенный несколько лет спустя мониторинг показателей жизнедеятельности провинции зафиксировал повышенный, в сравнении со средним по стране, уровень преступности и самый большой в Канаде процент самоубийств [90, с. 26]. Практически неограниченная реализация национальных устремлений не решила имевшихся противоречий. Поэтому реакцией на нестабильность стал рост суицидов, что, по мнению Э. Дюркгейма, всегда связано с социальной напряженностью [63, с. 152]².

В процессе развития общественных институтов и промышленного освоения арктических территорий, формы отношения к аборигенным народам в России прошли свой путь: от патернализма до сотрудничества. Его окончательное оформление не завершено, вопросы совершенствования публично-правового регулирования жизнедеятельности этих народов актуальны до настоящего времени.

В современной России коренные малочисленные народы Севера проживают в 28 субъектах Российской Федерации, их отличают особенности менталитета и самобытность. Имея одну историческую судьбу, суще-

¹ Индейцы составляют 1,6 % населения США, при этом, 72 % из них утратили навыки национального общения и никаким языком кроме английского не владеют

² Процент самоубийств зависит только от социологических причин, контингент добровольных смертей определяется моральной организацией общества».

ствуя в равных природных и социальных условиях, народы Севера России обнаруживают схожие черты. По этой причине проведенное авторами исследование преступности коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа актуально и для других субъектов Российской Федерации, на территории которых проживают указанные демосы.

Обобщение нормативно-правовых актов и научных работ по вопросам КМНС показывает – вне зависимости от места коренных народов Севера в структуре преобладающего общества, проблематика преступности данной социальной группы не попадает в поле зрения криминологов и правоприменителей. А с учетом растущего уровня аборигенной преступности, расширения ее видового состава, молчаливая позиция вряд ли обоснована, индифферентность препятствует достижению криминологической цели – профилактики преступности в северных регионах страны.

Изучение преступности народов Севера России, кроме специальных криминологических задач описания и прогноза преступности, преследует и более широкие цели – выявление и противодействие фоновым явлениям противоправного поведения, имеющим отягощенные социальные последствия. Реальное положение аборигенных народов свидетельствует, что существующие препятствия на пути своего исторического развития ими самостоятельно преодолены быть не могут. Возникает необходимость, без повторения фатальных ошибок других государств, обеспечить внешнее управляющее воздействие на социальные процессы в локальных этнических сообществах. Кроме противодействия преступности, в общесоциальном контексте, это имеет значение для их выживания и сохранения в преобладающем социуме. Именно поэтому в дискурсе криминологии, как науки социального спектра, должны находить отражение вопросы изучения этнических противоправных проявлений – преступности коренных малочисленных народов Севера. В глобальном онтологическом понимании роли криминологии в обществе, как наукоемкого инструмента в борьбе с преступностью, такая деятельность преследует цель гармонизации общественных отношений.

**Видовая структура преступности КМНС в сравнении с показателями преступности
по автономному округу и Российской Федерации**

Совершено преступлений:	2012			2013			2014			2015			2016		
	РФ	ЯНАО	КМНС	РФ	ЯНАО	КМНС	РФ	ЯНАО	КМНС	РФ	ЯНАО	КМНС	РФ	ЯНАО	КМНС
	2 302 168	9 121	764	2 206 249	9 150	763	2 166 399	9 008	824	2 388 476	9 608	945	2 160 063	8 000	812
убийство или покушение на убийство	13 265	74	21	12 361	67	18	11 813	59	17	11 496	75	15	10 144	57	15
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	37 091	239	54	34 786	210	52	32 686	195	41	30 167	162	41	27 442	132	11
из них, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего	8 046	45	15	7 529	43	11	6 935	21	9	6 288	38	6	5 546	24	8
изнасилование и покушение на изнасилование	4 486	45	6	4 246	26	7	4 163	13	1	3 936	18	5	3 893	23	12
Против собственности	1 212 892	4 232	324	1 195 676	4 035	276	1 141 600	3 783	316	1 397 391	4 314	277	1 232 421	3 530	262
кража	922 238	3 160	265	922 562	3 025	245	891 946	2 806	286	1 018 451	3 100	247	871 084	2 456	228
мошенничество	161 969	847	17	164 629	821	9	159 314	817	6	200 598	1 082	14	208 496	971	8
грабеж	110 063	190	36	92 069	151	20	76 181	139	21	72 739	97	16	61 524	88	24
разбой	18 622	35	6	16 416	38	2	14 159	21	3	13 642	35	0	11 416	15	2
неправомерное завладение транспортным средством	40 614	219	42	37 451	182	32	33 981	177	39	29 699	187	35	24 1690	158	31
экологические преступления	27 583	154	28	24 728	108	22	25 526	118	21	24 856	88	35	23 628	52	24
преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств	218 978	966	5	231 462	1 150	5	253 517	1209	10	236 939	1 117	3	201 165	635	2
преступления, связанные с незаконным оборотом оружия	19 175	87	15	19 436	97	24	19 715	81	18	19 424	95	26	18 861	84	20
угроза убийством	80 854	305	73	83 487	368	104	84 315	320	108	80 801	271	89	70 258	209	51

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957 - 1990. Т. II.- Женева: Международное бюро труда. 1991. С. 2193-2207.
2. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13.09.2007 года [Электронный ресурс]/ Режим доступа: // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights (дата обращения: 15.02.2017 г.).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 07.03.2017) // Российская газета. 1995. 25 ноября.
5. Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ред. от 03.07.2016) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст.1913.
6. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 06.07.2016) // Российская газета. 1995. 18 августа.
7. Семейный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Российская газета. 1996. 27 января.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 15.11.2016)// Российская газета. № 9. 16.01.1997.
9. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015) // Российская газета. 1999. 12 мая.
10. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 1999. 30 июня.
11. Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013) // Российская газета. 2000. 25 июня
12. Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ред. от 31.12.2014) // Российская газета. 2001. 11 мая.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.03.2017)// Российская газета, № 249, 22.12.2001.
14. Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 2004. 23 декабря.
15. Федеральный закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ред. от 28.03.2017) // Российская газета. 2007. 06 декабря.
16. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 28.11.2015) // Российская газета. 2008. 30 апреля.
17. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) // Российская газета. 2011. 08 февраля.
18. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (ред. от 28.12.2013)// Российская газета. 2011. 08 апреля.
19. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) // Российская газета. 2012. 31 декабря.
20. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 28.03.2017) // Российская газета. 2013. 12 апреля.
21. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»// Российская газета. № 139. 28.06.2016.
22. Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») (ред. от 07.12.2016) // Российская газета. 1996. 05 мая.
23. Постановление Совета Министров РСФСР от 01.06.1957 № 501 «О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народов Севера».
24. Постановление Правительства РФ от 07.03.2000 № 198 «О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 12. Ст.1286.
25. Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 25.08.2015) // Российская газета. 2000. 05 апреля.
26. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от

- 20.02.2014) «О едином учете преступлений» // Российская газета. 2006. 25 января.
27. Приказ Генпрокуратуры РФ от 10.09.2008 № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» (ред. от 22.04.2011) // Законность. 2008. № 10.
28. Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (ред. от 22.08.2014) // Российская газета. 2009. 14 августа.
29. Приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» (ред. от 08.09.2016) // Российская газета. 2013. 27 март.
30. Приказ Генпрокуратуры России от 20.02.2015 № 83 «Об утверждении и введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ» // Документ опубликован не был.
31. Устав (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 1998 г. № 56-ЗАО (ред. от 04.01.2016) // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа. 1998. № 10/1.
32. Закон ЯНАО от 28.12.2005 № 114-ЗАО «О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих виды традиционной хозяйственной деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (ред. от 21.12.2015) // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа. 2005. № 11/2.
33. Закон ЯНАО от 06.10.2006 № 49-ЗАО «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в ЯНАО» (ред. от 06.06.2016) // Красный Север. 13.10.2006 г. № 119/1 (спецвыпуск № 73-74).
34. Закон ЯНАО от 10.01.2007 № 12-ЗАО «О здравоохранении в Ямало-Ненецком автономном округе» (ред. от 25.11.2016) // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа. 2006. № 11-1.
35. Закон ЯНАО от 05.04.2010 № 38-ЗАО «О профилактике правонарушений в Ямало-Ненецком автономном округе» (утратил силу 27.02.2017) // Красный Север. Спецвыпуск 09.04.2010. № 40.
36. Закон ЯНАО от 24.12.2012 № 148-ЗАО «О Программе социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012 - 2016 годы» (ред. от 28.11.2016) // Красный Север. Спецвыпуск № 112/1. 30.12.2012.

37. Закон ЯНАО от 27.06.2013 № 55-ЗАО «Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе» (ред. от 20.12.2016) // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. 2013. № 5-1.
38. Постановление Правительства ЯНАО от 17.08.2015 № 776-П «О формах отчетности по профилактике правонарушений на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (ред. от 02.02.2017) // Красный Север. Спецвыпуск № 62/2. 25.08.2015.

Специальная литература

39. Александров А.Н., Плешаков А.М. Понятие профилактической работы в деятельности органов следствия на досудебных стадиях // Административное и муниципальное право. 2012. № 1.
40. Андриченко Л.В. Правовой статус национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005.
41. Анисимова С.Г., Присяжный М.Ю. Социально-экономические проблемы, девиации и форсайт северных народов (на материалах республики Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. 2013. том 9. № 4.
42. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004.
43. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юрист, 1996.
44. Аракчаа К.Д. Коренные малочисленные народы России: политика и право // Социология власти. 2011. № 3.
45. Арестов А.И. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью: Монография // СПС КонсультантПлюс. 2007.
46. Белявский Ф.М. Поездка к ледовитому морю. М. 1833.
47. Варчук Т.В. Криминология. М., 2002.
48. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2014.
49. Волошин А.В. Анализ современного состояния преступности в РФ // Проблемы права. 2012. № 6.
50. Волошин П.В. О некоторых вопросах профилактики насильственных преступлений против собственности мерами специально-криминологического предупреждения // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 36 (174).
51. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2009.
52. Гилинский Я.И. Социальное насилие. Монография. СПб., 2013.
53. Гилинский Я.И. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова) // Экономика и право. СПб., 2009.

54. Гоголев П.В. Международно-правовое признание и охрана самобытности коренных народов // Международное публичное и частное право. 2014. № 6.
55. Гоголев П.В. Север России и коренные малочисленные народы как объекты государственного интереса: правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8.
56. Голик Ю.В. Случайный преступник. Монография. Томск, 1984.
57. Грошева И.А. Социологический анализ механизмом формирования девиантного поведения личности: Монография. Тюмень, 2006.
58. Гуринская А.Л. Международные стандарты и зарубежный опыт противодействия преступлениям ненависти // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2010. №123.
59. Данилова С.И. Проблемы законодательной регламентации и реализации процессуальных и непроцессуальных форм профилактики преступлений в ходе досудебного производства // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс] (дата обращения: 26.02.2017 г.).
60. Дерюга А.Н. Порядок применения ст. 17.7 КОАП России в отношении лиц, не реагирующих на представление дознавателя // Административное право и процесс. 2012. № 3.
61. Долгова А.И. Региональное изучение преступности и некоторые криминологические проблемы Крайнего Севера/Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера. Под ред. А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, М., 2015.
62. Дюркгейм Э. Норма и патология// Социология преступности. – М., 1966.
63. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд/Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994.
64. Емцева К.Э. Общесоциальные меры предупреждения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Российский следователь. 2014. № 12.
65. Ендольцева А.В., Никитин А.М. Пьянство, его истоки и криминологическая сущность // Российский следователь. 2013. № 12.
66. Еремишин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости. М., 2006.
67. Жестеров В.П. Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе: монография / под науч. ред. Г.Ю. Лесникова. М., 2016.
68. Загайнова Ю.В. Состояние, структура и динамика преступности в сфере незаконного оборота оружия в Восточно-Сибирском регионе России//Российский следователь. 2006. № 10.
69. Зарипова Г.А. Противодействие преступлениям в отношении несовершеннолетних // Законность. 2011. № 1. С.11.
70. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII-XIX вв.): монография/ В.А. Зибарев; под ред. И.С. Вдовина. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1990.

71. Иванова Л.М. Виктомологическая профилактика в системе предупреждения преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2013. № 22.
72. Ильченко О.Ю., Хорошилова А.А. Криминологическая характеристика женской преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 3.
73. Исаев О.Ю., Ларичев В.Д. Понятие и характеристика основных субъектов предупреждения преступлений в сфере экономики в современных условиях // Общество и право. 2010. № 1.
74. Карпович О.Г. Актуальные вопросы борьбы с коррупцией в России // Российская юстиция. 2010. № 4.
75. Каширина О.Н. Реализация раннепрофилактических мероприятий по предупреждению преступности органами прокуратуры // Законность. 2015. № 1.
76. Кибизов А. Криминологические проблемы предупреждения преступности на почве национальных конфликтов // Виртуальный клуб юристов [Электронный ресурс] / Режим доступа: // www.yurclub.ru (дата обращения: 10.08.2015 г.).
77. Кириллов М.А., Мешкова А.В., Панченко П.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения в семейно-бытовых и досуговых отношениях. Монография. Нижний Новгород, 2010.
78. Кобец П.Н. Профилактика преступности как сложный, многогранный процесс в условиях России начала второго десятилетия XXI столетия // Российский следователь. 2012. № 20.
79. Кобец П.Н. Современное состояние теории предупреждения преступности и ее роль в оптимизации борьбы с преступлениями // Российская юстиция. 2012. № 1.
80. Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» / под ред. О.Л. Дубовик. М., 2010.
81. Конев А.Ю. «Иногородцы» российской империи: к истории возникновения понятия. Журнал Теория и практика общественного развития. 2014. № 13.
82. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: Монография / А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. М., 2001.
83. Кряжков В.А. Права коренных малочисленных народов России: методология регулирования // Государство и право. 1997. № 1.
84. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.
85. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969.
86. Ларичев В.Д. Общесоциальное предупреждение преступности. Что это, вид криминологического предупреждения преступности или просто поступательное развитие общества? (Постановка вопроса) // Общество и право. 2011. № 1.

87. Ларичев В.Д. Правовые меры предупреждения преступности в сфере экономики // Безопасность бизнеса. 2014. № 1.
88. Лобзов К.М. «Личность» как субъект и объект правоотношений в современном законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) // Юридическая психология. 2014. № 2.
89. Локтионова Ю.Ю. Понятие и значение привлечения населения к расследованию и профилактике преступлений // Общество и право. 2009. № 3.
90. Лопуленко Н.А. «Опыт автономии в канадской Арктике – Нунавут» РАН, институт этнологии и антропологии, Москва, 2004.
91. Луговенко Т.П. Влияние нравственно-этической деформации на криминализацию женщин // Преступность и духовность: материалы международной научно-практической конференции. Псков, 21-23 сентября 2007 г. М., 2008.
92. Миронова Ю.В. О понятии «правовое просвещение» // Административное право и процесс. 2013. № 2.
93. Мирошник Е., Пантелеев Б., Фурсова И. Правовое просвещение молодежи // ЭЖ-Юрист. 2013. № 16.
94. Моисеенко В.В., Фролова Е.А. Социальное государство vs социальное иждивенчество // Вестник ТГПУ. Томск. 2014. № 8.
95. Мухаметжанов Д.Р. К вопросу о криминогенных детерминантах преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера // Российский следователь. 2012. № 20.
96. Оноколов Ю.П. Теоретические аспекты определения понятий, связанных с предупреждением преступности // Миграционное право. 2011. № 3.
97. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Историческая наука: история и современность. 2013. № 11.
98. Петренко А.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в экономической сфере, органами внутренних дел // Российский следователь. 2011. № 7.
99. Полубояринова А.Н. Криминологический анализ детерминант преступности против интересов службы в органах местного самоуправления // Российский следователь. 2011. № 18.
100. Попков Ю.В. О концепции устойчивого развития народов Севера // ЭКО. 2011. № 9. С. 71-88. [Электронный ресурс] / Режим доступа: // <http://ecodelo.org> (дата обращения: 20.07.2015 г.).
101. Попова С.А. Криминологический анализ детерминант женской насильственной преступности // Российский следователь. 2007. № 23.
102. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. М., 2005.
103. Рязова Г.Н. Представление следователя об устранении причин и условий, способствующих вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений, как одна из наиболее распространенных мер профилактического воздействия // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 5.

104. Савельев А.И. Несовершеннолетние жертвы преступлений как объект виктимологического исследования// Психопедагогика в правоохранительных органах. № 1 (48). 2012.
105. Сапрунов А.Г. Понятие и основное содержание профилактики социальных отклонений несовершеннолетних // Общество и право. 2011. N 2.
106. Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности ОВД. М., 1984.
107. Симоненко А.В. Криминологическое познание культуры в контексте теоретического наследия отечественной криминологии// Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30).
108. Скифский И.С. Социальные факторы насильственной преступности в России // Российский юридический журнал. 2011. № 6.
109. Слезкин, Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Юрий Слезкин; авторизов. пер. с английского О. Леонтьевой; предисл. П. Верта; 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2017.
110. Смирнов А.М. Социально-психологические детерминанты самосуда в России // Юридическая психология. 2013. № 4.
111. Степанова М.А. Виктимологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних// Проблемы правоохранительной деятельности № 4. 2015.
112. Сулипов Р.С. Понятие и признаки правовых традиций: теоретический аспект// Вестник Пермского университета. 2010. № 4 (10).
113. Токмаков Д.С. Анализ статистики насильственной преступности несовершеннолетних в России// Общество и право. 2009. № 5.
114. Транин А.А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов российского севера (проблемы и перспективы). Монография. М., 2010.
115. Уваров И.А. Пенитенциарная профилактика преступлений (основные понятия) // Российский следователь. 2006. № 7.
116. Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий. Под ред. Л.Л. Кругликова и Э.С. Тенченова. Ярославль: Влад. 1994.
117. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года// Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. 120 с. С. 394-416 [Извлечение]. URL: <http://iltumen.ru/node/576>
118. Федоров М.И. Внесение представления следователем – как одна из мер, направленная на предупреждение преступлений // Российский следователь. 2012. № 6.
119. Филатова М.А. Современные вопросы позитивной дискриминации в контексте практики конституционных судов // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4.
120. Хагуров Т. Человек потребляющий. Антропологическая девиантология массовой культуры. Германия. 2011. [Электронный ресурс]. Режим до-

ступа://http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Khagurov-Chelovek_potreb-
lyayuschiy.pdf (дата обращения: 10.08.2016)

121. Хакназаров С.Х. Коренные малочисленные народы севера: вопросы устойчивого развития (теоретико-социологический анализ) // Международный научный журнал «Финно-угорский мир». 2014. № 1

122. Харючи С.Н. Правовые проблемы коренных малочисленных народов Севера России: монография. М., 2008.

123. Харючи С.Н. Развитие законодательства о защите прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 7.

124. Харючи С.Н. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России: монография / С.Н. Харючи, К.Г. Филант, И.Ю. Антонов. М., 2009.

125. Харючи С.Н., Филант К.Г., Антонов И.Ю. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

126. Чапурко Т.М. Преступность несовершеннолетних и защита, охрана прав и интересов несовершеннолетних // Преступность, криминология, криминологическая защита. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2007.

127. Черновицкая Ю.В. «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты) // Вопросы философии. 2008. № 10.

128. Чуб И.С. Криминологическая характеристика производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (на материалах практики органов внутренних дел Краснодарского края) // Общество и право. 2009. № 2

129. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. 1912.

130. Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2004.

131. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М., 1971.

Диссертации и авторефераты

132. Абовян Э.П. Предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения в семейно-бытовой сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011.

133. Абубакаров А.А. Криминологический анализ и предупреждение пьянства и алкоголизма как негативного социального явления в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

134. Арбузов А.В. Правовой нигилизм: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

135. Бабиченко К.Н. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

136. Барыкина Н.В. Медико-социальные особенности формирования наркозависимости в условиях крайнего севера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
137. Бахарев Д.В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности: история, теория, методы, практика: автореф. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016.
138. Бекетов О.И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование: автореф. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2011.
139. Бережная О.Г. Культура коренных малых народов ямало-ненецкого автономного округа в современных условиях и ее перспективы: автореф. канд. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2007.
140. Гилязева Д.Р. Взаимодействие норм международного и национального права в сфере охраны экологических прав коренных народов: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015.
141. Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы патернализма партнерства в отношении коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
142. Демина К.С. Криминологическая характеристика и детерминанты современной женской преступности (по материалам Кемеровской, Новосибирской и Томской областей): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011.
143. Зарубин С.П. Криминологическая характеристика и профилактика преступности лиц, содержащихся в следственных изоляторах: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010.
144. Ильина Е.П. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (по материалам Камчатского края): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
145. Конев А.А. Преступность и проблема измерения ее реального состояния: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
146. Корченков В.В. Социальное регулирование в сфере девиантного поведения (на примере пьянства и алкоголизма). дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.
147. Кузьмина Е.Б. Механизм женского преступного насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
148. Курбанова Д.А. Традиции и обычаи народов Дагестана в системе мер предупреждения преступности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
149. Курганов С.И. Основания криминологической теории (теоретико-познавательные и прикладные проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
150. Лебедев С.Я. Традиции и обычаи в системе криминологической детерминации: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
151. Магомедов Н.Н. Личность преступника-взяточполучателя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
152. Макаров В.В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

153. Маринина О.С. Этнокультурное и общественно-политическое сотрудничество финно-угорских народов в современной России: дис. ... канд. истор. наук. Йошкар-Ола, 2008.
154. Мокосеева М.А. Личность виновного в преступлении и ее значение для установления пределов ответственности по уголовному кодексу РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
155. Налетов А.М. Взаимодействие быта коренных малочисленных народов севера и культуры переселенцев в современных условиях: дис. ... канд. фил. наук. Тюмень. 2005.
156. Репецкая Ю.С. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в отношении лиц пожилого возраста: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
157. Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.
158. Савчина М.Д. Этнопсихологический аспект социально-психологической адаптации коми и русских подросткового и юношеского возрастов: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2006.
159. Смирнов Г.Г. Проблемы развития и реализации криминологического учения о предупреждении преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
160. Сторубленкова Е.Г. Изучение статистической зависимости преступности от криминогенных факторов: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
161. Хамитова Г.Ф. Правовой нигилизм молодежи как социальная проблема современного российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2010.
162. Харючи С.Н. Правовые проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов севера России (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2010.
163. Цагов И.А. Социокультурные установки нигилизма в жизненных стратегиях россиян: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2017.
164. Чахов Г.Н. Личность современного насильственного преступника как объект криминологического изучения: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2004.
165. Шапиев С.М. Преступность и общество: криминологическое теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000.
166. Швецов А.В. Статистический анализ влияния социально-экономических факторов на уровень преступности в регионе: дис. ... канд. эконом. наук. М., 2006.
167. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000.
168. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

Материалы практики

169. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.09.1987 № 5 «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений» (ред. от 06.02.2007) // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ 1961-1993. М., 1994.
170. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. 05 июня.
171. Номенклатурное дело по исполнению законодательства о профилактике // Архив прокуратуры Ямальского района за 2015 год.
172. Ведомственный отчет «Надзор за следствием и дознанием» // Архив прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа за 2016 год.
173. Надзорное производство по уголовному делу №200800004/41// Архив прокуратуры Тазовского района ЯНАО 2008 год.
174. Надзорное производство по уголовному делу № 20102260/41 // Архив прокуратуры Тазовского района за 2010 год.
175. Надзорное производство по уголовному делу №201200032/40 // Архив прокуратуры Красноселькупского района ЯНАО за 2012 год.
176. Надзорное производство по уголовному № 201200041/43// Архив прокуратуры Ямальского района 2012 год.
177. Надзорное производство по уголовному делу № 201300024/39 // Архив прокуратуры Приуральского района ЯНАО 2013 год.
178. Надзорное производство по уголовному делу № 201402019 // Архив прокуратуры Пуровского района за 2013 год.
179. Надзорное производство по уголовному делу № 201300064/38 // Архив Надымской городской прокуратуры 2013 год.
180. Надзорное производство по уголовному делу № 201302471/38 // Архив Надымской городской прокуратуры за 2013 год.
181. Надзорное производство по уголовному делу № 201302714 // Архив прокуратуры Тазовского района 2013 год.
182. Надзорное производство по уголовному делу № 20132718 // Архив прокуратуры Тазовского района за 2013 год.
183. Надзорное производство по уголовному делу №201500010/43 // Архив прокуратуры Ямальского района за 2013 год.
184. Надзорное производство по уголовному делу № 201400001/39 // Архив прокуратуры Приуральского района ЯНАО 2014 год.
185. Надзорное производство по уголовному делу № 201402118/41 // Архив прокуратуры Тазовского района за 2014 год.
186. Надзорное производство по уголовному делу №201402614/41 // Архив прокуратуры Тазовского района за 2014 год.
187. Надзорное производство по уголовному делу № 201500009/39 // Архив прокуратуры Приуральского района 2015 год

188. Надзорное производство по уголовному делу №201500021/38 // Архив Надымской городской прокуратуры за 2015 год.
189. Надзорное производство по уголовному делу №20152024/36 // Архив прокуратуры г. Салехарда за 2015 г.
190. Надзорное производство по уголовному делу №201500010/41 // Архив прокуратуры Тазовского районного суда за 2015 год.
191. Приговор суда по делу № 201600026/41/Архив прокуратуры Тазовского района ЯНАО

Электронные ресурсы

192. Коренные малочисленные народы Ямало-Ненецкого автономного округа. <http://regionyamal.ru/narody>
193. Сайт УМВД по Ямало-ненецкому автономному округу [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://89.mvd.ru/> (дата обращения 20.03.2017 г.)
194. Сайт Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://dkmns.ru> (дата обращения: 15.02.2015 г.)
195. Сайт департамент по молодежной политике и туризма администрация ЯНАО [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.yamolod.ru> (дата обращения: 05.08.2015 г.).
196. Сайт МВД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <https://мвд.рф> (дата обращения: 20.03.2015 г.).
197. Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rairon.info> дата обращения 26.03.2017
198. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО за 2016 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://dkmns.ru/> (дата обращения: 23.03.2017 г.).
199. Образовательные бренды Ямала [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://praktiki.yamaledu.org/> (дата обращения: 20.07.2015 г.).
200. Второй доклад комитета экспертов ВОЗ по проблемам, связанным с потреблением алкоголя 2006 г.: Женева, Швейцария. С. 24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.who.int/ru> (дата обращения 20.03.2015 г.).
201. Сайт Губернатора Ямало-ненецкого автономного округа [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.kobilkin.ru/> (дата обращения: 25.03.2017 г.).
202. Индейцы США 13 фактов [Электронный ресурс]. Режим доступа: // www.golos-ameriki.ru/a/native-americans-facts-2010-12-01-111148259/190896.html
203. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО за 2014 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://dkmns.ru/> (дата обращения: 03.08.2015 г.).

Научное издание

**Криминологическая характеристика и профилактика
преступности коренных малочисленных народов Севера**

Монография

Печатается в авторской редакции

Верстка и техническое редактирование: *Е.В. Шабанова*

Фото на обложке: *Сергей Анисимов (г. Салехард)*

Тиражирование: *Г.А. Щукина*

Подписано в печать 16.05.2017. Формат 60x84/16

Усл. п. л. 8,3. Уч.-изд. л. 9,4

Тираж 100 экз. Заказ № 127

Редакционно-издательское отделение
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

